

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Артемова Ю.А. Соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей в Дании: правовые особенности	3
Гриднева О.В., Гришмановский Д.Ю., Субхангулов Р.Р. Особенности заключения гражданско-правовых договоров учреждениями МВД России.....	7
Козлов И.А. Доктрина утраты шанса: плюсы и минусы признания теории	13
Пильчина Д.Ж. О соотношении процедур банкротства умершего гражданина и отсутствующего должника.....	18
Костенко Е.А. Проблемы субъектного состава органов, осуществляющих государственный надзор и муниципальный контроль целевого использования земельных участков.....	22
Воронов С.П., Назаров С.А. О расширении уголовной ответственности за нарушения обязательных требований пожарной безопасности	27

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Голубцова А.И. О мерах по повышению эффективности деятельности медико-санитарных частей ФСИН России.....	30
Богомолов А.Н. Проблемы законодательной регламентации компьютерного мошенничества	36
Даровских О.И. Методологические подходы к понятию «эффективность уголовно-процессуальной деятельности»	39
Костерин В.В. К вопросу о сущности обвинения и уголовно-процессуальном механизме его формулирования и выдвижения	45
Косых В.А. Лесные насаждения как предмет преступного посягательства. Теоретический и практический аспект.....	50
Милаева М.Ю. Проблемы квалификации привилегированных составов 106, 107 и 108 УК РФ: спорные вопросы и их решения	56
Пономарев В.Г. Анализ практики применения уголовного законодательства в борьбе с киберпреступлениями	61
Рязанова Е.Н. Правовые аспекты определения места совершения и момента окончания хищения денежных средств с использованием информационно-коммуникационных технологий.....	67

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jur-science@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **РузакOVA Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 30.10.2021
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

TABLE OF CONTENTS

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

<i>Artemieva Yu.A.</i> Alimentary agreement for minors in Denmark: legal specifications	3
<i>Gridneva O.V., Grishmanovsky D. Yu., Subkhangulov R.R.</i> Features of the conclusion of civil law contracts by institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia	7
<i>Kozlov I.A.</i> The Loss of Chance Doctrine: pro and contra of theory recognition.....	13
<i>Pilchina D. Zh.</i> About the relationship of bankruptcy procedures of a dead person and an absent debtor	18
<i>Kostenko E.A.</i> Problems of the subject composition of bodies implementing state supervision and municipal control of purpose use of land plots	22
<i>Voronov S.P., Nazarov S.A.</i> On the expansion of criminal liability for violations of mandatory fire safety requirements	27

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

<i>Golubtsova A.I.</i> On measures to improve the efficiency of medical and sanitary units Federal Penitentiary Service of Russia	30
---	----

<i>Bogomolov A.N.</i> Problems of legislative regulation of computer fraud	36
<i>Darovskikh O.I.</i> Methodological approaches to the concept of «the effectiveness of criminal procedural activity»	39
<i>Kosterin V.V.</i> In addition to the question of the essence of the accusation and the criminal-procedural mechanism of its formulation and nomination.....	45
<i>Kosykh V.A.</i> Forest plantations as a subject of criminal encroachment. Theoretical and practical aspect.....	50
<i>Milaeva M. Yu.</i> Problems of qualification of privileged compositions 106, 107 and 108 of the Criminal Code of the Russian Federation: controversial issues and their solutions	56
<i>Ponomarev V.G.</i> Analysis of the practice of applying criminal legislation in the fight against cybercrimes.....	61
<i>Riazanova E.N.</i> Legal aspects of determining the place of commission and the end of the theft of funds using information and communication technologies.....	67

Соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей в Дании: правовые особенности

Артемьева Юлия Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданского права и процесса и международного частного
права Юридического института РУДН
E-mail: kafedra_gtp@mail.ru.

Регулирование в области правоотношений, возникающих в связи с заключением, изменением, прекращением и исполнением соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних Детей в Дании является одним из наиболее сформированных и устоявшихся среди государств Европейского союза. При этом оно обладает рядом особенностей, которые не были реципированы другими государствами – членами Европейского союза, но которые заслуживают особое внимание в силу своей специфики. В настоящей статье автором проанализированы как базовые аспекты, касающиеся соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетнего ребенка, среди которых, например, формальные требования к такому соглашению и его содержание, порядок определения и изменения размера алиментов, действительность алиментного соглашения во времени и ответственность за его несоблюдение. Среди особенностей, характерных Дании, автором, например, представлен анализ влияния обязательства по уплате алиментов на налогообложение, а также влияния наличия соглашения об уплате алиментов на возможность принудительного взыскания алиментов.

Ключевые слова: соглашение об уплате алиментов, алименты, обязанность по содержанию детей, Дания, нарушение обязанности по уплате алиментов, налогообложение.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00092 А (получатель Артемьева Ю.А., Договорное регулирование алиментных обязательств по содержанию несовершеннолетних. Социально правовое исследование российского и зарубежного опыта (на примере стран Евросоюза и США).

Введение

Развод или прекращение отношений родителей, не состоявших в браке, затрагивает не только права и интересы самих родителей, но и напрямую влияет на их детей. При прекращении совместного проживания обоих родителей с несовершеннолетним ребенком возникает множество вопросов, требующих урегулирования: С кем из родителей будет проживать ребенок? Как часто и на каких условиях ребенок будет видеться с родителем, с которым не проживает? В каком соотношении родители будут нести расходы на содержание ребенка?

Обусловлено это тем, что обязанность родителей по содержанию своих детей не зависит от взаимоотношений между родителями. Так, согласно статье 13 Закона о содержании детей [2] родители в индивидуальном порядке обязаны содержать ребенка. Ребенка необходимо поддерживать, воспитывать и обучать с учетом условий жизни родителей и наилучших интересов ребенка.

В этой связи именно соглашение об уплате алиментов становится тем документом, в котором должны быть закреплены ответы не только на указанные вопросы, но и на многие другие имущественные и неимущественные вопросы, возникающие в ходе воспитания и содержания ребенка.

Универсальность соглашения об уплате алиментов заключается в том, что соглашение является проявлением автономии воли родителей и в силу свободы договора может адаптироваться под условия конкретных семейных правоотношений с учетом их уникальных особенностей.

В настоящей статье автором более подробно будут рассмотрены следующие аспекты, связанные с соглашением об уплате алиментов на несовершеннолетних детей в Дании: содержание соглашения и требования к нему, порядок определения и изменения размера алиментов, влияние алиментного соглашения на налогообложение, действие соглашения во времени и ответственность за несоблюдение обязательств об уплате алиментов.

Формальные требования к алиментному соглашению и его содержание

Соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей в Дании, в отличие от большинства

государств Европейского союза, будет являться действительным вне зависимости от того, было ли оно заключено в устной или в письменной форме. Его действительность также не зависит и от того, прямо или косвенно оно «одобрено» государственной администрацией, например, путем записи в протоколе переговоров по его условиям или путем разработки самого соглашения.

Однако по общему правилу, приоритет отдается письменной форме соглашения об уплате алиментов, с четким закреплением в соглашении его ключевых условий – о размере алиментного обязательства, порядке и сроках уплаты алиментов. Также, исходя из практики разрешения споров, возникающих из соглашений об уплате алиментов, в соглашение следует включать не только те положения, которые регулируют существующие отношения между родителем, но также и действовать на опережение, пытаясь предугадать возможные жизненные изменения, например, когда родитель-плательщик алиментов снова становится родителем – как это будет влиять на размер алиментов?

В обратном случае такое соглашение может привести к непредвиденным последствиям и возникновению споров, которые зачастую не могут быть решены самими родителями. Например, когда родитель-плательщик алиментов считает, что любое сокращение его дохода влечет снижение размера алиментов, а другой родитель с этим не согласен. Для удобства родителей, а также гарантии соблюдения интересов детей Семейным агентством Дании было разработано Руководство по соглашениям об алиментах [4], которое содержит ключевые рекомендации, которые способствуют эффективному функционированию соглашения и предотвращению возможных споров.

Порядок определения и изменения размера алиментов

Согласно общему правилу, установленному в статье 14 Закона о содержании детей, размер алиментов определяется с учетом наилучших интересов ребенка и представляет собой обычный взнос. При этом размер взноса может быть увеличен с учетом размера дохода родителя-плательщика алиментов. Однако размер алиментов на несовершеннолетнего ребенка состоит не только из базовой суммы, но и из доплаты.

Отличительной особенностью датского законодательства являются следующие два положения, также закрепленные в статье 14 Закона о содержании детей:

- первое касается ситуации, когда ребенок не проживает на территории Дании: если ребенок проживает в стране, где прожиточный минимум значительно ниже, чем в Дании, размер алиментов, в исключительных случаях, может быть установлен ниже обычного размера;
- второе касается случая рождения ребенка в результате сексуального насилия: если ре-

бенок был рожден в результате посягательства на сексуальную свободу, установленного судебным решением, отец должен уплачивать алименты в размере, полностью покрывающем все расходы на содержание ребенка.

Подобная детализация профильного регулирования свидетельствует о его особой проработанности и попытке законодателя ответить на те наиболее острые правовые проблемы, которые были выявлены в ходе формирования правоприменительной практики.

Ежегодно Семейное агентство Дании выпускает руководство с инструкциями по определению размера алиментов, в котором указаны ориентировочные пределы дохода, от которого зависит размер алиментов, подлежащих уплате. По состоянию на 2021 год данные суммы являются следующими:

- базовая сумма: 1278 датских крон в месяц (7668 датских крон в полгода и 15336 датских крон в год, соответственно);
- доплата: 165 датских крон в месяц (990 датских крон в полгода и 1980 датских крон в год, соответственно) [3].

Если суммировать, то общий взнос (обычный взнос) составляет 1443 датских крон в месяц и эта сумма является минимальным размером алиментов, который может быть предусмотрен алиментным соглашением. Размер базовой суммы варьируется в зависимости от того, скольким детям будут выплачиваться алименты и какой доход имеет плательщик.

Кроме того, поскольку размер алиментов зависит в том числе и от заработной платы родителя-плательщика алиментов, то он может быть увеличен за счет так называемой процентной надбавки, если доход платящей стороны превышает базовый годовой размер дохода, используемый при расчете обычного взноса. В этом случае к обычному взносу добавляются 100, 200 или 300 процентов от обычного взноса в зависимости от того, сколько у плательщика алиментов детей и насколько высокий у него доход.

Например, у плательщика алиментов один ребенок и его годовой доход превышает 530000 датских крон. В таком случае общая сумма обычного взноса на 2021 год будет увеличена на 100 процентов от размера общего взноса, то есть 1443 датских крон в месяц + 1443 датских крон в месяц = 2886 датских крон в месяц.

Как было указано ранее, в ходе исполнения обязательств по алиментному соглашению как у родителя-плательщика алиментов (например, снижение доходов, рождение ребенка и т.д.), так и у ребенка (например, дополнительные образовательные, медицинские и иные расходы) могут возникнуть обстоятельства, которые сделают необходимым внесение изменений в размер согласованных родителями алиментов. Если родители не могут договориться самостоятельно о новом размере алиментов, то заинтересованный родитель может обратиться в Суд по семей-

ным делам с заявлением о пересмотре размера алиментов.

Согласно статье 17i Закона о содержании детей основанием для изменения размера алиментов, установленного алиментным соглашением, являются исключительные случаи, когда условия соглашения признаны явно несправедливыми, обстоятельства существенно изменились или соглашение противоречит интересам ребенка. Изменение размера алиментов происходит уже со следующего дня после вынесения судебного акта.

Однако в ряде случаев это правило неприменимо. Так, например, изменения вступят в силу с более ранней даты, то есть получат обратную силу, если предыдущие условия соглашения явно нарушали права ребенка. Таким образом, в случае если соглашение, к которому пришли родители, является необоснованным и противоречит интересам ребенка, оно может быть изменено не только по соглашению родителей, но и на основании решения Суда по семейным делам.

Алиментное соглашение и налогообложение

Согласно статье 10 Закона об оценке налогов [1] лицо, выплачивающее алименты на ребенка, может получить налоговый вычет на эту сумму. Налоговый вычет может быть предоставлен только в отношении базовой суммы взноса (процентная надбавка и доплата размер налогового вычета не увеличивают). Величина налогового вычета составляет, по состоянию на 2021 год, около 27% от размера выплачиваемой базовой суммы алиментов.

Стоит отметить, что налоговый вычет можно получить не только в том случае, если между родителями в добровольном порядке заключено алиментное соглашение, но и в тех случаях, когда алименты установлены в судебном порядке. Однако единым правилом является возрастное ограничение – налоговый вычет предоставляется только в отношении тех алиментов, которые выплачиваются на несовершеннолетнего ребенка, то есть ребенка, не достигшего 18-летнего возраста.

Если ребенок живет с обоими родителями совместно, считается, что ребенок живет с тем родителем, по месту жительства которого зарегистрирован ребенок. Таким образом, в подобной ситуации именно место регистрации позволит родителю получить налоговый вычет. Также законом отдельно подчеркивается, что право на получение налогового вычета в связи с уплатой алиментов распространяется как на случаи детей, рожденных в браке, так и на внебрачных детей (статья 11 Закона об оценке налогов).

Действие соглашения об уплате алиментов во времени

В статье 14 Закона о содержании детей установлено общее правило, согласно которому обязанность по уплате алиментов прекращается в момент до-

стижения ребенком 18-летнего возраста. Однако из данного общего правила имеется ряд исключений, которые могут как продлить период уплаты алиментов, так и сократить его.

Досрочно обязанность по уплате алиментов может прекратиться в случае вступления ребенка в брак до достижения совершеннолетия, если государственная администрация не примет иного решения. Продлится период уплаты алиментов может в случае получения ребенком образования, тогда алименты на компенсацию расходов на обучение и образование подлежат уплате до достижения ребенком 24-летнего возраста, а размер алиментов будет формироваться в зависимости от личного дохода совершеннолетнего ребенка.

Нестандартной особенностью законодательства Дании является урегулирование вопроса об уплате алиментов в случае усыновления или смерти ребенка. Так, в связи с тем, что алименты подлежат ежемесячной уплате в порядке авансирования, усыновление или смерть ребенка не влекут за собой освобождение его родителя от уплаты даже части размера алиментов за текущий период (в котором произошел юридический факт).

Ответственность за несоблюдение обязательства по уплате алиментов

В случае, если родитель-плательщик алиментов перестал надлежащим образом исполнять свои обязательства по алиментному соглашению, а у второго родителя не получается самостоятельно решить эту проблему, он может обратиться за принудительным исполнением данной обязанности. При этом в Дании данный механизм работает следующим образом: государство берет на себя обязанности родителя-плательщика алиментов и выплачивает алименты, сумму которых в дальнейшем в порядке регресса взыскивает с недобросовестного родителя. В первую очередь это делается именно с целью защиты интересов ребенка.

Такой порядок возможен только в случае, если между родителями заключено соглашение об уплате алиментов. Если соглашение об уплате алиментов заключено не было, то выплата алиментов государством не предусматривается и возможна только посредством взыскания суммы алиментов с плательщика алиментов, что предоставляет ребенку меньшие гарантии.

Заключение

Из анализа законодательства Дании можно сделать вывод об общей тенденции смещения приоритета в области порядка установления алиментных обязательств в отношении несовершеннолетних детей с судебного в пользу договорного. Особенно ярко это проявляется в возможности наиболее благоприятного и гарантированного для добросовестного родителя порядка принудительного исполнения алиментных обязательств, возникающих на основании соглашения.

Отличительной особенностью уплаты алиментов на несовершеннолетних детей в Дании является детализованная регламентация большинства правоотношений, сопровождающих процесс уплаты алиментов. Наиболее прогрессивными инструментами являются налоговые вычеты на сумму базового размера алиментов, а также дифференцированный подход к определению размера алиментов. В итоге можно сделать вывод о том, что регулирование соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей в Дании является в большей мере нестандартным и многоаспектным, чем профильное регулирование большинства государств – членов Европейского союза.

Литература

1. Bekendtgørelse af lov om børns forsørgelse // Retsinformation. URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2019/773> (accessed on: 28.09.2021).
2. Bekendtgørelse af lov om påligningen af indkomstskat til staten (ligningsloven) // <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2021/1735> (accessed on: 28.09.2021).
3. Beregning af børnebidragets størrelse // Familieretshuset. URL: <https://familieretshuset.dk/foraeldreansvar/foraeldreansvar/boernebidrag/fastsaettelse-af-boernebidragets-stoerrelse> (accessed on: 28.09.2021).
4. Vejledning om aftaler om børnebidrag // Retsinformation. URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/retsinfo/2019/9262> (accessed on: 28.09.2021).

ALIMENTARY AGREEMENT FOR MINORS IN DENMARK: LEGAL SPECIFICATIONS

Artemieva Yu.A.
RUDN

Regulation in the field of legal relations arising in connection with the conclusion, modification, termination and execution of an alimentary agreement for minors in Denmark is one of the most formed and well-established among the states of the European Union. At the same time, it has a number of features that have not been received by other member states of the European Union, but which are receiving special attention due to their specificity. In this article, the author analyzes the basic aspects concerning the alimentary agreement for minors, including, for example, the formal requirements for such an agreement and its content, the procedure for determining and changing the amount of alimony, the validity of the alimony agreement in time and liability for its non-compliance. Among the features characteristic of Denmark, the author, for example, presents an analysis of the impact of the obligation to pay alimony on taxation, as well as the impact of the existence of an alimony agreement on the possibility of enforced recovery of alimony.

Keywords: alimony agreement, alimony, maintenance of minors, obligation to support children, Denmark, violation of the obligation to pay alimony, taxation.

References

1. Bekendtgørelse af lov om børns forsørgelse // Retsinformation. URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2019/773> (accessed on: 28.09.2021).
2. Bekendtgørelse af lov om påligningen af indkomstskat til staten (ligningsloven) // <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2021/1735> (accessed on: 28.09.2021).
3. Beregning af børnebidragets størrelse // Familieretshuset. URL: <https://familieretshuset.dk/foraeldreansvar/foraeldreansvar/boernebidrag/fastsaettelse-af-boernebidragets-stoerrelse> (accessed on: 28.09.2021).
4. Vejledning om aftaler om børnebidrag // Retsinformation. URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/retsinfo/2019/9262> (accessed on: 28.09.2021).

Особенности заключения гражданско-правовых договоров учреждениями МВД России

Гриднева Ольга Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России
E-mail: olga_gridneva@bk.ru

Гришмановский Денис Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России
E-mail: grishmanovsky@mail.ru

Субхангулов Рустем Раисович,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
E-mail: 55671@rambler.ru

Статья посвящена исследованию института договорных отношений. Руководители органов внутренних дел должны использовать различные гражданско-правовые методы для эффективного и рационального использования имущества и решения, стоящих перед ним задач, при получении материальных и технических средств, необходимых для выполнения основных функций МВД России. Особенно это относится к работе, связанной с заключением гражданско-правовых сделок и договоров которую осуществляют тыловые и правовые подразделения. Общие теоретические знания гражданско-правовых институтов, таких как сделки и договорные обязательства, должны помогать руководителям подразделений тыла. Авторы статьи анализируют гражданское законодательство и судебную практику заключения гражданско-правовых договоров учреждениями Министерства внутренних дел Российской Федерации и дают ряд практических рекомендаций связанных с заключением основных видов гражданско-правовых договоров.

Ключевые слова: гражданское право, гражданско-правовые договоры, заключаемые учреждениями Министерства внутренних дел России.

Для обеспечения деятельности органов внутренних дел, рационального использования и приобретения имущества, а также выполнения основных функций МВД России руководителями органов внутренних дел необходимо применение различных гражданско-правовых методов решения задач, таких как получение материальных и технических средств, необходимых для выполнения основных функций МВД России. В отличие от руководителей юридических лиц – органы внутренних дел действуют в рамках лимита бюджетных средств.

Особенно это относится к работе, связанной с заключением гражданско-правовых сделок и договоров которую осуществляют тыловые и правовые подразделения. Общие теоретические знания гражданско-правовых институтов, таких как сделки и договорные обязательства, должны помогать руководителям вообще и руководителям подразделений тыла, в частности.

В соответствии со статьей 153 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) договор – это действия граждан и юридических лиц по установлению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей [2].

Соответственно сделка, заключенная для нужд органов внутренних дел, – это действия между двумя или несколькими юридическими субъектами, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, которые могут быть выражены в различных правовых формах. При этом, сделки классифицируются по разным основаниям, например, по составу субъекта они подразделяются на односторонние и двусторонние.

Односторонней считается сделка, для совершения которой достаточно выражения воли одной стороны (п. 1 ст. 154 ГК), не требуют чье-либо согласия и совершаются одним лицом. К числу односторонних сделок можно отнести, такие действия как выдача доверенности, отзыв доверенности, объявление торгов (конкурсов), акт выбора предмета исполнения в альтернативном обязательстве, акт одностороннего изменения или расторжения договора, представление в банк платежного поручения и др.

Поэтому при выдаче доверенностей руководитель должен знать основные требования, предъявляемые к данному документу, а именно: указание даты ее выдачи является обязательным ее условием, иначе такая доверенность является недействительной. Также необходимо четко прописывать полномочия представителя, поскольку

как показывает практика, оформлению полномочий представителей организаций является одной из важных задач, которая может привести к подписанию сделки неуполномоченным лицом. Впоследствии такие договоры могут быть признаны недействительными или незаключёнными.

Сделки, в которых требуется согласование воли двух и более лиц, – это двусторонние и многосторонние сделки. Такие сделки называются договорами или в практике имущественного оборота – контрактами.

Договоры можно квалифицировать как возмездные и безвозмездные [3, С. 30]. Если иное не вытекает из закона, иных правовых актов, любой договор, по общему правилу, считается возмездным, что означает, что контрагент в любом случае может потребовать плату за неисполнение обязанностей [7, С. 238].

Это обусловлено тем, что при заключении гражданско-правовых договоров с участием органов внутренних дел основная их масса является возмездными договорами, а, следовательно, вопрос о цене договора является важным.

В соответствии с ГК РФ за учреждениями, имеющими имущество на праве оперативного управления имеются ограничения по распоряжению им. Подобным имуществом нельзя распорядиться без согласия собственника. Одной из сделок, заключаемых органами внутренних дел, являются договоры аренды. Однако становиться арендодателями они не могут (происходит временное отчуждение имущества). Но они вправе становиться арендаторами, заключать договоры аренды движимого и недвижимого имущества (в пределах средств, выделяемых им по смете). В настоящее время действует Указ Президента РФ от 21 апреля 1996 г. № 572 «О передаче в оперативное управление МВД России арендуемых зданий, сооружений и помещений» [9].

При необходимости распоряжения имуществом руководитель ФКУ должен истребовать согласия собственника имущества (органа, выполняющего функции собственника имущества) в отношении любого имущества учреждения. Руководители других видов учреждений должны истребовать такое согласие только в отношении отдельных видов имущества. Например, руководитель предприятия должен получить согласие на распоряжение движимым имуществом, имеющим особую ценность, и всей недвижимостью.

Для всех договоров гражданским законодательством предусмотрено требование о наличии существенных условий, к которым законодатель относит: предмет договора; условия, которые предусмотрены законом как существенные; условия, являющиеся типичными для данного договора; условия по которым стороны достигли соглашения [1, С. 2003].

Предмет договора выражается в действиях каждой из сторон соглашения. В случае несогласования сторонами предмета договора, сделка будет считаться незаключённой. Так при заключении

контракта на поставку (закупку) форменной одежды, спецсредств т.п. важным элементом предмета договора является качество, количество и ассортимент товара. Товар должен соответствовать обязательным требованиям законодательства, если таковые существуют. Сертификат является оптимальным документальным подтверждением качества товара. Его необходимо так же предварительно запросить у контрагента и это условие можно прописать в техническом задании.

Предметом договора по выполнению работ (подряда) является материальный результат, связанный с созданием новой вещи, ее изменением, например, ремонт помещений, изменение планировки. В отличие от договора от договора подряда другие договоры следует считать договорами по оказанию услуг, к которым могут применяться общие положения о договорах по выполнению работ.

Еще одной важнейшей частью договора является условие о его цене. Для целой группы договоров она является существенным условием. При отсутствии цены в таком договоре он считается незаключённым. Важно, что если сделка подлежит обложению НДС, требуется указание на то, включена или нет сумма НДС в цену договора. В итоге, договор должен включать в себя сведения о том, что входит в его стоимость, а что – нет, какая из сторон несёт расходы по договору и возмещаются ли они другой стороной.

Договор должен содержать данные о порядке оплаты, в какой момент и в какой форме она происходит. Исходя из соображений сторон, договор может включать частичную или стопроцентную предоплату, оплату частями по результатам выполнения определённых условий или оплату по итогам исполнения договора.

Если специфика договора предусматривает определённый срок выполнения каких-либо работ (например, поставка, подряд), то подобные условия требуют максимальной конкретизации и четкости. Если для поставки допускается указание периода поставки, то для договора подряда (например, текущего ремонта помещений) необходимо указывать дату начала и дату окончания работ. Кроме того, допускается указание промежуточных сроков исполнения договора, которые будут привязаны к исполнению договора в части и оплаты за выполненную работу или поставку. Указание конкретных сроков позволяет избежать споров при доказательстве факта нарушения данных условий одной из сторон. При заключении договора, предполагающего длительные правоотношения (например, аренда), необходимо указать общий срок его действия, а также предусмотреть возможность и условия его продления. При этом в договоре аренды если срок составляет более одного года он подлежит государственной регистрации как обременение прав собственника.

Для исполнения договора в надлежащем порядке необходимо предусмотреть неустойку, залог, задаток, поручительство или иные способы

обеспечения исполнения обязательств, что даст гарантию безопасности и возможность потребовать исполнение сделки. Обязательно условие претензионного порядка урегулирования споров до обращения в суд.

Рассматривая данный вопрос можно предложить сотрудникам учреждений органов внутренних дел, ответственным за ведение договорной работы, ряд практических рекомендаций, связанных с заключением основных видов договоров.

Как показывает практика, успех любых договорных отношений во многом зависит от того, насколько юридически грамотно составлен договор [8, С. 13]. К сожалению, многие рассуждают примерно так: «Зачем нужен юрист, если везде продаются сборники типовых договоров и Интернет забит шаблонами?».

В этом как раз и заключается самая большая проблема, поскольку такого рода типовые договоры всего лишь возможные варианты, причем достаточно упрощенные. Они не учитывают всех особенностей совершаемой сделки, оставляя многие важные моменты не оговоренными. Не лучшим вариантом является и подписание договоров полностью подготовленных юристами контрагента, они всегда будут давать преимущества той стороне, которая готовила текст этого договора.

В результате, заключая такие договоры, такая сторона часто рискует, поскольку в случае возникновения спора защищать свои права в суде будет крайне сложно, а в некоторых случаях и невозможно. Нередки, к сожалению, и ситуации когда другая сторона специально «допускает ошибки», чтобы подстраховаться на будущее, либо обмануть и попросту уйти от ответственности.

К примеру, нарушения некоторых правил заключения договоров могут привести к признанию их недействительными, а это позволит контрагенту попросту «уйти» на законных основаниях от выполнения своих обязательств и возмещения причиненного вреда [7, С. 33]. А чтобы вернуть свое могут понадобиться месяцы, а то и годы.

Потому думать о возможных последствиях надо до заключения сделки, а никак не после того, как выяснилось, что условия подписанного вами договора крайне невыгодны, вторая сторона самым беспардонным образом нарушает свои договоренности, или тем более скрылась в неизвестном направлении.

В данном случае ряд практических советов позволят уберечь ответственных лиц за ведение договорной работы в системе МВД от совершения наиболее грубых ошибок при заключении любого гражданско-правового договора.

Правило первое. Еще в начале необходимо понять надежен ли контрагент. Это можно сделать путем проверки адресных и регистрационных данных, финансового состояния, истории и репутации компании. Полезно просмотреть сайты с информацией об участии Вашего партнера в судебных спорах, тогда можно узнать много интересного о его взаимоотношениях с другими партнерами.

Имея интернет и зная список нужных сайтов сделать это не очень сложно.

Правило второе. Убедиться в том, что договор заключается с надлежащим лицом, имеющим соответствующие полномочия. Иначе Ваш договор будет признан недействительным, а предъявлять требования потом будет просто не к кому.

Удостоверится в том, что другая сторона имеет право на подписание договора можно потребовав и изучив такие документы как устав, Свидетельство о государственной регистрации, свежую Выписку из Единого госреестра юридических лиц, где указаны данные действующего руководителя и т.п.

Обязательно изучите устав юридического лица – с тем, чтобы удостовериться, что полномочия директора ничем не ограничены, например, суммой совершаемой им сделки. Иначе требуется обязательное одобрение этого договора учредителями или акционерами.

В качестве приложения к договору представитель должен предоставить оригинал доверенности.

Вот реальный пример из практики. У фирмы длительные договорные отношения с индивидуальным предпринимателем. Договоры подмахиваются работниками партнера без всяких доверенностей, печать ставит бухгалтер. Все было хорошо, пока у предпринимателя не возникли финансовые проблемы. В суде его представитель заявил, что договоры подписаны непонятно кем, печати у его доверителя нет вообще, поскольку она для ИП не требуется, и потребовал в качестве доказательств проведения экспертизы подписи на договорах. Понятно, что подписи там чужие.

Правило третье. Убедиться в том, что все обязательные требования закона к заключению данного вида договора выполнены.

Например, для сделок с недвижимостью как правило требуется государственная регистрация. Если ее нет, это будет означать, что договор не заключен. Это же правило касается и дополнительных соглашений к договору. Вы повысили арендную плату, но не зарегистрировали дополнительное соглашение? Тогда Вам не удастся что-либо доказать суду и придется довольствоваться арендной платой в прежнем размере.

В договоре должны быть оговорены все его существенные условия, которые указаны в Гражданском кодексе. Если хоть одно отсутствует – сделка будет считаться не заключенной. Можно хоть на десяти листах описать как кто кому платит деньги за аренду и кто что делает по содержанию помещения, но если вы не указали в договоре точно, какое конкретно помещение вы берете в аренду – вы договор не заключили.

Правило четвертое. Принимать самое непосредственное участие в выработке текста договора и его условий. Кто составляет договор – разницы нет. Но, разумеется, следует помнить, что тот кто составляет договор делает это, прежде всего, для себя. Поэтому, подписав предложенный Вам

текст договора не читая и не проконсультировавшись со специалистом, можно создать себе большие проблемы в случае возникновения спора.

За примерами далеко ходить не надо:

- не расписали подробно права и обязанности сторон, вряд ли у вас получится доказать Вашему партнеру, что вы от него хотели по этой сделке;

- не определили четко порядок и сроки оплаты, деньги за товар можно ждать месяцами;

- не предусмотрели ответственность сторон, ограничившись стандартной фразой о том, что за нарушение обязательств стороны несут ответственность в размере, предусмотренном гражданским законодательством, это может дорого стоить одной из сторон при просрочке платежей. В этом случае будет применяться учетная ставка банковского процента за пользование чужими деньгами, а это явный подарок вашему недобросовестному партнеру.

- не обратили внимание на арбитражную оговорку, возможны необоснованные расходы при возникновении спора. По общему правилу споры по договору решаются по месту нахождения ответчика. Но, закон позволяет сторонам договориться по-иному. Поэтому может случиться, что возникший спор придется разрешать в Арбитражном суде города Краснодара, Читы, Магадана и т.п.

Правило пятое. Уделять самое пристальное внимание техническим мелочам в тексте договора.

Следует обратить внимание на то, чтобы совпадали все даты, а также реквизиты, указанные в договоре с тем, что указано в выписке из реестра ЮЛ и изображено на печати.

Все пробелы в договоре должны быть либо заполнены, либо проставлены прочерки. Все исправления – должны быть оговорены и желательно заверены печатью [4, С. 146].

Все цифры в тексте договора рекомендуется расшифровывать путем буквенного написания в скобках. Это позволит избежать спорных ситуаций с «исчезнувшими» вдруг нулями или «перескочившей» запятой.

Если договоры имеют в тексте ссылки на дополнительные материалы – прайсы и т.п., необходимо чтобы эти документы существовали в момент подписания договора и были приложены к нему.

Для предотвращения фальсификаций следует подписать каждый лист договора или поставить на него свою печать.

Все эти правила основываются на многочисленной судебной практике. Невнимательность или небрежность в этом вопросе могут дорого стоить потерпевшей стороне.

Конечно, это лишь некоторые общие рекомендации, соблюдение которых позволит избежать ошибок при заключении договоров. Каждая сделка имеет свою специфику, свои особенности, свою судебную практику, поэтому свои персональные рекомендации можно дать по каждому договору.

Так, на сегодняшний день одним из самых распространенных видов договоров, в том числе

в практике учреждений МВД, является договор поставки. Соответственно и споры по таким договорам далеко не редкость. При этом наиболее уязвимой стороной в этих отношениях, как правило, оказывается не покупатель, а поставщик товара [5, С. 161].

Анализ судебной практики по договорам поставки позволяет выделить следующие типичные ошибки при его заключении:

Ошибка 1. Неточности в преамбуле договора.

Ошибка 2. предмет договора не определен.

Ошибка 3. Не согласована цена.

Ошибка 4. Не прописаны сроки.

Ошибка 5. Нет точных санкций.

Ошибка 6. Не определены четко форс-мажорные ситуации.

Ошибка 7. Не соблюдены требования по оформлению товарной накладной.

Ошибка 8. В договоре указаны неправильные реквизиты.

Ошибка 9. В договоре не определена дата его заключения.

Все перечисленное однозначно свидетельствует о необходимости очень внимательно относиться к условиям договора поставки, особенно когда он действует не один месяц или заключается на весьма крупную сумму. Это особенно важно, если между сторонами договора может возникнуть спор.

Как показывает практика, положительный исход дела в суде во многом зависит от того, насколько документально грамотно были оформлены отношения поставщика с покупателем.

Проверено, что надлежащая организация договорной практики помогает организации-поставщику «в разы» сократить убытки от потерь, связанных с неоплатой товара.

Еще одним достаточно распространенным видом договора является аренда. Несмотря на то, что на практике договоры об аренде – обычное дело, типичные ошибки при их заключении случаются довольно часто, о чем свидетельствуют многочисленные судебные споры между арендодателями и арендаторами.

Итак, сотрудникам, отвечающим за договорную практику, следует понимать, кто чем рискует по договору аренды.

У арендодателя риски могут быть следующие: использование помещения не по назначению; не получение арендной платы, особенно за последние месяцы срока аренды; имущество арендодателя может быть повреждено; арендаторы могут неожиданно исчезнуть, а арендодателя будут ежедневно навещать представители различных государственных и негосударственных структур.

Свои риски есть и у арендатора, в частности: ему могут попытаться сдать в аренду помещение, на которое «арендодатель» не имеет прав; договор может подписать ненадлежащее лицо и договор будет признан недействительным; арендуемое помещение может оказаться с недостатками, которые не позволят использовать его по назначе-

нию; арендодатель может резко увеличить размер арендной платы после обустройства и ремонта помещения арендатором; арендодатель может потребовать досрочного расторжения договора в самый неподходящий момент.

Конечно, этот перечень можно продолжать и дальше, но даже указанные риски говорят том, что необходимо тщательно подходить к тексту такого договора.

Следует также помнить, что договор аренды на практике обычно составляется в пользу арендодателя (собственника). Поэтому задача арендатора избежать дополнительных обязательств перед ним и смягчить требования арендодателя.

Итак, на какие моменты следует обратить особое внимание:

Первое – на надежность потенциальных партнеров по сделке. Данное правило касается обеих сторон и лучше о своем партнере узнать раньше, чем дело попадет в суд.

Второе – на полномочия сторон при заключении сделки и документы на помещение, сдаваемое в аренду. Необходимо проверить все документы, которые подтверждают право лица заключить договор.

Очень важно убедиться в том, что арендуемое помещение действительно принадлежит арендодателю, и он имеет право сдавать его в аренду, а само помещение не имеет обременений (арест, залог и т.д.). Подтверждением этого может стать свежая Выписка из Единого государственного реестра недвижимости. Если помещение сдаст в аренду не собственник или уполномоченное им лицо, договор будет недействительным.

Необходимо также определиться, нет ли ограничений на использование данного помещения под определенное назначение. Это важно, в частности, при расположении помещения в жилом доме. Иначе, велик риск «гневных» писем в органы наиболее «сознательных» соседей, либо банального вымогательства с арендатора денежных средств.

Третье – на наличие в договоре аренды существенных условий. По закону – это объект аренды и размер арендной платы. В тексте договора необходимо полностью прописать его предмет (т.е. его точный адрес, метраж, количество комнат и регистрационные данные из реестра), иначе он будет считаться незаключенным.

Еще одним условием договора является арендная плата. Она может быть установлена как на все помещение в целом, так и на единицу его площади, например, за один квадратный метр. Здесь же компенсация за обслуживание данного помещения и коммунальные платежи.

Болезненным вопросом остается возможность повышения арендной платы.

Однако, по закону арендодатель не имеет права в одностороннем порядке ее повышать. Такая возможность, и то не чаще одного раза в год, может быть предусмотрена только по соглашению сторон.

Четвертое – определиться со сроком аренды. Важно, какой будет договор – краткосрочный до года или долгосрочный свыше 1 года, поскольку от этого зависит форма договора. Долгосрочные договоры требуют обязательной государственной регистрации, иначе считаются незаключенными. Конечно, они требуют и дополнительных расходов, но с другой стороны это и большие гарантии для сторон.

Во избежание спора желательно указать в договоре момент начала пользования помещением, особенно если оно требует ремонта или сам договор требует регистрации. Этот вопрос имеет отношение и к началу платы за аренду.

Пятое – особое внимание следует уделить вопросу распределения обязанностей между сторонами. И прежде всего кто будет нести расходы по содержанию. Это коммунальные платежи, уборка и вывоз мусора, обеспечение помещений пожарной и охранной сигнализацией.

В соответствии с законом текущий ремонт обязан производить арендатор. Иногда, арендодатели любят возлагать обязанность по капитальному ремонту на арендатора. Следует иметь в виду, если в договоре об этом условии нет ни слова, арендатор должен проводить только текущий, но не капитальный ремонт.

Если арендатор собирается сам отремонтировать помещение, то лучше прописать в договоре, что стоимость данного ремонта пойдет в зачет арендной платы. Сохраните все документы на закупку материала и ремонтные работы. Это может иметь значение и при досрочном расторжении договора.

Шестое – оформлению приема-передачи помещения, это акт приемки-передачи. В акте указывается фактическое состояние арендуемого помещения. Если арендатор заметил какие-либо недостатки, следует обязательно отразить их в акте, иначе потом будет трудно доказать, что они существовали.

Седьмое – вопросам ответственности сторон. Арендодателю при оформлении договора желательно оставить за собой какие-либо рычаги влияния на арендатора, например, прописать штрафные санкции и право посещения помещения для контроля его целевого использования.

Чаще всего ответственность устанавливается в виде неустойки и возлагается на арендатора за просрочку оплаты. Но неустойку можно прописать и арендодателю за невыполнение им обязанностей по передаче в срок помещения или по капитальному ремонту.

Восьмое – на возможность досрочного расторжения и отказа от договора. Следует обращать внимание на то, в каких случаях арендодатель имеет право требовать досрочного расторжения с вами договора. Как правило, арендодатель старается предусмотреть внесудебный порядок, но это опасно для арендатора, особенно если он понес значительные расходы по приведению этого помещения в порядок. Если положения о растор-

жении не прописаны в договоре, то в случае спора, расторжение возможно только по решению суда.

Если арендатор все же решил покинуть помещение досрочно, необходимо обязательно передать его арендодателю по акту сдачи-приемки помещения, в противном случае тот имеет право продолжать насчитывать арендную плату.

Следует также отметить, что Гражданский кодекс регулирует вопросы аренды достаточно подробно. Однако каждая сделка требует урегулирования своих конкретных вопросов. Поэтому при составлении контрактов необходимы знания в области законодательства, его практического применения и изучения судебных precedентов. Так как гражданское законодательство – это в основном диспозитивные нормы, закон нам дает возможность предусмотреть многое, расписать различные варианты выходов из сложных ситуаций.

Таким образом, решение о заключении различных договоров принимает руководитель организации самостоятельно, и чтобы избежать сложные ситуации, всё это необходимо прописать в тексте договора.

Литература

1. Matantseva M.S., Ledovskikh N.P., Matantsev D.A., Piter'skaya A.L., Tchinaryan E.O. Law values as a factor of sociocultural identification // *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 2018. Т. 9. № 10. С. 2001–2012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть I) от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1994. 5 декабря. № 32. Ст. 3301.
3. Гриднева О.В. Особенности купли-продажи объекта незавершенного строительства // *Актуальные проблемы российского законодательства*. 2015. № 11. С. 29–35.
4. Гриднева О.В., Гришмановский Д.Ю., Ключихин В.А., Наумов Ю.Г., Тришкина Е.А. Актуальные проблемы частного и процессуального права в деятельности органов внутренних дел. Москва, 2019. – 250 с.
5. Гриднева О.В., Наумов Ю.Г., Тришкина Е.А., Гришмановский Д.Ю., Ключихин В.А. Применение норм частного и финансового права в деятельности тыловых подразделений органов внутренних дел. Москва, 2019. – 260 с.
6. Гришмановский Д.Ю., Велиева Ю.А. Проблемные аспекты продления договора аренды земельного участка с учетом новой редакции земельного кодекса РФ // *Вестник Уральского института экономики, управления и права*. 2017. № 3 (40). С. 31–34.
7. Долганова И.В., Ерофеева Д.В., и др. Актуальные проблемы гражданского права: учебник /

Под ред. д.ю.н., проф. Р.В. Шагиевой. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. – 380 с.

8. Ледовских Н.П. Смыслополагание в современной культуре. В книге: *Культурологическая топология современности*. Агапова Н.Г., Ежова Е.Ю., Ледовских Н.П., Меркулова Н.Г., Пронькина А.В., Соловьев А.В., Шахова И.В. Рязань, 2016. С. 7–18.
9. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1996. № 17. Ст. 3412.

FEATURES OF THE CONCLUSION OF CIVIL LAW CONTRACTS BY INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Gridneva O.V., Grishmanovsky D. Yu., Subkhangulov R.R.

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article is devoted to the research of the institute of contractual relations. The heads of the internal affairs bodies should use various civil law methods for the effective and rational use of property and solving the tasks facing it, while obtaining the material and technical means necessary to perform the main functions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. This is especially true for work related to the conclusion of civil law transactions and contracts that are carried out by logistics and legal units. General theoretical knowledge of civil law institutions, such as transactions and contractual obligations, should help the heads of the rear units. The authors of the article analyze civil legislation and judicial practice of concluding civil contracts by institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and give a number of practical recommendations related to the conclusion of the main types of civil contracts.

Keywords: civil law, civil law contracts concluded by institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

References

1. Matantseva M.S., Ledovskikh N.P., Matantsev D.A., Piter'skaya A.L., Tchinaryan E.O. Law values as a factor of sociocultural identification // *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 2018. Т. 9. № 10. С. 2001–2012.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part I) of November 30, 1994 N 51-FZ // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1994. December 5. No. 32. St. 3301.
3. Gridneva O.V. Features of the purchase and sale of an object of unfinished construction // *Actual problems of Russian legislation*. 2015. No. 11. pp. 29–35.
4. Gridneva O.V., Grishmanovsky D. Yu., Klochikhin V.A., Naumov Yu.G., Trishkina E.A. Actual problems of private and procedural law in the activities of internal affairs bodies. Moscow, 2019. – 250 p.
5. Gridneva O.V., Naumov Yu.G., Trishkina E.A., Grishmanovsky D. Yu., Klochikhin V.A. Application of private and financial law norms in the activities of rear divisions of internal affairs bodies. Moscow, 2019–260 p.
6. Grishmanovsky D. Yu., Veliyeva Yu.A. Problematic aspects of extending the lease of a land plot taking into account the new edition of the Land Code of the Russian Federation // *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*. 2017. No. 3 (40). pp. 31–34.
7. Dolganova I.V., Erofeeva D.V., et al. Actual problems of civil law: textbook / Edited by D.yu.n., prof. R.V. Shagieva. – М.: JUSTICE, 2019. – 380 p.
8. Ledovskikh N.P. Semantic interpretation in modern culture. In the book: *Cultural topology of modernity*. Agapova N.G., Yezhova E. Yu., Ledovskikh N.P., Merkulova N.G., Pronkina A.V., Soloviev A.V., Shakhova I.V. Ryazan, 2016. pp. 7–18.
9. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 17. St. 3412.

Доктрина утраты шанса: плюсы и минусы признания теории

Козлов Илья Андреевич,

аспирант отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, магистр частного права (РШЧП), советник Департамента корпоративного регулирования Минэкономразвития России
E-mail: iliaandreevich@mail.ru

Статья отражает активно ведущиеся за рубежом дискуссии в отношении возможности признания «доктрины утраты шанса» (loss of chance).

Данная теория представляет собой один из случаев осложненной причинности. Применяется она в ситуации, когда в качестве возможной причины наступления вреда равно возможно могут выступать как действия ответчика, так и риск, находящийся в сфере контроля самого потерпевшего.

Причиной указанной неопределенности является ограниченность возможностей человеческого познания, поскольку невозможно установить реализовал бы потерпевший свой шанс, если бы не был его лишен или нет.

Присуждаемая потерпевшему в таком случае компенсация исчисляется пропорционально количественному сокращению шансов.

В статье определены пределы применения теории, а именно, выявлено в каких делах она может применяться.

Главный акцент сделан на анализе тех аргументов, которые были выдвинуты в научной литературе как в пользу, так и против признания доктрины. Показано, что в одних правовых системах теория признается и активно применяется судами (Франция, США, Великобритания), а в других она не применяется (Германия, Австрия, Швейцария). Определены возможности ее применения в российской правовой системе.

Ключевые слова: доктрина утраты шанса, деликт, вред, осложненная причинность, пропорциональная компенсация.

Доктрина утраты шанса является ответом на ограничения применения классической теории гражданско-правовой ответственности ситуации осложненной причинности, когда на роль причины наступившего вреда претендует не одно, а два фактических обстоятельства, юридически значимую связь которого с причиненным вредом требуется доказать для привлечения к ответственности.

Например, равно возможно, что причиной смерти пациента, имевшего на момент поступления в больницу 30% шанс на излечение, могла стать как ошибка, допущенная врачом, так и риск, лежащий в сфере контроля («ответственности») самого потерпевшего. Надо понимать, что человеческие знания не совершенны, и во многих случаях тяжело установить, что явилось, так сказать, «спусковым механизмом» в процессе наступления конечного вреда. В приведенном примере мы не можем знать реализовался бы 30% шанс на выживание и восстановление пациента, если бы врач не допустил ошибку. При этом надо учитывать, что еще до совершения врачом халатных действий для потерпевшего уже существовала 70% вероятность неблагоприятного исхода, а она, безусловно, относится к зоне риска самого пациента.

Однако нельзя отрицать ценность имеющихся шансов. В том числе и аналогичного в приведенном выше случае.

Подобных ситуаций, где речь идет о лишении потерпевшего шансов, а не гарантированного конечного блага, возникает значительное количество. Это в первую очередь различные ситуации конкурентной борьбы – конкурсы, торги, соревнования, выборы, заключение сделок на фондовой бирже и т.п. А также те случаи, когда решение зависит от независимой третьей стороны, в частности от решения судьбы, – это значительное количество случаев, связанных с ошибками юристов или внешних консультантов (например, аудиторов) и т.п.

Решение, предлагаемое доктриной утраты шанса, для подобного рода случаев состоит в присуждении в пользу потерпевшего компенсации, пропорциональной количеству утраченных шансов. Так, например, если шансы потерпевшего в результате виновных действий деликвента были снижены с 60% до 40%, то в его пользу должна быть присуждена компенсация в размере 20% от общей оценочной стоимости блага.

Такое решение видится очевидно более справедливым, нежели чем полный отказ в иске в соответствии с классическим правилом «все или ничего», когда для получения возмещения нужно выполнить стандарт доказывания причинно-следственной связи в отношении всего конечного

вреда, наступившего у потерпевшего. Убежденность судьи, что именно действия ответчика стали причиной его наступления должна быть, как минимум, 51% и выше, тогда истец получает компенсацию в полном размере. В случае же когда убежденность судьи будет 49% и ниже, истец уже не получает ничего.

Доктрина утраты шанса, в свою очередь, признавая конечным вредом само количественное сокращение шансов как таковое (с этой точки зрения доктрину даже предлагается скорее отнести к проблематике вреда, а не причинно-следственной связи), позволяет избежать указанных несправедливостей, порождаемых требованием выполнения стандарта доказывания в отношении общего негативного результата. Причем происходит это в условиях, когда от потерпевшего ровным счетом ничего не зависит, его вины в сложившейся неопределенности нет. Все дело в том, что человеческие познавательные возможности не позволяют описать ситуации такого рода иначе как в вероятностных терминах – рисков и шансов.

По мнению автора, наиболее значимое преимущество признания данной теории.

Доктрина утраты шанса помогает решать и иные задачи. В частности, ее применение позволяет реализовать функцию превенции (если признавать ее в качестве одной из задач деликтного права). Тогда как использование правила «все или ничего» в делах, касающихся утраты шанса, подрывает функцию сдерживания таких правонарушений, а также не позволяет справедливо распределить возникшие в результате правонарушения убытки. Его применение полностью освобождает ответчика от ответственности во всех случаях, когда потеряно менее 50% шансов, отдавая в пользу ответчика преимущество неопределенности, которая, надо заметить, создается именно его действиями. Таким образом, потенциальные причинители вреда дестимулируются к принятию мер по предотвращению небрежности. К примеру, если врач сталкивается с пациентом, находящимся в тяжелом положении, у которого осталось менее чем половина шансов на удачный исход, то врач может не опасаться привлечения к ответственности, насколько бы грубая халатность не была им допущена.

Однако, следует сказать, что доктрина утраты шанса нашла не только своих сторонников – имеется и не мало ее противников, которыми отмечается, что теория обладает целым рядом минусов и недостатков. Противниками выдвигаются аргументы, критикующие теорию. Так, в частности, заявляется, что признание концепции утраты шанса подрывает фундаментальные принципы гражданско-правовой ответственности, в том числе такие, как право истца на полное возмещение убытков и требование доказывания причинно-следственной связи по правилу *conditio sine qua non* [2, с. 599–600].

Среди препятствий на пути признания теории утраты шанса чаще всего указывается следую-

щее. Во-первых, вред может возмещаться только в том случае, если ущерб является достаточно определенным, а не спекулятивным. Во-вторых, очевидная невозможность примирить теорию с уже давно сложившимся и ставшим традиционным и общепринятым пониманием причинности. В-третьих, сложности, касающиеся вопросов доказывания утраты шанса. В-четвертых, речь идет о сложностях, связанных с оценкой суммы ущерба. В-пятых, увеличение количества споров и, как следствие, загрузки судов (или, иначе говоря, проблема сутяжничества). А кроме того, и ряд некоторых других недостатков [2, с. 600–609].

Рассмотрим изложенные контраргументы подробнее, параллельно приводя возражения на них, выдвигаемые сторонниками доктрины в ее защиту.

1. Первое критическое возражение, высказываемое в сторону доктрины утраты шанса, – неопределенность вреда, когда речь идет о шансах.

Принято считать, что истец вправе взыскать убытки только за вред, который является в достаточной степени определенным, но никак не тот, который является спекулятивным. А утрата шанса как вид вреда довольно часто подвергается критике именно за высокую спекулятивность причиняемого подобным правонарушением ущерба. Ведь специфика доктрины во многом состоит как раз в том, что определение размера вреда, подлежащего возмещению, требует использования статистических доказательств [2, с. 600].

Причем еще более выяснение причиненного истцу ущерба усложняется тем фактом, что статистические доказательства могут использоваться по-разному. Например, когда истец потерял шанс на выживание и в конечном итоге умер, статистика может дать информацию относительно шанса на выживание, который истец имел бы при надлежащем лечении. В то же время, когда невозможно доказать, что пациент выжил бы даже при надлежащем лечении (например, характер заболевания таков, что смерть неизбежна, но в зависимости от лечения она может отдалиться и период дожития, соответственно, увеличиваться), потерпевший в таком случае может использовать статистику по продолжительности жизни в течение определенного периода времени с момента постановки диагноза (например, статистика продолжительности жизни в течение 5 лет после установления диагноза).

Несмотря на то что статистика становится все более надежной, она все равно не может с абсолютной достоверностью определить, что гипотетически произошло бы в данном конкретном случае при отсутствии причинения вреда. Указанное неизбежно приводит к тому, что компенсация на основе вывода, сделанного исходя из обобщенной статистической информации в отношении каждого конкретного случая, взятого изолированно, будет либо недокомпенсировать, либо сверхкомпенсировать в зависимости от того, как развивались бы события в гипотетической (потенциально

возможной, параллельной) реальности, в которой не было бы совершено правонарушения. Так, например, относился ли конкретный пациент к тем 40% населения, которые по данным статистики выживают в схожих обстоятельствах, или к тем 60%, которые умирают, – этого с абсолютной уверенностью мы *post factum* выяснить не можем в силу объективной ограниченности человеческих познавательных возможностей. Для того, чтобы достоверно установить это, нам была бы нужна машина времени. Таким образом, в данном отношении можно сказать, что случаи потери шансов не имеют той степени определенности, которая была бы предпочтительна, и на которой обычно настаивает закон, прежде чем лицо может быть привлечено к ответственности.

Сторонники теории утраты шанса обычно отвечают на подобного рода критику следующим образом. Классический подход «все или ничего» применительно к каждому отдельно взятому случаю содержит никак не меньше несправедливости, ведь, например, при доказанности факта с вероятностью 51% истец получает полную компенсацию, а в схожем случае при доказанности факта с вероятностью 49% – уже не получает ничего. В свою очередь, как отмечается, подход, основанный на базе теории утраты шанса, определяет размер компенсации, опираясь на имеющиеся у человечества познавательные возможности, в том числе на основе статистических данных, что является более честным и справедливым. В части же рисков сверхкомпенсации в сравнении с подходом «все или ничего», при котором в ситуациях менее 50% вероятности ответчики полностью освобождаются от ответственности и ничего не должны возмещать, поскольку достоверно не доказано, что именно их действия явились причиной вреда, утверждается, что такие риски вполне оправдано и допустимо возлагать на ответчиков, ведь именно они своими противоправными действиями создают ту ситуацию, результатом которой становится вот такой специфичный, не до конца предсказуемый, не поддающийся точному определению вред [2, с. 602]. Иными словами, суть аргумента в том, что если бы не было противоправного поведения ответчика, то мы бы вообще не столкнулись с подобной ситуацией неопределенности. Ответчик же, создав ее, и должен нести бремя возможной сверхкомпенсации.

2. Второй аргумент, очень часто звучащий со стороны противников признания теории, – невозможность ее примирения с традиционным пониманием причинности.

Доктрина с этих позиций интерпретируется не как особый вид вреда, а как один из случаев осложненной причинности, когда тест *conditio sine qua non* не срабатывает, ведь даже если бы шансы не были утрачены, вред все равно мог бы наступить. Соответственно, утрата шанса рассматривается в рамках проблематики альтернативной причинно-следственной связи. Только здесь, в случае утраты шанса, на место причины претен-

дуют не действия двух альтернативных деликвентов, а действия возможного деликвента и случая. Сторонниками данной позиции – о том, что доктрина является проблемой причинно-следственной связи, а не вреда – обычно предлагается решать казусы, связанные с утратой шанса, в частности, с помощью следующих механизмов: (1) через ослабленную причинность (*relaxed causation*), т.е. снижение стандарта доказывания в отношении причинно-следственной связи; (2) через определение юридически значимой причины при помощи *NESS*-теста [4, с. 88–95] (*Necessary Element of a Sufficient Set*), который позволяет сказать, что действия ответчика стали причиной наступления вреда, если они были необходимым (*necessary*) условием (*element*) для набора (*set*) уже существующих условий, которого в совокупности с таким условием достаточно (*sufficient*) для возникновения последствий [1, с. 170–245]; (3) через перенос бремени доказывания на ответчика, например, в случае грубой небрежности. То есть в рамках данной парадигмы доктрина утраты шанса рассматривается как специальный способ установления юридически значимой причинно-следственной связи, который позволяет частично или даже полностью возместить вред (причем вред рассматривается в классическом понимании, как причиняемый традиционным благам – жизни, здоровью, собственности и т.д. – в целом, а не шансам на их сохранение или приобретение), когда причинно-следственная связь с правонарушением является слабой или неопределенной, – случай осложненной причинности.

Напротив, сторонниками «чистой» доктрины утраты шанса, такой подход отрицается в пользу иного понимания теории – признания утраты шанса самостоятельным видом вреда. Причем, как отмечается, в таком случае вред в виде утраты определенного процента шансов на благоприятный исход уже будет находиться в традиционной причинно-следственной связи по правилу *conditio sine qua non* с действиями причинителя вреда, лишившими шансов пострадавшего, – если бы не действия ответчика, то и потери шансов бы не произошло. В соответствии с этой точкой зрения понимание теории, как допускающей ослабленную причинно-следственную связь с конечным результатом, является ошибочным, поскольку утрата шанса – это именно вред *sui generis*, и неверно рассматривать количественное сокращение имевшихся до правонарушения шансов лишь как некоторую составную часть того вреда, который в конечном итоге понесен потерпевшим. Соответственно, поскольку речь идет об утрате шанса, следовательно, изучение причинно-следственной связи (в том числе допустимости ее ослабления) между противоправными действиями деликвента и всем объемом неблагоприятных последствий, наступивших для потерпевшего, не имеет значения.

Таким образом, необходимо отметить, что сторонники теории утраты шанса в ответ на критику о невозможности примирения доктрины с тради-

ционному пониманием причинности настаивают, что теория, в случае признания утраты шанса самостоятельным видом вреда (конечным вредом, который причиняется противоправными действиями ответчика), наоборот, вполне себе укладывается в рамки традиционных правил установления причинно-следственной связи.

3. Следующее критическое возражение – сложности, связанные с доказыванием.

Согласно общим правилам доказывания по гражданским делам, принятым в странах общего права, чтобы выполнить бремя доказывания, истцу необходимо доказать каждый элемент деликтного состава на основе стандарта доказывания «перевес доказательств» («баланс вероятностей»). Так, в случаях утраты шанса (деликт из небрежности) истец должен продемонстрировать, что небрежность причинителя вреда привела к уменьшению шансов истца добиться более благоприятного результата. В то же время, очевидно, что к доказыванию самой утраты шанса (т.е. вреда) нельзя применять обычный стандарт «перевес доказательств», поскольку в таком случае возможно злоупотребление со стороны истцов через использование правил доказывания – путем подачи иска о компенсации убытков в намеренно завышенном размере.

Так, если потерпевшим утрачен 40% шанс на благоприятный исход (например, на излечение), то в суде утрату 40% шанса в таком случае, ссылаясь на статистику, можно было бы доказать со 100% уверенностью. Вместе с тем, учитывая, что в гражданских делах применяется стандарт доказывания «перевес доказательств» (т.е. нужно показать вероятность выше 50% для того, чтобы факт считался установленным), ничто не мешает в таком случае истцу предъявить иск об утрате не 40%, а уже, допустим, 60% шанса, который в таком случае может быть доказан пусть и не со 100%, но с достаточной для выполнения стандарта доказывания 80% уверенностью, получив тем самым компенсацию в гораздо большем размере. Данный пример со всей очевидностью демонстрирует, что вероятности не должны учитываться дважды, а лишь один раз [3]. Добиться чего можно исключительно посредством установления требования о необходимости достижения при доказывании размера утраченных статистических шансов уверенности суда близкой к 100%. Иными словами, в делах об утрате шанса при доказывании размера вреда (количества утраченных шансов) необходимо установить повышенный стандарт доказывания равный почти 100% уверенности. Остальные же элементы состава правонарушения доказываются по общим правилам.

4. Следующее возражение – сложности, касающиеся оценки суммы ущерба.

Так, еще одно препятствие, с которым приходится сталкиваться теории утраты шанса состоит в том, что произвести количественную оценку размера вреда, понесенного пострадавшим в результате утраты шанса, с абсолютной точностью невозможно.

Доктрина утраты шанса в ответ на звучащую в этом отношении критику придерживается позиции, что, несмотря на некоторые объективно имеющиеся сложности, правонарушитель не должен получать полное освобождение от необходимости возмещения убытков лишь в силу того, что ущерб не может быть исчислен с абсолютной точностью. Тем более, ведь, и во многих других категориях дел суду довольно часто приходится возмещать ущерб за вред, который бывает сложно подсчитать.

Как правило, в делах об утрате шанса размер причиненного вреда исчисляется на основе применения следующего метода. В первую очередь необходимо установить, какое количество процентов шанса на благоприятный исход имелось у истца до совершения правонарушения, а также какое их количество осталось после. Затем проценты, оставшиеся после совершения правонарушения вычитаются из процентов имевшихся до правонарушения. Получившееся число и будет являться количеством утраченных шансов. Наконец, для определения итоговой суммы, которая должна быть присуждена истцу в качестве возмещения, полученный процент необходимо умножить на размер убытков, который подлежал бы присуждению в случае полного уничтожения защищаемого блага. Описанный метод оценки именуется «методом пропорционального возмещения». Размер компенсации при таком расчете устанавливается в пропорции к общей стоимости блага.

Хотя он часто подвергается критике, в основном за обнаруживающуюся в итоге практически в каждом случае сверх- или недо- компенсацию пострадавшего, однако, по мнению большинства – как судов, так и ученых, «метод пропорционального возмещения» является вполне приемлемым и наиболее удобным для целей оценки утраты шанса, «поскольку это легкий, прикладной расчет, который гарантирует довольно справедливое для обеих сторон решение» [2, с. 604].

Вариацией «метода пропорционального возмещения» является «подход возмещения существенного шанса». В рамках которого истец взыскивает ту же сумму, что и по методу пропорционального присуждения, механика расчета при этом никак не меняется, но вместе с тем вводится серьезное ограничение – критерий существенности шанса.

В итоге компенсация присуждается, если только истец сможет продемонстрировать, что утраченный шанс был существенным. В ином случае согласно этой вариации теории утраты шанса истец не получит ничего. Предложения о том, какой должна быть выставяемая в таком случае «планка» в отношении существенности шанса, озвучиваются самые разные: кто-то говорит об 1–2%, другие предлагают придерживаться цифр примерно в 5–10%, кто-то идет дальше, выставяя «планку» еще выше. Но все равно такой порог не должен превышать 50%, иначе это лишает смысла всю теорию. Объяснение необходимости установления подобного барьера, обычно состоит в том,

что ниже определенного порога, например 1% или 2%, расчет убытков становится слишком спекулятивным.

Необходимость установления такого порога «существенности» шанса исследователями, рассматривающими утрату шанса не с точки зрения проблематики оценки вреда, а в контексте причинности, объясняется тем, что в отсутствие доказательств потери именно «существенного шанса» ущерб был бы слишком спекулятивным и неочевидным, чтобы вообще вызвать ответственность ответчика, а не в связи со сложностями при оценке размера возмещаемого вреда.

5. Еще одно высказываемое против использования доктрины утраты шанса возражение – что применение доктрины может повлечь резкое увеличение количества судебных споров, которые раньше просто не доходили до судов. Очевидно также, что такие дела будут очень долгими и сложными, что, соответственно, приведет к повышению загруженности судебной системы.

Ответ сторонников теории на критику такого рода: подобные трудности – это не аргумент, если речь идет о восстановлении справедливости, которая требует, чтобы лица, столкнувшиеся с утратой шанса, произошедшей по чужой вине, получали компенсацию [2, с. 608].

Подводя итоги, хочется отметить следующее. Несмотря на то, что доктрина утраты шанса не лишена недостатков, на наш взгляд, те преимущества, которые дает правопорядку ее признание все же существенно их перевешивают. Кроме того, доктрина является максимально справедливой и единственно возможным ответом на те ситуации, когда неспособность установить истинную причину наступившего вреда обусловлена недостатком человеческих возможностей в познании всех причинно-следственных связей.

Литература

1. Назариков С.В. Некоторые теоретические и практические аспекты причинно-следственной связи в контексте деликтной ответственности// Вестник гражданского права. 2016. № 6. С. 170–245.
2. Ferot A., The Theory of Loss of Chance: Between Reticence and Acceptance, 8 FIU L. Rev. 591, 2013
3. Jansen N., The Idea of a Lost Chance, 19 Oxford J. Legal Stud. 271, 1999// Retrieved from LexisNexis Academic database
4. Johnson E. A., Criminal Liability for Loss of a Chance, 91 Iowa L. Rev. 59, 2005.

THE LOSS OF CHANCE DOCTRINE: PRO AND CONTRA OF THEORY RECOGNITION

Kozlov I.A.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The article reflects the active discussions abroad regarding the possibility of recognizing the “loss of chance” doctrine.

This theory is one of the cases of complicated causation. It is applied in a situation where both the actions of the defendant and the risk that is in the control of the victim himself can be equally possible as a possible cause of harm.

The reason for this uncertainty is the limited possibilities of human cognition, since it is impossible to establish whether the victim would have realized his chance if he had not been deprived of it or not.

The compensation awarded to the victim in this case is calculated in proportion to the quantitative reduction in chances.

The article defines the limits of application of the theory, namely, it is revealed in which cases it can be applied.

The main emphasis is placed on the analysis of the arguments that have been put forward in the scientific literature both in favor of and against the acceptance of the doctrine. It is shown that in some legal orders the theory is recognized and actively applied by the courts (France, USA, Great Britain), while in others it is not applied (Germany, Austria, Switzerland). The possibilities of its application in the Russian legal system are determined.

Keywords: loss of chance, tort, harm, complicated causality, proportional compensation.

References

1. Nazarikov S.V. Some theoretical and practical aspects of causation in the context of tort liability // Bulletin of civil law. 2016. No. 6. Pp. 170–245.
2. Ferot A., The Theory of Loss of Chance: Between Reticence and Acceptance, 8 FIU L. Rev. 591, 2013
3. Jansen N., The Idea of a Lost Chance, 19 Oxford J. Legal Stud. 271, 1999// Retrieved from LexisNexis Academic database
4. Johnson E. A., Criminal Liability for Loss of a Chance, 91 Iowa L. Rev. 59, 2005.

О соотношении процедур банкротства умершего гражданина и отсутствующего должника

Пильчина Дамира Жангазыевна,

аспирант, кафедра гражданского права и процесса
Международного юридического института
E-mail: Damira03@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы соотношения упрощенной процедуры банкротства отсутствующего должника и банкротства гражданина в случае его смерти как общей и специальной банкротных процедур. Банкротное законодательство не говорит о банкротстве наследственной массы как имущественной массы, а связывает банкротство с личностью должника, несмотря на факт его смерти и потерю правоспособности. В статье сделан вывод, что ключевая характеристика банкротства умершего гражданина – это фактическое отсутствие должника в процедуре. Правовая связь умершего гражданина с банкротством недостаточна для восстановления его правосубъектности и признания должником, присутствующим в процессе. Роль и условия участия нотариуса и наследников в таком банкротстве не идентичны позиции должника и не способны восполнить его отсутствие. Поэтому целесообразно отнесение банкротства умершего гражданина к числу упрощенных процедур банкротства отсутствующего должника.

Ключевые слова: банкротство, упрощенные процедуры банкротства, отсутствующий должник, банкротство гражданина, банкротство наследственной массы.

Среди стран с развитой рыночной экономикой институт потребительского банкротства имеет важное социальное и экономическое значение. При этом потребительское банкротство по количественным показателям (по общему числу дел) значительно превышает коммерческое банкротство [1]. С момента принятия Федерального закона от 29.06.2015 № 154-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в законодательство о банкротстве внесены значительные изменения, связанные с допуском к институту российского банкротства граждан. Основопологающий Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее также Закон о банкротстве) был дополнен параграфами относительно реструктуризации долгов и реализации имущества, специальными правилами для банкротства граждан – индивидуальных предпринимателей, крестьянско-фермерских хозяйств, появились нормы о банкротстве гражданина в случае его смерти и о внесудебном банкротстве граждан.

Формулировки норм о банкротстве гражданина в случае его смерти вызвали неоднозначные мнения в научной литературе [2]. Необходимо отметить, что на текущем этапе наследственное и банкротное право не синхронизированы между собой [3].

Гражданское законодательство при регулировании наследственных правоотношений исходит из того, что в случае смерти гражданина до вступления наследников в наследство исковые требования кредиторов предъявляются к наследственному имуществу (п. 3 ст. 1175 Гражданского кодекса РФ). Умерший должник не может быть стороной спора, ответчиком, при этом исковое производство в отношении наследственного имущества подлежит приостановлению до определения правопреемника умершего гражданина в порядке, установленном законодательством (ст. 215 Гражданского процессуального кодекса РФ).

Подход законодателя при формировании банкротных норм параграфа 4 Закона о банкротстве отличается, поскольку основан на том обстоятельстве, что названная банкротная процедура является банкротством именно гражданина, несмотря на факт смерти физического лица – должника, и соответственно, несмотря на то, что его правоспособность прекратилась. Банкротство направ-

лено на личность должника – гражданина, поэтому правосубъектность такого лица с момент его смерти не является утраченной окончательно, и определенная правовая связь такого гражданина с обществом сохраняется [4]. Участие умершего гражданина в банкротных правоотношениях объясняется тем, что процедура банкротства неразрывно связана с должником и его обязательствами, без которых наследственные правоотношения оставались бы классическими и не требовали бы привлечения банкротных механизмов.

Судебная практика по делам о банкротстве основывается на законодательных нормах, в связи с чем в резолютивной части судебных актов арбитражные суды указывают на признание банкротом именно умершего гражданина.

Следует критически относиться к точке зрения [5], согласно которой умерший гражданин, в отношении которого обозначена процедура банкротства, является формальным субъектом данных правоотношений либо не является им вообще, а реальными субъектами являются наследники. Ст. 1110 Гражданского кодекса РФ определяет, что при наследовании имущество переходит от умершего лица живым наследникам в порядке универсального правопреемства. Вещи и иное имущество, имущественные права, принадлежавшие наследодателю на момент смерти, составляют наследство. Наследники, тем не менее, не могут отождествляться с должником в банкротных правоотношениях, поскольку цели и причины участия данных субъектов в процедуре банкротства различны. Цель наследственных правоотношений – передача имущества умершего лица определенным в установленном порядке наследникам, вступающим в наследство. Цель банкротных правоотношений – урегулирование отношений несостоятельности, когда имущества, составляющего наследство, недостаточно для погашения требований всех кредиторов, в банкротных правоотношениях возникает фигура арбитражного управляющего, в связи с чем требуется взаимодействие должника с кредиторами и арбитражным управляющим. Банкротные правоотношения определены личностью и статусом наследодателя, но не наследников.

В качестве должника нельзя рассматривать и собственно наследственное имущество, поскольку оно отвечает признакам объекта, но не субъекта правоотношения [6].

Приведенная судебная практика, а также дискуссии в научной литературе относительно определения субъекта в процедуре банкротства умершего гражданина отражают главный признак такой процедуры – фактическое отсутствие должника.

Наряду с банкротством гражданина в случае его смерти, Закон о банкротстве предусматривает регулирование упрощенной процедуры банкротства отсутствующего должника, в том числе в отношении гражданина. Ст. 227 Закона о банкротстве усматривает признаки отсутствующего долж-

ника в случае фактического отсутствия гражданина в месте его постоянного проживания, при этом возбуждение процедуры банкротства осуществляется по заявлению заинтересованного лица независимо от размера кредиторской задолженности по специальным правилам упрощенной процедуры банкротства отсутствующего должника. В процедуре банкротства умершего гражданина, как отмечено выше, должник также отсутствует. Обстоятельство отсутствия должника является определяющим для специфики данных процедур. Так можно ли считать банкротство умершего гражданина разновидностью упрощенной процедуры банкротства отсутствующего должника? Необходимо рассмотреть несколько аргументов за и против данного тезиса.

Во-первых, данные процедуры совпадают по целям правового регулирования. Упрощенное банкротство отсутствующего должника не рассматривается в качестве процедуры, направленной на восстановление платежеспособности должника. В 2021 году Верховный суд РФ обратил внимание на то, что банкротство отсутствующего должника возможно как в случае фактического отсутствия должника либо его единоличного исполнительного органа (ст. 227 Закона о банкротстве), так и в случае фактического прекращения деятельности либо отсутствия средств, достаточных для погашения судебных расходов по делу о банкротстве (ст. 230 Закона о банкротстве) [7]. Оба варианта представляют собой ликвидационную процедуру банкротства. Банкротство умершего гражданина также лишено реабилитационной составляющей, не является полноценной социальной реабилитацией должника, обеспечивающей возможности для продолжения хозяйственной деятельности должника в рамках общества.

Во-вторых, упрощенное банкротство не предполагает проведения всех процедур банкротства, свойственных общему банкротству. В отношении данных должников исключаются наблюдение, финансовое оздоровление и внешнее управление для юридического лица, и реструктуризация долгов для гражданина (ст. 228 Закона о банкротстве). После получения извещения о смерти должника финансовый управляющий обязан уведомить об этом арбитражный суд и заявить о переходе от реструктуризации долгов к процедуре реализации имущества. Следовательно, банкротство умершего гражданина аналогично исключает процедуру реструктуризации долгов для гражданина.

Однако, существенным отличием банкротства умершего гражданина является участие в деле о банкротстве нотариуса и наследников, а также потенциальная множественность наследников. До определения наследников права и обязанности гражданина закон возложил на нотариуса, и после вступления наследников в наследство образование множественности лиц – наследников весьма вероятно и является распространенным в практике банкротства [8]. Трудно предположить, что наследники будут действовать исключительно

но согласованно, при этом Закон о банкротстве не предполагает фигуры представителя наследников. Учитывая изложенное, как представляется, наследники не являются эквивалентом должника в банкротных правоотношениях и не восполняют в полной мере его отсутствие.

Спецификой банкротства гражданина в случае его смерти является более высокая вероятность наличия имущества, в том числе требующего управления либо определенного обслуживания, по сравнению с упрощенным банкротством.

Рассмотренные характеристики банкротства гражданина в случае его смерти и упрощенной процедуры банкротства отсутствующего должника, наличие процессуальных аналогий позволяют считать данные процедуры совпадающими по целям и условиям для применения. При этом банкротство умершего гражданина необходимо рассматривать как частный случай банкротства отсутствующего должника.

Значительную сложность в текущей практической деятельности создает то обстоятельство, что в подавляющем большинстве случаев арбитражные суды, установив факт смерти должника, приостанавливают производство на период вступления наследников в наследство, в том числе, для обеспечения процессуальных возможностей участия стороны должника в производстве по делу о банкротстве [9]. Данное обстоятельство приводит к существенному затягиванию сроков банкротного судопроизводства, даже без учета времени, необходимого на возможные наследственные споры между самими наследниками. Однако если рассматривать банкротство умершего гражданина как частный случай банкротства отсутствующего должника, приостановка банкротного производства для привлечения правопреемников должника не является необходимым процессуальным действием по делу о банкротстве.

Таким образом, изложенный подход определенным образом снимает теоретическую проблему банкротства умершего гражданина без одного из участвующих субъектов – должника, а также решает практические задачи, что создает условия для повышения эффективности банкротных процедур.

Литература

1. Фролов И.В. Генезис и теоретические основы института несостоятельности (банкротства) гражданина в системе российского права: монография / И.В. Фролов. – М.: Юстицинформ, 2020. – 272 с.
2. Дружинина Ю.Ф. Применение института банкротства наследственной массы: проблемы и перспективы // Наследственное право. 2017. № 2. С. 23–30.
3. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Р.С. Бе-

взенко, С.Л. Будылин, Е.В. Кожевина и др.; отв. ред. Е.Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. 656 с.

4. Полич С.Б. Некоторые особенности правосубъектности лиц – участников гражданских и семейных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4. С. 664–684.
5. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Судьба производства по делу о банкротстве гражданина, включая обособленные споры, в случае установления факта смерти банкрота и возникновения наследственных отношений // Арбитражные споры. 2018. № 2. С. 118–128.
6. Костина О.В., Любанов В.Е. Реализация принципа добросовестности в делах о несостоятельности (банкротстве) наследственной массы // Современный юрист. 2019. № 1. С. 46–60.
7. Определение Верховного Суда РФ от 27.05.2021 № 303-ЭС21–5541 по делу № А04–8832/2019 // СПС «Консультант Плюс», дата обращения 28.10.2021.
8. «Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография» (отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов) («Юстицинформ», 2020).
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 09.04.2021 № 09АП-8798/21 по делу № А40–266826/2018 // СПС «Консультант Плюс», дата обращения 28.10.2021.

ABOUT THE RELATIONSHIP OF BANKRUPTCY PROCEDURES OF A DEAD PERSON AND AN ABSENT DEBTOR

Pilchina D. Zh.
International Law Institute

The article discusses the relationship between the simplified bankruptcy procedure of an absent debtor and the bankruptcy of a citizen in the event of his death as a general and special bankruptcy procedures. Bankruptcy legislation does not speak of bankruptcy of the hereditary mass as a property mass, but connects bankruptcy with the identity of the debtor, despite the fact of his death and loss of legal capacity. The article concludes that the key characteristic of the bankruptcy of a deceased citizen is the actual absence of the debtor in the procedure. The legal connection of a deceased citizen with bankruptcy is insufficient to restore his legal personality and recognition as a debtor present in the process. The role and conditions of participation of the notary and heirs in such bankruptcy are not identical to the position of the debtor and are not able to make up for his absence. Therefore, it is advisable to classify the bankruptcy of a deceased citizen among the simplified bankruptcy procedures of an absent debtor.

Keywords: bankruptcy, simplified bankruptcy procedures, absent debtor, bankruptcy of a citizen, bankruptcy of the hereditary mass.

References

1. Frolov I.V. Genesis and theoretical foundations of the institution of insolvency (bankruptcy) of a citizen in the system of Russian law: monograph / I.V. Frolov. – M.: Justicinform, 2020. – 272 p.
2. Druzhinina Y.F. Application of the institute of bankruptcy of the hereditary mass: problems and prospects // Inheritance law. 2017. № 2. p. 23–30.
3. Inheritance law: article-by-article commentary on Articles 1110–1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation / R.S. Bevzenko, S.L. Budylin, E.V. Kozhevina, etc.; ed. by E.Y. Petrov. M.: M-Logos, 2018. 656 p.

4. Polich S.B. Some features of legal personality of persons participating in civil and family relations // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2018. № 4. pp. 664–684.
5. Sergeev A.P., Tereshchenko T.A. The fate of the proceedings in the bankruptcy case of a citizen, including separate disputes, in case of establishing the fact of the death of a bankrupt and the emergence of hereditary relations // Arbitration disputes. 2018. № 2. pp. 118–128.
6. Kostina O. V., Lobanov V.E. The implementation of the principle of good faith in cases of insolvency (bankruptcy) of the hereditary mass // Modern lawyer. 2019. № 1. Pp. 46–60.
7. Definition of the Supreme Court of 27.05.2021 № 303-ЭС21–5541 in the case of № А04–8832/2019 // SPS «Consultant Plus», accessed: 28.10.2021.
8. «The institution of insolvency (bankruptcy) in the legal system of Russia and foreign countries: the theory and practice of law enforcement: the monograph» (resp. edited by S.A. Karelin, V.I. Frolov). «Yustitsinform», 2020.
9. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 09.04.2021 № 09AP-8798/21 in case № А40–266826/2018 // SPS «Consultant Plus», accessed: 28.10.2021.

Проблемы субъектного состава органов, осуществляющих государственный надзор и муниципальный контроль целевого использования земельных участков

Костенко Евгений Александрович,

соискатель, директор по правовым вопросам, ООО «Аэропорт Девелопмент»

E-mail: oripis@mail.ru

В статье автор анализирует субъектный состав органов, осуществляющих государственный земельный надзор и муниципальный контроль. Разбирает порядок и основания определения субъектного состава органов, осуществляющих государственный земельный надзор и муниципальный контроль. Сопоставляет субъектные составы органов, разбирает ключевые отличия в подходе к определению в целях и полномочиях субъектов. Анализирует предпосылки и целесообразность определения Росреестра как органа уполномоченного осуществлять государственный земельный надзор. Проводит сравнительный анализ между полномочиями органов осуществляющими государственный земельный надзор с полномочиями органами, осуществляющими распоряжение, в том числе земельными участками федеральной собственности. Анализирует судебную практику.

Автор приходит к выводу о наличии острой необходимости и обоснованности расширения субъектного состава органов, осуществляющих государственный земельный надзор путем наделения соответствующими полномочиями органы исполнительной власти субъектов РФ.

Ключевые слова: государственный земельный надзор, муниципальный земельный контроль, целевое использование, административное правонарушение, государственное регулирование.

Продолжая исследования в области государственного регулирования надзора/контроля целевого использования земельных участков, предлагаем рассмотреть субъектный состав органов, осуществляющих государственный земельный надзор и муниципальный земельный контроль, в части целевого использования земельных участков.

Субъектный состав органов, осуществляющих государственный земельный надзор и муниципальный земельный контроль определен гл. 12 Земельного кодекса РФ.

Так п. 1 ст. 71 Земельного кодекса РФ определено что государственный земельный надзор осуществляется исключительно уполномоченными Правительством Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти. [1] Также п. 11 указанной статьи дает ссылку на Положение о государственном земельном надзоре, утвержденном Правительством РФ.

В соответствии с данными полномочиями Правительством РФ, Постановлением от 2021 г., утверждено Положение о государственном земельном контроле (надзоре). [2]

Положением о государственном земельном (контроле) надзоре, определены следующие органы государственной власти, уполномоченные осуществлять государственный земельный надзор:

- Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии;
- Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору;
- Федеральная служба по надзору в сфере природопользования и их территориальными органами.

Государственный земельный надзор соблюдения требований законодательства об использовании земельных участков по целевому назначению в соответствии с их принадлежностью к той или иной категории земель и (или) разрешенным использованием, осуществляется Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии, и ее территориальными органами.

Понятие муниципального земельного контроля определено статьей 72 Земельного кодекса РФ.

Субъектный состав органов, осуществляющих муниципальный земельный контроль целевого использования земельных участков включает в себя:

- органы местного самоуправления городских поселений, осуществляющие муниципальный земельный контроль в отношении земель расположенных в границах городских поселений;

– органы местного самоуправления муниципального района, осуществляющие муниципальный земельный контроль в отношении земель, расположенных на межселенной территории муниципального района, а также в отношении земель, расположенных в границах, входящих в состав этого района, за исключением случаев, если в соответствии с законом субъекта Российской Федерации данные полномочия закреплены за органами местного самоуправления указанных сельских поселений.

Порядок осуществления муниципального земельного контроля определяется нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, а также принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Ключевым отличием муниципального земельного контроля от государственного надзора, является отсутствие у органов местного самоуправления полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях в части нарушения требований земельного законодательства, рассмотрению данных дел и привлечению виновных лиц к административной ответственности.

Ограниченность полномочий и отсутствие осязаемого результата муниципального контроля на наш взгляд не способствует качеству проведения проверок в рамках муниципального контроля, а главное не позволяет оперативно достигнуть эффект – прекращение нарушения требований земельного законодательства. У муниципальных служащих осуществляющих земельный контроль, в силу объективных причин, отсутствует нарабатанная практика пресечения административных правонарушений в области целевого использования земельных участков. Поскольку функция муниципального контроля сводится к выявлению признаков административного правонарушения подготовке актов осмотра и направлению материалов в федеральный орган государственного земельного надзора. Соответственно органы местного самоуправления не заинтересованы в качестве материалов, предоставляемых органами муниципального контроля в надзорный орган, достаточно лишь выявить событие административного правонарушения.

Что подтверждается, в том числе, данными, содержащимися в учебном пособии под редакцией доктора юридических наук, профессора О.Н. Коршуновой где указывается, что одной из основных проблем обеспечения законности муниципального земельного контроля является низкий уровень регламентации его осуществления в муниципальных правовых актах. [3]

В стремлении получить осязаемый эффект органы муниципального контроля предпринимают попытки, различными способами самостоятельно достичь результата.

На практике, достаточно часто, уполномоченные органы муниципального контроля выходят в суд с исковыми заявлениями, например, о сносе

строений в которых осуществляется вид деятельности, не предусмотренный в качестве основных видов разрешенного использования документацией градостроительного зонирования. Параллельно накладывая обеспечительные меры [4] и запрет эксплуатации [5]. Такие прецеденты не единичны. Полагаем, что такой способ реализации полномочий несет в себе ряд пороков. В частности, нецелевое использование земельного участка, все-таки является объективным признаком административного правонарушения. И не является самостоятельным основанием для сноса объекта либо наложения обеспечительных мер, либо запрета эксплуатации. Полагаем, что для реализации принципа законности и обоснованности должна быть соблюдена последовательность действий. Сначала идет административная ответственность за ней следуют иные мероприятия связанные с обеспечением восстановления законности.

При этом полагаем совершенно обоснованным наделение органов муниципального контроля полномочиями направления обязательных к исполнению актов о прекращении выявленных по результатам контроля нарушениях – предписаний.

Обязательное к исполнению предписание позволит прекратить правонарушение в кратчайший срок с момента обнаружения. Не исполнение предписания в силу ст. 4.3 КоАП РФ будет являться отягчающими административную ответственность обстоятельством [6].

Если рассматривать в целом субъектный состав органов, осуществляющих государственный земельный надзор и муниципальный земельный контроль, полагаем что наделение функциями муниципального контроля соответствующего подразделения органа местного самоуправления обосновано и закономерно. Поскольку органы местного самоуправления осуществляют распоряжение земельными участками, в том числе предоставление в собственности и аренду. Разрабатывают и утверждают документацию градостроительного зонирования и территориального планирования территорий муниципального образования, определяют разрешенное использование земельных участков в границах муниципального образования. Как следствие органы муниципального контроля, по сути являются частью общей системы органов местного самоуправления конкретного муниципального образования, регулирующей земельные отношения на соответствующих территориях. В идеале, на наш взгляд, именно органы местного самоуправления должны задавать тон в регулировании целевого использования земельных участков.

С государственным надзором, на наш взгляд не так все очевидно.

К федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии полномочия по земельному надзору перешли в следствии реформ, проводимых с 1991 года.

Как отмечаю некоторые ученые, организационной причиной низкой результативности осуществ-

вления государственного земельного надзора является постоянное реформирование органов, его осуществляющих [7]. И очевидно, что в период проведения реорганизации федеральные органы исполнительной власти занимаются в основном организационно-техническими вопросами создания новых структур, передачи документов, материалов и т.д., оставляя без внимания свои непосредственные обязанности [8].

В результате проведенных реформ, в 2008 году полномочия государственного земельного надзора переданы Росреестру РФ.

Целесообразность передачи функции земельного надзора именно Росреестру на наш взгляд не совсем очевидна.

Ранее в статье анализировалась обоснованность наделения функцией земельного контроля органов местного самоуправления. Исходя из аналогичной аргументации можно предположить, что земельный надзор должен осуществляться федеральным органом, осуществляющим, в том числе, предоставление земельных участков как в собственность, так и в аренду. По данным критериям наиболее предпочтительным выглядит Федеральное агентство по управлению государственным имуществом – Росимущество РФ. Полагаем, что наделение полномочиями государственного надзора подразделений Росимущества РФ было бы более уместно.

Тем более что часть контрольно/надзорных функций присуще Росимуществу РФ, в частности п. 5.8 Положения о Росимуществе предусмотрена обязанность осуществляет контроль за управлением, распоряжением, использованием по назначению и сохранностью земельных участков, находящихся в федеральной собственности [9].

А основными функциями Росреестра РФ являются государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним, проведение государственного кадастрового учета недвижимого имущества, землеустройство, государственный мониторинг земель, навигационное обеспечение транспортного комплекса [10]. Росреестр не распоряжается земельными участками и земельный надзор не присущ Росреестру, поскольку основная задача Росреестра это все-таки сбор, систематизация и хранение информации о недвижимом имуществе, в том числе земельных участках.

Если рассматривать смежные отрасли, например, водное законодательство, то надзор в области использования и охраны водных объектов, осуществляется федеральной службой по надзору в сфере природопользования [11]. В свою очередь федеральная служба по надзору в сфере природопользования непосредственно отраслевым органом по осуществлению по контролю и надзору в сфере природопользования [12].

Сразу хотим обратить внимание, что нами не приветствуется дублирование со стороны Росимущества части контрольно/надзорных функций в редакции предусмотренной п. 5.8 Положения о Росимуществе. Широта толкования указан-

ного пункта Положения о Росимуществе, позволяет Росимуществу самостоятельно осуществлять проверки целевого использования земельных участков федеральной собственности. При этом проверки Росимуществом проводятся без соблюдения норм предусмотренных федеральным законом «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [13] или федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [14].

Полагаем, что наиболее рационально в части проверок соблюдения использования земельных участков федеральной собственности ограничить полномочия Росимущества возможностью проведения проверок соблюдения цели предоставления земельных участков федеральной собственности предоставленных исключительно на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. В остальных случаях, при поступлении информации в Росимущество о наличии признаков нарушения целевого использования земельных участков, последний должен передать информацию уполномоченному органу земельного контроля или надзора. И только в случае подтверждения факта нецелевого использования земельного участка, в случае если участок федеральной собственности и предоставлен Росимуществом в аренду, Росимущество вправе применять меры гражданско-правового характера по отношению к нарушителю.

На уровне субъектов РФ нет органов уполномоченных осуществлять контроль и надзор целевого использования земельных участков.

Если в случае с земельным контролем, введение дополнительного подразделения на уровне субъекта с полномочиями государственного земельного контроля, на наш взгляд не столь очевидно. То в части наделения органов субъектов РФ полномочиями государственного земельного надзора, на наш взгляд позволит существенно повысить эффективность и качество государственного регулирования исследуемой области.

Если проанализировать потенциальные государственные органы субъектов РФ, которые возможно и целесообразно дополнительно наделить полномочиями надзора целевого использования земельных участков.

Наиболее очевидным представляется осуществление государственного земельного надзора органами исполнительной власти субъекта РФ, курирующими вопросы земельного законодательства в том числе предоставления земельных участков. Поскольку не отраслевые органы, не имеющие соответствующей компетенции, не в состоянии в полной мере обеспечить качество и эффективность надзора, как минимум в следствии отсутствия глубокого понимания отрасли и проблематики.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Существующий субъектный состав органов, осуществляющих государственный надзор целевого использования земельных участков, не в состоянии обеспечить надлежащий надзор целевого использования земельных участков ввиду ограниченной численности и отсутствия надлежащей компетенции. Ограничение субъектного состава органов, осуществляющих государственный надзор целевого использования земельных участков не способствует эволюции земельного надзора и формированию единообразной практики и подходов.

Полагаем, что проблема может быть решена путем внесения изменений в Земельный кодекс РФ в части введения в состав органов, осуществляющих государственный надзор нового субъекта государственного земельного надзора, наделив соответствующими полномочиями структурные, отраслевые государственные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Литература

1. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). [1]
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) [6]
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [14]
4. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021) [13]
5. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1081 «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)». [2]
6. Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 432 (ред. от 28.12.2020) «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.01.2021) [9]
7. Постановление Правительства РФ от 01.06.2009 № 457 (ред. от 28.12.2020) «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» (вместе с «Положением о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии») [10]
8. Постановление Правительства РФ от 05.06.2013 № 476 (ред. от 30.12.2020) «О вопросах государственного контроля (надзора) и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (вместе с «Положением о федеральном государственном над-

зоре в области связи», «Положением о государственном надзоре в области охраны атмосферного воздуха», «Положением о государственном надзоре в области использования и охраны водных объектов», «Положением о федеральном государственном надзоре в области охраны, воспроизводства и использования объектов животного мира и среды их обитания», «Положением о федеральном государственном пожарном надзоре в лесах», «Положением о государственном ветеринарном надзоре», «Положением о федеральном государственном санитарно-эпидемиологическом надзоре» [11]

9. Постановление Правительства РФ от 30.07.2004 № 400 (ред. от 28.12.2020) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере природопользования и внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июля 2004 г. № 370» [12]
10. Решение АС Краснодарского края от 28.09.2021 по делу № А32–4461/21 [4]
11. Решение Прикубанского районного суда г. Краснодара от 14.12.2020 по делу № 2–5821/2020 [5]
12. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения: учебное пособие / Е.А. Бурмистрова, И.И. Головкин, Г.В. Дытченко и др.; под ред. О.Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. Москва [3]
13. Заславская Н.М. Теория и практика осуществления государственного земельного надзора: новые подходы и старые проблемы [7]
14. Калугина О.В. Административно-правовое регулирование государственного земельного контроля [8]

PROBLEMS OF THE SUBJECT COMPOSITION OF BODIES IMPLEMENTING STATE SUPERVISION AND MUNICIPAL CONTROL OF PURPOSE USE OF LAND PLOTS

Kostenko E.A.

Airport Development LLC

In the article, the author analyzes the subject composition of the bodies exercising state land supervision and municipal control. Examines the procedure and grounds for determining the subject composition of the bodies exercising state land supervision and municipal control. Compares the subject composition of bodies, examines the key differences in the approach to defining the goals and powers of the subjects. Analyzes the prerequisites and feasibility of determining Rosreestr as a body authorized to carry out state land supervision. Conducts a comparative analysis between the powers of the bodies exercising state land supervision with the powers of the bodies exercising control, including federal land plots. Analyzes judicial practice.

The author concludes that there is an urgent need and justification for expanding the subject composition of the bodies exercising state land supervision by endowing the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation with appropriate powers.

Keywords: state land supervision, municipal land control, targeted use, administrative offense, state regulation.

References

1. "Land Code of the Russian Federation" dated 25.10.2001 № 136-FZ (as amended on 02.07.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2021). [1]

2. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated 30.12.2001 № 195-FZ (as amended on 01.07.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 01.10.2021) [6]
3. Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ (as amended on June 11, 2021) "On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation" [14]
4. Federal Law of December 26, 2008 No. 294-FZ (as amended on December 8, 2020) "On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control" (as amended and supplemented, entry. in force from 01.03.2021) [13]
5. Decree of the Government of the Russian Federation of June 30, 2021 No. 1081 "On federal state land control (supervision)". [2]
6. Decree of the Government of the Russian Federation of 05.06.2008 No. 432 (as amended on 28.12.2020) "On the Federal Agency for State Property Management" (as amended and supplemented, entered into force on 06.01.2021) [9]
7. Decree of the Government of the Russian Federation of 01.06.2009 No. 457 (as amended on 28.12.2020) "On the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography" (together with the "Regulations on the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography") [10]
8. Decree of the Government of the Russian Federation of 05.06.2013 No. 476 (as amended on 30.12.2020) "On issues of state control (supervision) and invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation" (together with the "Regulations on federal state supervision in the field of communications", "Regulations on state supervision in the field of atmospheric air protection", "Regulations on state supervision in the field of use and protection of water bodies", "Regulations on federal state supervision in the field of protection, reproduction and use of objects of animal world and their habitat", "Regulations on federal state fire supervision in forests", "Regulations on state veterinary supervision", "Regulations on federal state sanitary and epidemiological supervision" [11]
9. Decree of the Government of the Russian Federation of July 30, 2004 No. 400 (as amended of December 28, 2020) "On approval of the Regulation on the Federal Service for Supervision of Natural Resources and Amendments to the Resolution of the Government of the Russian Federation of July 22, 2004 No. 370" [12]
10. Decision of the CA of the Krasnodar Territory dated 09/28/2021 in case No. A32-4461 / 21 [4]
11. The decision of the Prikubansky District Court of Krasnodar from 14.12.2020 in case No. 2-5821 / 2020 [5]
12. Prosecutor's check. Methodology and tactics of conducting: textbook / E.A. Burmistrova, I.I. Golovko, G.V. Dytchenko and others; ed. HE. Korshunova. 2nd ed., Rev. and add. Moscow [3]
13. Zaslavskaya N.M. Theory and practice of state land supervision: new approaches and old problems [7]
14. Kalugina O.V. Administrative and legal regulation of state land control [8]

О расширении уголовной ответственности за нарушения обязательных требований пожарной безопасности

Воронов Сергей Павлович,

кандидат технических наук, заместитель директора департамента надзорной деятельности и профилактической работы МЧС России
E-mail: 89166564336@yandex.ru

Назаров Сергей Анатольевич,

к.ю.н., профессор, Академия государственной противопожарной службы МЧС России
E-mail: nazarov.sergeya@yandex.ru

В соответствии со ст. 6 ФЗ «О пожарной безопасности» одним из предметов федерального государственного пожарного надзора является соблюдение организациями и гражданами требований пожарной безопасности в зданиях, помещениях, сооружениях, на линейных объектах, территориях, земельных участках, которыми организации и граждане владеют и (или) пользуются и к которым предъявляются требования пожарной безопасности, а также оценка их соответствия требованиям пожарной безопасности.

Обязательные требования пожарной безопасности содержатся в нормативно-правовых актах, принятых в соответствии с ФЗ «Об обязательных требованиях», а также принятых согласно части 3 ст. 1 указанного федерального закона, в соответствии с ФЗ «О техническом регулировании».

В данной статье рассмотрены актуальные вопросы, касающиеся расширения уголовной ответственности за нарушения обязательных требований пожарной безопасности в современном отечественном законодательстве.

Ключевые слова: уголовная ответственность, пожарная безопасность, пожар, административная ответственность, юридическая практика.

Традиционно, еще со времен Советского Союза, сложилась юридическая практика, что в области пожарной безопасности уголовная ответственность наступает только в том случае, если произошел пожар:

- повлекший гибель людей или причинение тяжкого вреда здоровью человека (ст. 219 УК РФ);
- вызванный поджогом (п. «е» части 2 ст. 105; часть 2 ст. 167; ст.ст. 205; 283 УК РФ);
- причинил крупный ущерб (ст. 168 УК РФ).

За нарушение требований пожарной безопасности, не повлекших тяжкие последствия, предусмотрена административная ответственность, установленная ст. 20.4 КоАП РФ.

Современная юридическая практика пошла по пути расширения числа составов преступлений за пожары с тяжкими последствиями. Это в первую очередь относится к ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг не отвечающим требованиям безопасности». Примерами могут служить пожары, произошедшие 25 декабря 2009 г. в клубе «Хромая лошадь» г. Пермь, погибших – 156 человек, осуждено 9 человек, из них 3 человека – по части 3 ст. 238 УК РФ; 11 марта 2015 г. – в ТЦ «Адмирал» г. Казань, погибших – 19 человек, осуждено 12 человек, из них 4 человека – по части 3 ст. 238 УК РФ; 25 марта 2018 г. – в ТРЦ «Зимняя вишня» г. Кемерово, погибших – 60 человек, к уголовной ответственности привлечено не менее 11 человек, из них 4 человека – по части 3 ст. 238 УК РФ.

При этом по этим же пожарам, но по части 3 ст. 293 УК РФ «Халатность» к уголовной ответственности привлечены должностные лица федерального пожарного надзора.

В настоящее время в Российской Федерации нормативно-правовыми актами, содержащими обязательные требования пожарной безопасности к объектам защиты, являются:

- ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности»;
- ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»;
- «Правила противопожарного режима в Российской Федерации», Утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.09.2020 г. № 1479.

Соблюдение перечисленных нормативно-правовых актов проверяют должностные лица федерального пожарного надзора на объектах защиты на стадии эксплуатации. Соответственно, граждане, должностные лица, индивидуальные пред-

приниматели, юридические лица, допустившие нарушение обязательных требований пожарной безопасности, привлекаются к административной ответственности по ст. 20.4 КоАП «Нарушение требований пожарной безопасности».

Максимальный размер административного наказания для должностного лица предусмотрен в виде штрафа на сумму от 15 до 20 тысяч рублей за повторное нарушение требований пожарной безопасности на объектах, отнесенных к группе чрезвычайно высокого, высокого или значительного риска.

Получившая широкое распространение судебная практика привлечения к уголовной ответственности инспекторов государственного пожарного надзора по части 3 ст. 293 УК РФ «Халатность» после крупных пожаров с гибелью людей, когда иным обвиняемым вменяется часть 3 ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», требует пересмотра устоявшейся практики привлечения только к административной ответственности лиц, допустивших нарушение обязательных требований и выявленных в ходе плановой проверки противопожарного состояния объекта защиты.

Диспозиция части 1 ст. 238 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, жизни и здоровью потребителя, т.е. создающим угрозу жизни и здоровью человека. Максимальная санкция – лишение свободы на срок до 2-х лет.

Часть 2 ст. 238 УК РФ за то же деяние, т.е. создание угрозы, если:

- оно совершено группой лиц по предварительному сговору;
- услуга предназначена для детей до 6 лет устанавливает уголовную ответственность в виде лишения свободы уже на срок до 6 лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей.

При этом не требуется, чтобы угроза реализовалась в виде пожара с обязательным травмированием или гибелью людей.

Согласно позиции Верховного суда Российской Федерации, изложенной в пункте 11 Постановления от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации», в случае если уголовная ответственность за нарушение специальных требований или правил установлена другими статьями Уголовного кодекса России, то содеянное не должно квалифицироваться по ст. 238 УК РФ. При наличии в Уголовном кодексе Российской Федерации ст. 219 УК РФ «Нарушение требований пожарной безопасности» ставит под сомнение законность и справедливость приговоров судов, вынесенных на основании части 3 ст. 238 УК РФ, по пожарам, повлекшим гибель людей от опасных факторов пожара. Опасные факторы пожары указаны в ст. 9 ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной

безопасности» (пламя, искры, тепловой поток, повышенная температура, повышенная концентрация токсичных продуктов горения и т.д.).

В данном случае позиция Верховного суда Российской Федерации основывается на положениях части 3 ст. 17 УК РФ, что в случае конкуренции общей и специальной нормы отсутствует совокупность преступлений и уголовная ответственность наступает по специальной норме.

В свою очередь, это порождает еще одну проблему для судов: ст. 238 УК РФ согласно пункту «а» части 1 ст. 151 УПК РФ, относится к подследственности следователей Следственного комитета России, а ст. 219 УК РФ согласно части 3 ст. 151 УПК РФ относится к подследственности следователей органов внутренних дел.

Можно ли считать допустимыми доказательствами доказательства, полученные с нарушением подследственности, когда уголовное дело, подлежащее квалификации по специальной норме ст. 219 УК РФ, расследовал следователи СКР и квалифицировал преступление по общей норме ст. 238 УК РФ?

Также Верховный суд Российской Федерации в пункте 3 Постановления от 25.06.2019 № 18 определяет, как должна разрешаться коллизия между нормами КоАП РФ и УК РФ в случае возникновения конкуренции норм по ст. 238 УК РФ.

Основанием отграничения уголовной ответственности от административной является реальность угрозы жизни и здоровью человека. Если нарушение каких-либо технических норм создает реальную угрозу жизни и здоровью человека, наступает уголовная ответственность.

Полагаем, что принцип «реальности угрозы» должен задействовать и при решении коллизий между ст. 238 УК РФ и статьями Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, например, со ст. 20.4 «Нарушение требований пожарной безопасности» для объектов защиты, оказывающих услуги потребителям, поскольку жизнь и здоровье человека является высшей ценностью.

Согласно ст. 1 ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности», его нормы направлены на защиту жизни, здоровья и имущества граждан и юридических лиц.

Соответственно, не каждое нарушение обязательных требований пожарной безопасности создает реальную угрозу жизни и здоровью человека на объектах защиты, оказывающим услуги потребителям. К объектам, оказывающим услуги, можно отнести объекты: образования, медицины, торговли, спорта, развлечений.

Информационными ориентирами отнесения обязательных требований пожарной безопасности к категории создающих «реальную угрозу» жизни и здоровью граждан могут быть:

- 1) Информационная модель обеспечения пожарной безопасности, разработанная профессором В.И. Козлачковым и включающая в себя информационные блоки:

- горячая среда;
- источники зажигания;
- эвакуация;
- обнаружение, сообщение о пожаре;
- пути распространения пожара;
- противопожарная устойчивость;
- тушение пожара.

2) Содержание части 3 ст. 53 ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности», согласно которой безопасной эвакуация людей из здания при пожаре считается обеспеченной, если интервал времени от момента обнаружения пожара до завершения процесса эвакуации людей в безопасную зону не превышает необходимого времени эвакуации при пожаре. Согласно пункта 15 ст. 2 указанного закона необходимое время эвакуации – время с момента возникновения пожара, в течении которого люди должны эвакуироваться в безопасную зону без причинения вреда жизни и здоровью людей в результате воздействия опасных факторов пожара.

Синтезирую содержание пунктов 1 и 2, можно сделать вывод, что нормами, влияющими на безопасность людей при пожаре, являются нормы, относящиеся к информационным блокам:

- эвакуация,
- обнаружение, сообщение о пожаре.

Реальную угрозу жизни и здоровью людей на объекте защиты создают нарушения обязательных требований пожарной безопасности при которых:

- эвакуация людей через эвакуационные выходы невозможна или затруднена;
- своевременное обнаружение и сообщение о пожаре невозможно или затруднено.

Например, при пожаре в ТРЦ «Зимняя вишня»¹ причинами гибели:

– 23 человек стал закрытый эвакуационный выход, который невозможно было открыть изнутри без ключа (нарушение пункта 35 «Правил противопожарного режима в Российской Федерации» от 2012 года; пункт 26 «ППР в РФ» от 2021 г.);

– 37 человек стало отключение автоматической системы оповещения о пожаре и перевод ее на ручной пуск (нарушение пункта 62 «ППР в РФ» от 2012 г.; пункт 55 «ППР в РФ» от 2021 г.).

Таким образом, в тех случаях, когда при проведении плановых проверок противопожарного состояния объектов защиты, оказывающих услуги, инспекторами федерального государственного пожарного надзора будут выявлены нарушения обязательных требований пожарной безопасности, создающие реальную угрозу жизни и здоровью потребителей, должна наступать не административная ответственность по части 1 или части 2.1 ст. 20.4 КоАП РФ для лиц, ответственных за выполнение требований пожарной безопасности, а уголовная ответственность по части 1 или 2 ст. 238 УК РФ.

¹ Автор Назаров С.А. принимал участие в судебном процессе по пожару в ТРЦ «Зимняя вишня» в качестве специалиста со стороны защиты пожарных.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ
4. Федеральный закон «О пожарной безопасности» от 21.12.1994 № 69-ФЗ
5. Федеральный закон от 22 июля 2008 года № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности»
6. «Правила противопожарного режима в Российской Федерации», утвержденные Постановлениями Правительства Российской Федерации от 2012 и 2021 годов.
7. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25.06.2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 УК РФ».
8. Козлачков В.И. Техническое регулирование в области пожарной безопасности. – М., Академия ГПС МЧС РФ, 2011. – 225 с.

ON THE EXPANSION OF CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATIONS OF MANDATORY FIRE SAFETY REQUIREMENTS

Voronov S.P., Nazarov S.A.

Department for Supervision and Preventive Work of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation; Academy of the State Fire Service EMERCOM of Russia

Annotation. In accordance with Art. 6 of the Federal Law «On Fire Safety», one of the subjects of federal state fire supervision is compliance by organizations and citizens with fire safety requirements in buildings, premises, structures, at linear facilities, territories, land plots that organizations and citizens own and (or) use and to which are subject to fire safety requirements, as well as an assessment of their compliance with fire safety requirements.

Mandatory fire safety requirements are contained in regulations adopted in accordance with the Federal Law «On Mandatory Requirements», as well as adopted in accordance with Part 3 of Art. 1 of this federal law, in accordance with the Federal Law «On Technical Regulation».

Keywords: criminal responsibility, fire safety, fire, administrative responsibility, legal practice.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation «dated 18.12.2001 № 174-FZ.
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses «dated 30.12.2001 № 195-FZ
4. Federal Law «On Fire Safety» dated 21.12.1994 № 69-FZ
5. Federal Law of July 22, 2008 No. 123-FZ «Technical Regulations on Fire Safety Requirements»
6. «Rules of the fire regime in the Russian Federation», approved by the Decrees of the Government of the Russian Federation of 2012 and 2021.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 25, 2019 No. 18 “On judicial practice in cases of crimes under Art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation «.
8. Kozlachkov V.I. Technical regulation in the field of fire safety. – М., Academy of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, 2011. – 225 p.

О мерах по повышению эффективности деятельности медико-санитарных частей ФСИН России

Голубцова Анна Игоревна,
аспирант Казанского (Приволжского) Федерального
университета
E-mail: GolubcovVA@mail.ru

Статья посвящена вопросам повышения эффективности медицинского обеспечения подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, а также осуждённых, отбывающих наказание, при обнаружении у них телесных повреждений, различных травм и иных признаков причинения вреда здоровью. Основное содержание исследования составляет правовой анализ отечественного законодательства, ведомственных нормативных актов Минюста России, ФСИН России, Минздрава России по вопросам действий должностных лиц пенитенциарных учреждений и медицинских работников, связанных с регистрацией, учетом, а также принятием неотложных мер и проведением процессуальных проверок в случаях выявления фактов причинения вреда здоровью лицам, содержащимся под стражей. В работе проведен анализ взглядов исследователей по вопросам высокого уровня латентности правонарушений, связанных с причинением телесных повреждений в следственных изоляторах и исправительных учреждениях. В статье предпринята попытка дать краткую характеристику причинам сокрытия должностными лицами пенитенциарных учреждений, в том числе медицинскими работниками, фактов причинения вреда здоровью лицам, лишенным свободы, а также предложены меры по повышению «прозрачности» работы в указанном направлении.

Ключевые слова: медицинское обеспечение, телесные повреждения, обвиняемые, осужденные.

В 2013 году Генеральной прокуратурой Российской Федерации был представлен доклад Президенту Российской Федерации В.В. Путину о состоянии законности при организации медицинской помощи в Федеральной службе исполнения наказаний (далее – ФСИН) России. В докладе была представлена информация о текущем состоянии оказания медицинской помощи в пенитенциарном ведомстве; наличии нерешаемых длительное время проблем в ведомственной медицине; ненадлежащем исполнении отечественного и зарубежного уголовно-исполнительного законодательства в области оказания необходимой медицинской помощи; неэффективном организационном построении пенитенциарной медицинской службы. Указанное положение дел, по мнению Генеральной прокуратуры, приводит к существенному нарушению конституционных прав человека в местах лишения свободы [9].

По результатам рассмотрения доклада Генеральной прокуратуры, Президентом России было дано поручение о создании условий для эффективной реализации мероприятий, направленных на обеспечение деятельности медицинских частей ФСИН России. Таким образом, в структуре ФСИН России было создано новое структурное подразделение – медико-санитарная часть ФСИН России (далее – МСЧ ФСИН России). Вновь созданная МСЧ ФСИН России по своей организационной структуре очень близка к структуре медицинской службы гражданской системы здравоохранения. Прямое руководство всем медико-санитарным обеспечением УИС осуществляет руководство центрального аппарата МСЧ ФСИН России, через территориальные органы МСЧ ФСИН России. Основной задачей, возложенной на МСЧ ФСИН России, стало медико-санитарное обеспечение лиц, содержащихся под стражей, в том числе с соблюдением норм международного законодательства и законодательства Российской Федерации в сфере защиты прав лиц, заключенных под стражу, и осужденных на охрану их жизни и здоровья.

Создание новой структуры предполагало выведение медицинских работников из прямого подчинения начальников пенитенциарных учреждений (далее – СИЗО и ИУ). Руководство медицинскими работниками возложено на начальников территориальных медико-санитарных частей ФСИН России. Таким образом, теоретически были созданы

все условия для обеспечения профессиональной независимости медицинских работников в принятии врачебных решений, повышения доступности медицинской помощи.

Однако, в настоящее время на практике профессиональная независимость медицинских работников полностью достигнута не была. Медицинские работники по-прежнему находятся в зависимом состоянии от руководства СИЗО и ИУ. Помимо вопросов, связанных с материально-бытовым, коммунальным и техническим обеспечением профессиональной деятельности, медицинские работники находятся в некоторой зависимости от руководителей СИЗО и ИУ по вопросам предоставления медицинских услуг лицам в местах лишения свободы.

Особого внимания заслуживает порядок взаимодействия должностных лиц учреждений УИС и медицинских работников МСЧ ФСИН России при обнаружении (нанесении) телесных повреждений, травм и отравлений лицами, содержащимся под стражей. Актуальность рассматриваемого вопроса подтверждается участвовавшими в последнее время случаями освещения в средствах массовой информации чрезвычайных происшествий, связанных с применением насилия, нанесения телесных повреждений, а в некоторых случаях фактов пыток лиц, содержащихся под стражей, в пенитенциарных учреждениях ФСИН России. При этом как правило, информация предоставляется не пресс-службой пенитенциарного ведомства, а родственниками потерпевших, а также правозащитными организациями в области защиты прав человека, что свидетельствует о высокой степени латентности указанных происшествий.

«Показательным» является случай выявления правозащитной организацией многочисленных фактов насилия в отношении осужденных в лечебном учреждении УФСИН России по Саратовской области. Предварительными причинами допущенного происшествия на наш взгляд являются: отсутствие должного ведомственного и общественного контроля, слабый прокурорский надзор, делегирование осужденным властных должностных полномочий, противоправная деятельность сотрудников учреждения, а также высокий уровень латентности происшествий, связанных с причинением насилия в отношении лиц, содержащихся под стражей. При этом остается не понятным факт, как такие противоправные действия ранее не были выявлены и зафиксированы должностными лицами учреждения и медицинскими работниками в учреждении, которое непосредственно и занимается оказанием специализированной медицинской помощи.

Порядок действий должностных лиц СИЗО и ИУ при выявлении у заключенных и осужденных признаков причинения вреда здоровью, подробно регламентирован отечественным уголовно-исполнительным законодательством, законодательством Министерства здравоохранения, Правилами внутреннего распорядка СИЗО и ИУ (да-

лее – ПВР СИЗО, ПВР ИУ), а также иными ведомственными нормативными правовыми актами Минюста России и ФСИН России.

В соответствии с Федеральным Законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в случае получения лицом, заключенным под стражу, телесных повреждений его медицинское освидетельствование проводится безотлагательно медицинскими работниками медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь в месте содержания под стражей. Результаты медицинского освидетельствования фиксируются в установленном порядке и сообщаются потерпевшему [1].

В ПВР СИЗО также регламентировано, что, если выявленные телесные повреждения позволяют полагать, что вред здоровью гражданина причинен в результате противоправных действий, медицинским работником, кроме записей об этом в медицинской амбулаторной карте, составляется соответствующий акт, который подписывается дежурным помощником и начальником полицейского караула, доставившим подозреваемого или обвиняемого. О данном факте дежурный помощник письменно докладывает начальнику СИЗО либо лицу, его замещающему. Информация о наличии телесных повреждений в установленном порядке направляются в территориальную прокуратуру по месту дислокации СИЗО для принятия решения в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. При выявлении данных, позволяющих полагать, что вред здоровью подозреваемого или обвиняемого причинен в результате противоправных действий, медицинский работник, проводивший освидетельствование, письменно информирует об этом начальника СИЗО. Оперативным отделом проводится проверка, материалы которой, при наличии признаков преступления, направляются территориальному прокурору для принятия решения в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [4].

При обнаружении телесных повреждений у осужденного, отбывающего наказание, медицинский работник оказывает ему необходимую медицинскую помощь, вносит соответствующие записи в медицинскую карту амбулаторного больного, письменно информирует о факте выявленных повреждений начальника ИУ либо лицо, его замещающее. Начальник либо лицо, его замещающее, дает поручение о регистрации факта телесных повреждений в Книге регистрации сообщений о преступлениях и организует проверку в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации [5].

В соответствии с Порядком организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы (далее – Порядок), при обращении лица, заключенного под стражу или осужденного с жалобами на наличие телесных повреждений, травм и отравлений, а также в случае их

выявления в установленном порядке, после оказания необходимой медицинской помощи медицинским работником составляется заключение о медицинском освидетельствовании на наличие телесных повреждений, травм и отравлений. Заключение о медицинском освидетельствовании на наличие телесных повреждений, травм и отравлений составляется в трех экземплярах. Информация о выявленных телесных повреждениях, травмах и отравлениях фиксируется в служебной медицинской документации и медицинской карте пациента [8].

Инструкция о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах УИС сообщений о преступлениях и происшествиях обязывает должностных лиц проверять информацию по выявленным фактам причинения вреда здоровью на наличие признаков преступления и правонарушения или отсутствия таковых. В случае подтверждения, информация подлежит оформлению рапортом об обнаружении признаков преступления, в том числе самоубийства, с последующей регистрацией в книге регистрации сообщений о преступлениях. Рапорт об обнаружении признаков преступления в течении суток должен быть направлен в соответствующий орган по подследственности или подсудности [6]. Одновременно, информация по факту обнаружения телесных повреждений, травм и отравлений, членовредительства у лиц, содержащихся под стражей, в установленном порядке должна быть направлена в территориальный орган ФСИН России, с последующим направлением ее в ФСИН России [7].

Однако, как показывает практика, при наличии четкого механизма принятия решения, значительное количество фактов нанесения телесных повреждений, причинения вреда здоровью не регистрируются, проверки по установлению обстоятельств происшествия и лиц, совершивших противоправные действия, не проводятся. Принцип неотвратимости наказания должным образом не обеспечивается.

В своих исследованиях А.П. Некрасов, М.Ю. Титанов, А.А. Устинов выделяют несколько причин высокой латентности указанных правонарушений. По мнению А.П. Некрасова: «сотрудники пенитенциарных учреждений обнаруженные факты телесных повреждений, травм и отравлений не воспринимают как преступления ввиду их массовости, повседневности и юридической безграмотности таких сотрудников и того негативного влияния, которое может оказать наличие фактов преступлений в СИЗО и ИУ при оценке его деятельности» [11, с. 141–143].

М.Ю. Титанов связывает высокий уровень латентности правонарушений со следующими обстоятельствами: потерпевшие не заявляют о причинении вреда их здоровью, в связи с отсутствием личной заинтересованности или угрозами личной безопасности; компетентные органы имеют сведения о происшествиях или преступлениях,

но не возбуждают уголовные дела по причине высокого уровня корпоративной культуры между правоохранительными органами; латентность самого лица, совершившего противоправное действие, и которое в силу его неустановленности не может быть привлечено к ответственности [12, с. 45–49].

Соглашаясь с мнением А.А. Устинова, М.Ю. Титанова, в обществе складывается мнение, что сотрудники СИЗО и ИУ не заинтересованы в огласке фактов происшествий и преступлений. Официальной регистрации подлежат только те правонарушения, о совершении которых будет известно, в том числе и широкому кругу общественности (родственникам, адвокатам, руководству и т.д.) [13, с. 146–150]. В связи с чем, уровень латентности правонарушений в СИЗО существенно ниже чем в ИУ.

В указанных обстоятельствах, медицинские работники находятся в ситуации, когда с одной стороны, они фиксируют факт нанесения телесных повреждений, травм и отравлений, оказывают пострадавшим необходимую медицинскую помощь, а с другой – переданная ими информация о выявленном происшествии может быть нигде не зарегистрирована, меры по выявлению причин и условий, обстоятельств, а также установлению виновных лиц должностными лицами учреждения могут быть не приняты.

Соглашаясь с мнением Л.В. Кондратюка, высокий уровень латентности правонарушений, связанных с причинением вреда здоровью осужденным и лицам, заключенным под стражу, формирует негативную психологическую обстановку в пенитенциарной среде, связанную с отсутствием гарантий личной безопасности, а также неверием общества в эффективность государственной политики в области исполнения уголовных наказаний [10, с. 29].

У одних лиц, содержащихся в СИЗО и ИУ, низкий уровень личной безопасности формирует чувство вседозволенности, безнаказанности, нетерпимости и нервозности, у других – тревоги, апатии, страха.

С целью повышения уровня доверия граждан к деятельности пенитенциарной системы, необходимо так выстроить систему взаимоотношений всех участников уголовно-правовых отношений, чтобы если не исключить, то существенно снизить уровень латентности правонарушений, связанных с причинением вреда здоровью граждан в процессе отбывания уголовных наказаний и заключения под стражу. На наш взгляд, первое, что необходимо сделать, это пересмотреть сам порядок регистрации сведений о телесных повреждениях, травмах и отравлениях.

За основу предлагаем использовать механизм информирования о случаях причинения вреда здоровью гражданам, применяемый в гражданских медицинских учреждениях. Статьей 79 Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», на медицинские организации возложена обязанность информировать в установленном порядке правоохрани-

тельные органы, о выявлении у поступающих пациентов телесных повреждений, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что вред их здоровью причинен в результате противоправных действий [2]. В соответствии с Федеральным Законом разработан Порядок информирования медицинскими организациями органов внутренних дел о поступлении пациентов, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что вред их здоровью причинен в результате противоправных действий (далее – Порядок информирования).

В Порядке информирования указаны случаи, сведения о которых подлежат обязательному направлению в органы внутренних дел. Среди указанных в Порядке информирования случаев, имеются признаки причинения вреда жизни и здоровью, очень часто встречающиеся в учреждениях УИС: колотые, резаные и рваные раны; переломы костей, гематомы, ушибы мягких тканей; гематомы внутренних органов; ушибы, сотрясения головного мозга; удушения, электротравмы; различного рода отравления, в том числе в результате употребления алкогольных напитков и наркотических средств; изнасилования и (или) иных насильственных действия сексуального характера; иные признаки причинения вреда здоровью, в отношении которых есть основания полагать, что они возникли в результате противоправных действий [3].

В гражданских медицинских организациях, именно руководитель несет ответственность за организацию работы по передаче информации в органы внутренних дел о всех случаях выявления у граждан телесных повреждений, травм и отравлений криминального характера.

Для этого, предлагаем рассмотреть вопрос о наделении медицинских работников МСЧ ФСИН России полномочиями самостоятельно информировать территориальный орган ФСИН России и руководство территориального органа МСЧ ФСИН России о всех происшествиях, связанных с причинением вреда здоровью граждан в местах лишения свободы.

Предлагаем абзац 2 и 3 пункта 16 Правил внутреннего распорядка СИЗО изложить в следующей редакции: «В случае выявления медицинскими работниками или иными лицами у подозреваемого или обвиняемого при поступлении в следственный изолятор видимых признаков телесных повреждений, травм и отравлений или при обращении лица с жалобами на наличие телесных повреждений, травм и отравлений, медицинскими работниками после оказания необходимой медицинской помощи составляется заключение о медицинском освидетельствовании на наличие телесных повреждений, травм и отравлений. Заключение о медицинском освидетельствовании на наличие телесных повреждений, травм и отравлений составляется в трех экземплярах. Один из которых приобщается к медицинской документации пациента, второй выдается на руки подозреваемому или обвиняемому под роспись на пер-

вом экземпляре, третий – дежурному помощнику начальника следственного изолятора под роспись на первом экземпляре заключения для направления в личное дело. На первом экземпляре заключения также ставится подпись начальника караула, доставившего подозреваемого или обвиняемого. Факт выявления телесных повреждений, травм и отравлений фиксируется в установленных медицинских журналах и медицинской документации пациента. Пострадавшему предлагается дать письменное объяснение об обстоятельствах получения им телесных повреждений. О данном факте медицинские работники письменно информируют начальника следственного изолятора либо лицо, его замещающего, а также руководителя территориального органа МСЧ ФСИН России. Начальник следственного изолятора либо лицо, его замещающее, дает поручение о регистрации факта телесных повреждений в Книге регистрации сообщений о преступлениях и организует проверку в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации».

Предлагаем абзац 3 пункта 7 Правил внутреннего распорядка ИУ изложить в следующей редакции: «В случае выявления медицинскими работниками или иными лицами у осужденного при поступлении в исправительное учреждение видимых признаков телесных повреждений, травм и отравлений или при обращении лица с жалобами на наличие телесных повреждений, травм и отравлений, медицинскими работниками после оказания необходимой медицинской помощи составляется заключение о медицинском освидетельствовании на наличие телесных повреждений, травм и отравлений. Заключение о медицинском освидетельствовании на наличие телесных повреждений, травм и отравлений составляется в трех экземплярах. Один из которых приобщается к медицинской документации пациента, второй выдается на руки осужденному под роспись на первом экземпляре, третий – дежурному помощнику начальника колонии под роспись на первом экземпляре заключения для направления в личное дело. На первом экземпляре заключения также ставится подпись начальника караула, доставившего осужденного. Факт выявления телесных повреждений, травм и отравлений фиксируется в установленных медицинских журналах и медицинской документации пациента. Пострадавшему предлагается дать письменное объяснение об обстоятельствах получения им телесных повреждений. О данном факте медицинские работники письменно информируют начальника исправительного учреждения либо лицо, его замещающего, а также руководителя территориального органа МСЧ ФСИН России. Начальник исправительного учреждения либо лицо его замещающее, дает поручение о регистрации факта телесных повреждений в Книге регистрации сообщений о преступлениях и организует проверку в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации».

Также, предлагаем внести в Порядок организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу, случаи, когда медицинские работники подведомственных медицинских организаций обязаны информировать территориальный орган МСЧ ФСИН России о всех лицах, имеющих телесные повреждения;

Считаем, что предложенные нами меры позволяют: установить единый подход при регистрации и учете причинения вреда здоровью лиц, содержащихся под стражей, в СИЗО и ИУ;

повысить личную ответственность медицинских работников в части недопущения случаев сокрытия выявленных у лиц, содержащихся под стражей, телесных повреждений, травм и отравлений, в первую очередь имеющих криминальный характер;

обеспечить независимость медицинских работников МСЧ ФСИН России от руководства СИЗО и ИУ в принятии решений, связанных с их профессиональной деятельностью;

эффективно противостоять латентной преступности в пенитенциарных учреждениях, а также обеспечить соблюдение принципа неотвратимости уголовного наказания;

повысить уровень доверия к деятельности пенитенциарного ведомства всех участников уголовно-правовых отношений, а также всего гражданского общества, по вопросам обеспечения безопасности, поддержание правопорядка и законности, защиты законных прав и интересов всех лиц в местах лишения свободы.

Литература

1. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ. <http://www.consultant.ru>.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный Закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. <http://www.consultant.ru>.
3. Об утверждении Порядка информирования медицинскими организациями органов внутренних дел о поступлении пациентов, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что вред их здоровью причинен в результате противоправных действий: Приказ Министерства Здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 17.05.2012 года № 565н [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Об Утверждении правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы: Приказ Минюста России от 14 октября 2005 года № 189 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Об Утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: Приказ Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
6. Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях: Приказ Минюста РФ от 11.07.2006 № 250 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
7. Об утверждении Перечня оперативной информации и оперативных донесений о правонарушениях и происшествиях, представляемых в дежурную службу управления планирования и организационно-аналитического обеспечения ФСИН России учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы, Порядка подготовки и представления оперативной информации и оперативных донесений о правонарушениях и происшествиях, допущенных в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: Приказ ФСИН России от 15.12.2006 № 1060.
8. Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы: Приказ Министерства Юстиции от 28.12.2017 № 285 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
9. О состоянии законности при организации медицинской помощи в учреждениях ФСИН России: докладная записка Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 09.08.2013 № 1-ГП-98-2013 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.epp.genproc.gov.ru>.
10. Кондратюк Л.В. Еще раз о криминологическом понятии преступности и преступления // Журнал российского права, 2012, № 9. С. 29.
11. Некрасов А.П. Особенности незаконного оборота наркотических средств в местах лишения свободы / Место и роль уголовно-исполнительной системы в механизме Российского государства: материалы межвузовской научно-практической конференции (10 марта 2011 г.) / Под общ.ред.: Ромашов Р.А. – Самара: Изд-во Самар. юрид. ин-та ФСИН России, 2011. С. 141–143.
12. Титанов М.Ю. Влияние латентной преступности на исправление осужденных в местах лишения свободы (2016) // Социально-политические науки, 3: С. 45–49.
13. Устинов А.А., Титанов М.Ю., (2016), Криминологическая характеристика преступности в местах лишения свободы // Пробелы в российском законодательстве, 2: С. 146–150.

ON MEASURES TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF MEDICAL AND SANITARY UNITS FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Golubtsova A.I.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the issues of improving the effectiveness of medical support for suspects and accused persons in custody, as well as convicts serving sentences, if they are found to have bodily injuries, various injuries and other signs of harm to health. The main content of the study is a legal analysis of domestic legislation, departmental regulations of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, the Ministry of Health of the Russian Federation on the actions of officials of penitentiary institutions and medical workers related to registration, accounting, as well as taking urgent measures and conducting procedural checks in cases of detection of facts of harm to the health of persons in custody. The paper analyzes the views of researchers on the issues of a high level of latency of offenses related to causing bodily injury, injury and poisoning in pre-trial detention centers and correctional institutions. The article attempts to give a brief description of the reasons for the concealment by officials of penitentiary institutions, including medical workers, of the facts of harm to the health of persons deprived of liberty, and also suggests measures to increase the "transparency" of work in this direction. In conclusion, measures are proposed aimed at improving the efficiency of the penal enforcement system to ensure the rights and legitimate interests of all participants in criminal law relations.

Keywords: medical support, bodily injuries, accused, convicted.

References

1. On the detention of suspects and accused of committing crimes: Federal Law No. 103-FZ of 15.07.1995. <http://www.consultant.ru>.
2. On the basics of public health protection in the Russian Federation: Federal Law No. 323-FZ of 21.11.2011. <http://www.consultant.ru>.
3. On approval of the Procedure for informing medical organizations of internal affairs bodies about the admission of patients for whom there are sufficient grounds to believe that their health was harmed as a result of illegal actions: Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation No. 565n dated 17.05.2012 [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. On Approval of the internal regulations of pre-trial detention facilities of the penal enforcement system: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 189 dated October 14, 2005 [Electronic resource] // Official Internet portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
5. On Approval of the internal regulations of correctional institutions: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 295 dated December 16, 2016 [Electronic resource] // Official Internet portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
6. On approval of the Instructions on reception, registration and verification in institutions and bodies of the penal enforcement system of reports on crimes and incidents: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 11.07.2006 No. 250 [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
7. On approval of the List of Operational Information and Operational Reports on Offenses and Incidents Submitted to the duty service of the Department of Planning and Organizational and Analytical Support of the Federal Penitentiary Service of Russia by Institutions and Bodies of the Penal Enforcement System, the Procedure for Preparing and Submitting Operational Information and Operational Reports on Offenses and Incidents Committed in Institutions and Bodies of the Penal Enforcement System of the Penal Enforcement System: Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 15.12.2006 No. 1060.
8. On the approval of the Procedure for the organization of medical care to persons in custody or serving a sentence of imprisonment: Order of the Ministry of Justice of 28.12.2017 No. 285 [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
9. On the state of legality in the organization of medical care in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia: memorandum of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated 09.08.2013 No. 1-GP-98-2013 [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.epp.genproc.gov.ru>
10. Kondratyuk L.V. Once again about the criminological concept of crime and crime // Journal of Russian Law, 2012, No. 9. p.29.
11. Nekrasov A.P. Features of illicit drug trafficking in places of deprivation of liberty / The place and role of the penal enforcement system in the mechanism of the Russian state: materials of the interuniversity scientific and practical conference (March 10, 2011) / Under the general ed.: Romashov R.A. – Samara: Publishing House of Samar. jurid. Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2011. pp. 141–143.
12. Titanov M. Yu. The influence of latent crime on the correction of convicts in places of deprivation of liberty (2016) // Socio-political Sciences, 3: pp. 45–49.
13. Ustinov A.A., Titanov M. Yu., (2016), Criminological characteristics of crime in places of deprivation of liberty // Gaps in Russian legislation, 2: pp. 146–150.

Богомолов Александр Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции,
АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт»
E-mail: candidateright@ya.ru

В статье автором затрагиваются спорные вопросы законодательной регламентации компьютерного мошенничества. Несовершенство рассматриваемого преступления заключается в признании его законодателем видом мошенничества, специализированного сферой экономической деятельности, что не совсем корректно. Об обмане можно говорить только в отношении человека, но не компьютерных технологий. Внимание акцентируется на отличии анализируемого состава от классического мошенничества по видовому объекту преступного посягательства. Преступления, предусмотренные гл. 21 УК РФ посягают на имущество отдельных граждан и организаций, при компьютерном мошенничестве затрагивает установленный порядок осуществления хозяйственной деятельности гл. 22 УК РФ. Обращается внимание на несовершенство построения санкций анализируемой статьи, они идентичны санкциям состава классического мошенничества, ч. 1 ст. 159⁶ УК РФ остается привилегированной.

Ключевые слова: хищение, мошенничество, объект, способ, компьютерная информация, санкции.

Состав компьютерного мошенничества включен в УК РФ федеральным законом от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Хищение или приобретение права на чужое имущество при компьютерном мошенничестве происходит посредством модификации, ввода, блокирования, удаления компьютерной информации или другого вмешательства в функционирование средств обработки, хранения или передачи компьютерной информации, информационно-телекоммуникационных сетей.

Действующая редакция ст. 159⁶ УК РФ, в силу несовершенства конструкции, по мнению ученых, порождает правовые коллизии.

Во-первых, несовершенство состава компьютерного мошенничества связано со способом совершения преступления.

Г.Р. Григорян подчеркивает, что с развитием информационных технологий уходят на второй план традиционные методы осуществления преступной деятельности в экономической сфере. По его мнению, компьютерное мошенничество – один из видов преступлений, характеризующихся особыми приемами совершения преступного посягательства, затмевающими традиционные мошеннические, и исключает совершение преступления с помощью обмана и злоупотребления доверием [2, с. 114–115].

А.А. Южин указывает на уникальность объективной стороны компьютерного мошенничества, т.к. «из него исключены традиционные способы совершения деяния (злоупотребление доверием и обман)» и считает ошибочным отнесение нормы к преступлениям в сфере экономики [9, с. 191–196].

Мошенничество отличается от других преступлений против собственности способом его совершения. В зависимости от вида общественных отношений в ст.ст. 159–159⁵ УК РФ законодатель указывает на пассивную или активную форму обмана, и не случайно обман не называется в ст. ст. 159³ и 159⁶ УК РФ в качестве способа совершения преступления.

В постановлении от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» Пленум Верховного Суда указал, что способами приобретения права на чужое имущество или хищения чужого имущества в ст. ст. 159–159⁵ являются злоупотребление доверием и обманные действия [5].

Если при компьютерном мошенничестве использовались вредоносные компьютерные программы или совершен неправомерный доступ

к компьютерной информации, то дополнительно эти действия необходимо квалифицировать по ст. ст. 272, 273 или 274¹ УК РФ.

При мошенничестве обман можно определить как сознательное сообщение не соответствующих действительности, заведомо ложных сведений, введение в заблуждение владельца имущества или иного лица, либо умолчание об истинных фактах.

Обмануть согласно толковому словарю В.И. Даля означает «вводить кого-либо в заблуждение, провести кого-либо», «всякое ложное действие или дело, хитрость, лукавство, двуличность» [3].

Общие признаки мошенничества раскрыты в ст. 159 УК РФ. Видами мошенничества являются преступления, предусмотренные ст.ст. 159¹–159⁶ УК РФ, об этом свидетельствует расположение новелл после ст. 159 УК РФ, которая содержит понятия, близкие по своему смыслу новым нормам, и обозначение новелл номером этой статьи с добавлением верхнего индекса. Поэтому, исходя из логики построения уголовно-правовых норм, обман так же будет способом завладения чужим имуществом или правом на него в соответствии со ст. 159⁶ УК РФ.

Можно ли применять понятие «обман» в отношении компьютерной техники? Думается, что нет, т.к. компьютер не обладает волей и разумом и квалификация хищения чужого имущества по ст. 159⁶ УК РФ не обоснованна.

Во-вторых, законодатель включил состав мошенничества в сфере компьютерной информации в раздел VIII «Преступления в сфере экономики», гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности», что является спорным.

Раздел VIII «Преступления в сфере экономики» содержит две главы: гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности» и гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности».

По мнению Г.Р. Григорян видовым объектом компьютерного мошенничества следует признавать собственность и предлагает подразделить главу 21 УК РФ на отделения, в частности отделение III «Преступления против собственности в сфере информационно-телекоммуникационных сетей и компьютерной информации». В то же время он признает особую значимость широкого круга общественных отношений, на которые посягает мошенничество, т.к. при его совершении ставятся под угрозу интересы не только отдельного человека, но и безопасность общества в целом [2, с. 79, 86]. С ним соглашается Е.А. Русскевич, и предлагает в гл. 21 УК РФ установить ответственность за хищение в сфере компьютерной информации [8, с. 415].

Отношения собственности будут видовым объектом преступных посягательств гл. 21 УК РФ. Собственность с точки зрения права можно представить как общественные отношения по поводу пользования, владения, и распоряжения личным имуществом.

Порядок осуществления хозяйственной деятельности (деятельности по распределению, про-

изводству и обмену материальных услуг и благ), экономическая безопасность государства является видовым объектом преступных посягательств в гл. 22 УК РФ.

В уголовно-правовой теории выделяются многообъектные преступления, т.е. преступления, наносящие ущерб двум или более общественным отношениям. Один объект является главным, на причинение вреда которому направлен умысел преступника, другой – дополнительным, которому вред причиняется попутно, при посягательстве на основной объект.

По мнению законодателя, компьютерное мошенничество посягает только на отношения собственности, материальный ущерб причиняется собственнику или законному владельцу имущества, и не затрагивается установленный порядок осуществления хозяйственной деятельности. Если обратить внимание на пояснительную записку к внесенному Верховным Судом РФ законопроекту № 53700–6 о дифференциации мошенничества на отдельные составы, то можно заметить, что в ней подчеркивается на специализированность мошенничества сферой экономической деятельности, в которой оно совершается [4].

При изучении судебной практики по ст. 159⁶ УК РФ, выявлено совершение значительной части подобных преступлений в кредитно-финансовой сфере.

Так, сотрудник ПАО «Бинбанк», обладая правом доступа к компьютерной системе банка и паролем для входа в специальную компьютерную программу для работы с банковскими картами клиентов с помощью введения недостоверной информации в компьютерную базу данных, неправомерно завладел средствами ПАО «Бинбанк». Сотрудник был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 4 ст. 159⁶ УК РФ [6].

Следующий пример: обвиняемая с помощью найденного телефона, привязанного к карте ПАО «Сбербанк» из корыстных побуждений в целях хищения чужого имущества вмешалась в функционирование средств хранения компьютерной информации, используя мобильное приложение «Сбербанк-Онлайн» перевела денежные средства со счета карты «Сбербанк-Мазэстро» на свой карточный счет. Обвиняемая признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ [7].

В расчетах с помощью банковских карт участвуют три стороны: банк-эмитент, выпускающий карту; банк-эквайер, обслуживающий карту и осуществляющий расчеты с предприятиями торговли; пользователь банковской карты. На момент незаконного списания денежных средств потерпевшей стороной будет банк-эквайер, т.е. причиняется ущерб не отдельным лицам, а правам и законным социально-экономическим интересам государства, общества, хозяйствующих субъектов.

Поэтому, исходя из вышеизложенного, состав ст. 159⁶ УК РФ следует отнести к преступлениям в сфере экономической деятельности.

В-третьих, следует обратить внимание на санкции ст. 159⁶ УК РФ. В ее первой редакции санкции ч.ч. 2–4 ст. 159⁶ УК РФ были мягче, чем в составе классического мошенничества. Законодатель со временем усилил наказание за совершение рассматриваемого деяния. Структура и размер санкций ч.ч. 2–4 ст. 159⁶ УК РФ соответствуют санкциям ч.ч. 2–4 ст. 159 УК РФ. В научной среде вызвало обоснованную критику выделение мошенничества в сфере компьютерной информации, т.к. санкции ст. 159⁶ УК РФ с идентичны ст. 159 УК РФ [1, с. 20].

Ч. 1 ст. 159⁶ УК РФ по отношению к классическому мошенничеству остается превилегированной, где самое суровое наказание – арест на срок до четырех месяцев. В отличие от классического мошенничества преступление, предусмотренное ст. 159⁶ УК РФ, совершается с использованием компьютерных технологий, что требует наличие определенных знаний в этой области, это свидетельствует о повышенной общественной опасности деяния. Достаточно спорным является вопрос о соответствии такого «мягкого» наказания целям исправления осужденного, восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения им новых преступлений.

Литература

1. Бойко С.Я. Уголовная ответственность за мошенничество: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бойко Сергей Яковлевич. Краснодар, 2019. 24 с.
2. Григорян Г.Р. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы криминализации, законодательной регламентации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Григорян Гарик Рафикович. Самара. 2021. 243 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб., М. Издание т-ва М.О. Вольф. 1905, С. 1537–1538. URL: <https://books.google.ru/> (дата обращения: 30.09.2021)
4. Законопроект № 53700–6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700–6](https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6) (дата обращения: 30.09.2021)
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2017. 30 ноября.
6. Приговор Засвияжского районного суда г. Ульяновска № 1–376/2019 от 5 сентября 2019 г. по делу № 1–376/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.09.2021)
7. Приговор Кизилюртовский городской суд (Республика Дагестан) № 1–67/2019 от 4 июля

2019 г. по делу № 1–67/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.09.2021)

8. Русскевич Е.А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Русскевич Евгений Александрович. М., 2020. 521 с.
9. Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Южин Андрей Андреевич. М., 2016. 238 с.

PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF COMPUTER FRAUD

Bogomolov A.N.

Voronezh Institute of Economics and Law

In the article, the author touches upon controversial issues of legislative regulation of computer fraud. The imperfection of the crime in question lies in its recognition by the legislator as a type of fraud, specialized in the sphere of economic activity, which is not entirely correct. Deception can only be talked about in relation to a person, but not computer technology. Attention is focused on the difference between the analyzed composition and the classical fraud by the specific object of criminal encroachment. Crimes provided for by chap. 21 of the Criminal Code of the Russian Federation encroach on the property of individual citizens and organizations, in case of computer fraud, the established procedure for carrying out economic activities is affected by Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. Attention is drawn to the imperfection of the construction of the sanctions of the analyzed article, they are identical to the sanctions of the composition of classical fraud, part 1 of Article 1596 of the Criminal Code of the Russian Federation remains privileged.

Keywords: theft, fraud, object, method, computer information, sanctions.

References

1. Boyko S. Ya. Criminal liability for fraud: theoretical and applied research: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.08 / Sergey Yakovlevich Boyko. Krasnodar, 2019. 24 p.
2. Grigoryan G.R. Fraud in the field of computer information: problems of criminalization, legislative regulation and qualification: dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.08 / Grigoryan Garik Rafikovich. Samara. 2021. 243 p.
3. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. – St. Petersburg., M. Edition of t-va M.O. Wolf. 1905, pp. 1537–1538. URL: <https://books.google.ru/> / (accessed: 30.09.2021)
4. Draft Law No. 53700–6 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation». URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700–6](https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6) (accessed: 30.09.2021)
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated 30.11.2017 «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» // Rossiyskaya Gazeta. 2017. November 30
6. The verdict of the Zsviyazhsky District Court of Ulyanovsk No. 1–376/2019 dated September 5, 2019 in case No. 1–376/2019. URL: <https://sudact.ru> (accessed: 30.09.2021)
7. Verdict of the Kizilyurt City Court (Republic of Dagestan) No. 1–67/2019 of July 4, 2019 in case No. 1–67/2019. URL: <https://sudact.ru> (accessed: 30.09.2021)
8. Russkevich E.A. Differentiation of responsibility for crimes committed using information and telecommunication technologies and problems of their qualification: dis. ... doct. jurid. sciences': 12.00.08 / Russkevich Evgeny Alexandrovich. M., 2020. 521 p.
9. Yuzhin A.A. Fraud and its types in Russian criminal law: dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.08 / Yuzhin Andrey Andreevich. M., 2016. 238 p.

Методологические подходы к понятию «эффективность уголовно-процессуальной деятельности»

Даровских Ольга Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»
E-mail: darovskikhoi@gmail.com

В статье рассматриваются точки зрения ученых на понятие и сущность такой правовой категории как «эффективность». Автор выделяет несколько направлений, подходов ученых, существующих в науке, когда эффективность связывают с результатом либо целью и задачами, когда эффективность определяют через получение результата, но учитывая при этом материальные затраты, и когда при определении понятия включается множество характерных признаков данной правовой категории, например, формы, методы, организацию, средства, личностный стиль участников процессуальной деятельности. Критически оценивая имеющиеся в доктрине мнения ученых, автор обосновывает свою точку зрения, полагая, что уголовно-процессуальная деятельность будет эффективной если станет отвечать таким требованиям как законность, справедливость, качественность, доступность, объективность, экономичность, своевременность, достаточность, результативность. Указанные критерии не являются случайными, они позволяют реально оценивать уголовно-процессуальную деятельность и охватывают все ее проявления.

Ключевые слова: эффективность, уголовный процесс, деятельность, критерии, результат, качество, методология.

Анализируя точки зрения ученых на понятие «эффективность» в правовой сфере можно выделить несколько направлений или методологических подходов к выработке данного понятия и выявлению его сущности.

Ученые связывают эффективность с достижением цели и получением требуемого результата [23, с. 177; 28, с. 7; 17, с. 68; 1, с. 13–14]. Так, например, профессор Л.А. Морозова, указывала, что эффективность это «...соотношение между результатом правового регулирования и стоящей перед ним целью» [16, с. 319]. Практически аналогичное определение дают А.С. Пиголкин, С.Б. Швецов, О.С. Капинус, Б.В. Андреев, А.Х. Казарина, Л.Я. Драпкин [25; 30; 13, с. 21–28; 11, с. 147–151]. Как считает А.В. Ленский «в определении эффективности досудебного производства важным является не только достижение целей, но и своевременное и надлежащее решение задач, сформированных УПК РФ» [15, с. 125]. Данное мнение поддерживает и Д.Д. Скворцов [20, с. 200–208]. Безусловно при оценке эффективности уголовно-процессуальной деятельности следует учитывать не только результат, достижение поставленной цели, но и различные другие элементы, составляющие это понятие, в том числе промежуточные итоги, которые и можно определить как конкретные задачи. Для их решения в ходе расследования преступления должностные лица совершают множество различных действий, а вся деятельность складывается в единую систему, целью которой является установление факта совершения преступления, выявления лица его совершившего и получения доказательств его вины, для определения справедливого наказания. Именно поэтому в уголовном судопроизводстве следует говорить о распределительной эффективности, т.е. такой которая складывается в результате достижения эффективности каждого отдельного элемента системы.

В тоже время не можем согласиться с мнением А.В. Ленского, что в определении эффективности следует указывать «на своевременное и надлежащее решение задач сформированных УПК РФ» [15, с. 125], поскольку как таковые задачи в тексте УПК РФ законодателем не обозначены, а ориентировать правоприменителя на решение тех задач, которые предлагаются учеными в их теоретических разработках, вряд ли целесообразно.

Через достижение социально-полезного результата определяют эффективность В.Н. Сизова и И.Н. Сорокотягин, который в частности отмечал, что результативность и эффективность это

не одно и то же, они часто не совпадают [19, с. 9; 21, с. 5–50]. А.К. Гагиев высказывал мнение, что «эффективность – это степень достижения запланированного результата при установлении критериев результативности определенного действия» [8, с. 20]. В научной литературе можно встретить и такие высказывания, например, что «эффективность процессуальной деятельности это ее способность достигать поставленных законодателем целей и в конечном счете обеспечивать решение социальных задач» [18, с. 149], другие, например С.Б. Швецов возражали против такого подхода считая достижение социальных задач слишком широкой и всеобъемлющей целью [30]. Не считаем правильным и возможным формулирование определения эффективности только через достижение результата либо каких-либо целей. Данный подход чреват тем, что, будучи неправильно понятым, он может провоцировать стремление к получению нужного результата любой ценой, что для уголовно-процессуальной деятельности невозможно и даже опасно.

Сторонники второго подхода эффективность определяют через получение необходимого результата, учитывая при этом материальные затраты. С.С. Алексеев определял эффективность «как отношение достигнутого результата к цели деятельности с учетом производственных расходов» [3, с. 3–75]. Л.Ш. Берекашвили писал, что «под эффективностью надо понимать выраженную количественно-качественными характеристиками конечных результатов труда и мерой их соответствия произведенным для этого затратам степень достижения целей функционирования системы» [6, с. 17–18]. Д.В. Богатский сформулировал определение эффективности как «...достижение максимально полезного результата в сфере уголовного судопроизводства при минимуме временных, материальных, физических и иных затрат» [7, с. 7]. Г.Д. Харева рассматривая вопросы, связанные с эффективностью прокурорского надзора, указывал, что это «реально достигнутый уровень состояния законности, обеспеченный деятельностью прокуратуры, осуществляемой посредством минимальной затраты времени и с использованием надзорных полномочий (средств), содержание которых обуславливается спецификой режима правового регулирования сферы реализации надзора» [31, с. 6].

Полагаем, что указанные подходы к выработке определения эффективности, применимо к уголовно-процессуальной деятельности не совсем правильные. В уголовно-процессуальной деятельности важен не только результат (да и о каком конкретно результате может идти речь в уголовном процессе), но важно какими средствами и способами этот результат будет достигнут, поэтому применение в уголовном судопроизводстве экономических понятий, подходов и критериев, на наш взгляд, нецелесообразно, более того вредно. В доктрине отмечали и с этим сложно не согласиться, что «в сфере применения права реализация

правовых установлений может быть эффективной, но не экономичной или экономичной, но недостаточно эффективной» [22, с. 158–168]. Мы согласны с тем, что полностью отказываться от учета экономичности при уголовно-процессуальной деятельности также нельзя и в этой связи следует согласиться с позицией В.Т. Томина, что «реализация принимаемых процессуальных решений должна осуществляться в соответствии со здравым смыслом, без лишних не необходимых затрат» [29, с. 152–158]. В разное время аналогичную мысль высказывали М.С. Строгович и К.Ф. Гуценко [24; 10].

В.П. Тимохов писал, что «эффективность правоприменительной деятельности можно определить как фактический результат конкретного правоприменителя по достижению социальных целей правоприменения, обусловленных целями применяемых им правовых норм, соотносённый (сопоставленный) с затратами на достижение этого результата, расходуемыми за определенное время правоприменительной деятельности соответствующим компетентным органом или должностным лицом» [26, с. 344–352]. Данное определение вряд ли можно применять при характеристике уголовно-процессуальной деятельности, поскольку считаем невозможным определять по каждому уголовному делу размер или иные параметры произведенных затрат. Очевидно, что при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности любые затраты следует минимизировать, путем тщательной подготовки к проведению следственных и судебных действий, а также выбором необходимых и оправданных действий и решений.

Иное мнение высказывали И.Л. Петрухин и Т.Г. Морщакова, которые полагали, что «цели и задачи уголовного судопроизводства заключаются только в правильном разрешении дела, а критерии эффективности выражаются только в количественных показателях». Они не считали возможным рассматривать в качестве критериев эффективности процессуальные сроки, расходы и трудозатраты на уголовное судопроизводство. В целом такой подход ученых следует признать правильным, однако полностью с указанным мнением согласиться сложно, поскольку невозможно определить в количественных показателях затраты следователя при осуществлении расследования уголовного дела и нельзя не учитывать при определении эффективности сроки осуществления данной деятельности в целом, либо в ее рамках, сроки совершения конкретных следственных действий.

Дефиниция понятия «эффективность», предлагаемая другими учеными, в рамках третьего методологического подхода, отличается широтой охвата характерных признаков данной правовой категории. Ю.Е. Аврутин сформулировал понятие «эффективность» следующим образом, это «специфическое системное состояние деятельности органов внутренних дел, характеризующее цели, общие принципы, содержание, организацию, формы, методы, средства, личностный стиль и результаты ее осуществления, его – состояния – со-

ответствие потребностям общества в обеспечении правопорядка и законности, закрепленным посредством конкретных критериев, содержащихся в социальных (правовых, нравственных, моральных, этических, экономических, организационных) нормах» [2, с. 9]. В данном определении вызывают возражение некоторые позиции, по мнению автора, характеризующие эффективную деятельность, например, формы, методы, организация, средства, личностный стиль. Если согласиться с таким подходом, то данный перечень обстоятельств, влияющих на любую деятельность любых органов, можно успешно продолжить, поскольку на результаты деятельности могут и влияют и характер исполнителя, и его настроение в день совершения каких-то действий, и используемые им методы и подходы к выполнению конкретных действий, а так же используемые им средства и т.д. Полагаем, что такая детализация не украшает дефиницию понятия, хотя в целом подход можно признать правильным, поскольку, по мнению автора, понятие эффективности обязательно должно охватывать содержание деятельности.

Л.А. Алексеева утверждала, что «эффективность правоприменительной деятельности выражается в способности обеспечить своевременную и согласованную с требованиями закона реализацию юридических норм, которая при наименьших социальных издержках оптимально положительно влияла бы на регулируемые общественные отношения, формируя желаемое поведение их участников» [4, с. 7].

В данном определении смущает упор, который делает автор на уменьшение социальных издержек, мы не считаем, что социальные издержки и процессуальная экономия должны стать определяющими в дефиниции данного понятия. Очевидно, что к ним следует стремиться, но не более того. При расследовании преступления, как правило, разрабатываются несколько версий, затрачиваются силы и средства, но верной оказывается одна и не всегда она оказывается самой перспективной. Однако при анализе данной деятельности нельзя сказать, что она была не эффективна, если несколько первоначально разработанных рабочих версий не дали результат.

М.И. Гильмутдинова считает, что «эффективность правоприменения представляет собой критерий качества исполнения работы, который оценивается через сопоставление материальных и поддающихся измерению результатов путем достижения целей правового регулирования посредством вынесения правоприменительного решения на основе соблюдения принципов правоприменения и обеспечения их реального исполнения» [9, с. 9]. Эффективность не может рассматриваться критерием качества работы. Если под качеством деятельности мы понимаем совокупность предъявляемых к ней требований, которые позволяют определять ее способность удовлетворять определенным потребностям в соответствии с назначением, то эффективная деятельность это не просто

качественная деятельность, т.е. соответствующая определенным разработанным требованиям, это деятельность, которая осуществляется не просто с затратами, а с минимальными затратами, и такая которую можно охарактеризовать как доступную для граждан, справедливую, законную, достаточную, осуществляемую своевременно и конечно качественно. Качественная деятельность будет и тогда, когда затраты на нее будут превышать запланированные. Качественная деятельность, на наш взгляд, это всегда законная деятельность, но при этом она может быть не всегда достаточной для получения ожидаемого результата и не всегда может быть справедливой, и кроме того, не всегда может укладываться в отведенный законодателем отрезок времени.

Именно поэтому эффективная деятельность, как нам представляется, более широкое понятие чем качественная деятельность. Она охватывает такие требования как законность, справедливость, качественность, доступность, экономичность, своевременность и пр. Поэтому утверждение что эффективность – это критерий качества работы неверно, наоборот, качество является критерием эффективной деятельности.

Кроме того, автор утверждает, что «эффективность правоприменения оценивается через сопоставление материальных и поддающихся измерению результатов, путем достижения целей правового регулирования посредством вынесения правоприменительного решения...» [9, с. 9]. Возникает вопрос, а если в результате правоприменительной деятельности материальных результатов или таких которые могут быть измерены, не получим, деятельность не будет считаться эффективной? Например, в результате обыска не были обнаружены доказательства, которые следователь намеревался получить, но это не означает, что деятельность и данное конкретное следственное действие было проведено неэффективно. Возможно, такой результат позволит повлиять на выбор иной рабочей версии и следствие пойдет по правильному пути. Учитывая это, полагаем, что вывод автора неверен, он идет в разрез и со здравым смыслом, и с мнением Европейского Суда по правам человека, который в постановлении по делу «Михеев против России» (Mikheyev v. Russia) по жалобе № 77617/01 от 26 января 2006 г., указал что «отсутствие результатов проведенного расследования само по себе не свидетельствует о его неэффективности: обязательство провести расследование это, не обязательство получить результат, а обязательство принять меры».

К.И. Амирбеков считает, что «...для полной объективности оценки эффективности деятельности прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства помимо оценки качества и результативности требуется оценка и другой не процессуальной деятельности, но связанной с ней. Это оценка своевременности и полноты рассмотрения требований прокурора и устранения нарушений по его требованиям, адекватности и полноты мер, прини-

маемых по укреплению законности и устранению причин и условий нарушения законов» [5, с. 20–26]. Такой подход можно считать методологически правильным, поскольку процессуальную деятельность в уголовном судопроизводстве нельзя отделить от не процессуальной, которая без сомнения на нее влияет.

В.К. Зникин определил эффективность предварительного расследования как «уровень достижения цели и задач стадии предварительного расследования в результате законных, надежных, экономичных, оптимальных и рациональных, организационных и процессуальных действий дознавателя, следователя, прокурора, начальника следственного отдела и начальника органа дознания» [12, с. 473–475]. Соглашаясь с тем, что при определении эффективности необходимо учитывать кроме цели и задач, еще и ряд иных моментов, детерминирующих данную правовую категорию, считаем используемая в определении терминология должна быть для правоприменителей понятной, но что имел ввиду автор, характеризуя действия должностных лиц надежными, оптимальными и рациональными, остается загадкой и требует дополнительных пояснений либо уточнений.

Полагаем, что при формировании дефиниции понятия «эффективность», в первую очередь, следует учитывать, что эффективность уголовно-процессуальной деятельности – это характеристика не только результата, но и процесса [14, с. 38–39; 22, с. 164; 27, с. 15–23].

Цель может быть достигнута различными способами и действиями, в том числе и не эффективными, а эффективная деятельность по определенным причинам может не дать положительного или ожидаемого результата. В качестве примера можно привести вышеупомянутое решение Европейского Суда по правам человека.

В целом говоря об эффективной деятельности, мы имеем ввиду, деятельность которая соответствует определенным требованиям, а не только такая уголовно-процессуальная деятельность, которая способна обеспечить необходимый результат (эффект). Результативность и эффективность не являются тождественными явлениями, хотя они взаимосвязаны между собой и взаимодополняемы. Поэтому мы не можем согласиться с утверждением, что поскольку «эффективный – значит дающий эффект, приводящий к нужным результатам, отсюда эффективность – это результативность» [32, с. 32].

Минимальные затраты – это не единственный показатель эффективной деятельности и в этой части прав Ю.Е. Аврутин, который считал, что «эффективность – это не только количественная, но и качественная характеристика закона, правовой нормы, правоприменительной деятельности» [2, с. 38]. Однако указанная характеристика данной правовой категории была бы неполной, если бы не учитывались и другие составляющие ее содержание и позволяющие превратить её «из абстрактной категории в понятие способное выпол-

нять определенные функции, продуктивные с точки зрения теории и практики» [2, с. 39], т.е. речь должна идти о реальных параметрах, позволяющих оценить деятельность с позиции ее полезности.

Изучение научной литературы, мнений ученых, обращавшихся к данному вопросу, позволило нам сформировать свой авторский подход к решению данной проблемы. Полагаем, что уголовно-процессуальная деятельность должна отвечать таким требованиям как законность, справедливость, качество, доступность, объективность, экономичность, своевременность, достаточность, результативность и только тогда она может быть признана эффективной. Указанные критерии не являются случайными, они позволяют реально оценивать уголовно-процессуальную деятельность и охватывает все важные ее направления (аспекты).

Правовой аспект, который выражается в соответствии указанной деятельности нормам уголовно-процессуального права, принципам как основным, так и специальным, обеспечивающим именно эффективную деятельность и проявляется в таком критерии эффективной уголовно-процессуальной деятельности как законность. Технологический аспект, под которым мы подразумеваем процедуру реализации правовых норм, разработанных и успешно применяемых на практике приемов, способов и средств осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Его обеспечивают критерии своевременность, качество, достаточность, доступность уголовно-процессуальной деятельности. Экономический аспект – суть которого в уголовно-процессуальной деятельности проявляется в выборе, если он возможен, наиболее экономичных средств ее осуществления. Социальный аспект – который выражается в принятии и одобрении обществом рассматриваемой нами уголовно-процессуальной деятельности и благодаря которому, деятельность должна меняться в лучшую сторону и который проявляется в таких критериях как справедливость, объективность и результативность.

Таким образом полагаем, что эффективная уголовно-процессуальная деятельность – это деятельность, направленная на достижение поставленной цели и решения промежуточных задач, осуществляемая, строго в рамках закона и в соответствии с предъявляемыми к ней требованиями, охватываемыми данным понятием: справедливости, качества, доступности, объективности, экономичности, своевременности, достаточности и результативности.

Литература

1. Авдеев В.Н. Эффективность сроков содержания под стражей при производстве предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Авдеев Виктор Николаевич. – М., 1997. – 24 с.
2. Аврутин Ю.Е. Эффективность деятельности органов внутренних дел: государственно-

- правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Аврутин Юрий Ефимович. – Санкт-Петербург, 1998. – 46 с.
3. Алексеев С.С. Эффективность правовых норм. – М., 1980. – С. 3–75.
 4. Алексеева, Л.А. Соотношение социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности (на примере органов внутренних дел): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Алексеева Лилия Алексеевна. – М., 2002. – 20 с.
 5. Амирбеков К.И. Критерии эффективности деятельности прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства (концептуальный подход) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2012. – № 2 (28). – С. 20–26.
 6. Берекашвили Л.Ш. Проблемы оценки деятельности органов внутренних дел. – М., 1981. – С. 17–18.
 7. Богатский Д.В. Оптимизация норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации как средство повышения эффективности деятельности правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Богатский Дмитрий Валерьевич. – Владимир, 2007. – 25 с.
 8. Гагиев А.К. Критерии эффективности деятельности судов в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Гагиев Аюп Каримсултанович. – М., 2013. – 221 с.
 9. Гильмутдинова М.И. Теоретические основы эффективного правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гильмутдинова Милауша Ильдусовна. – Казань, 2012. – 21 с.
 10. Гуценко К.Ф. Судебная реформа: истоки, некоторые итоги и тенденции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1995. – № 5. – С. 3–15.
 11. Драпкин Л.Я. Об эффективности следственных действий // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работе за 1969 г. – Свердловск, 1970. – С. 147–151.
 12. Зникин В.К. Понятие эффективности и качества предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». – 2014. – № 2 (34). – С. 473–475.
 13. Капинус О.С., Андреев Б.В., Казарина А.Х. К вопросу о методологии и методике оценки эффективности прокурорского надзора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2012. – № 1 (27). – С. 21–28.
 14. Колобкова Л.Э. Эффективность норм уголовно-процессуального законодательства // Законность. – 2007. – № 6. – С. 38–39.
 15. Ленский, А.В. Досудебное (предварительное) производство в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ленский Александр Васильевич. – Нижний Новгород, 1997. – 255 с.
 16. Морозова, Л.А. Теория государства и права. – М.: Юристъ, 2005. – 416 с.
 17. Мурсалимов К.Р. Влияние качества нормативной правовой базы на эффективность правоприменения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2008. – № 4. – С. 67–70.
 18. Пацация, М.Ш. Эффективность процессуальной деятельности проверочных инстанций арбитражного суда: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.15 / Пацация Малхаз Шотаевич. – М., 2010. – 360 с.
 19. Сизова, В.Н. Эффективность российского уголовного законодательства (теоретико-прикладной анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сизова Виктория Николаевна. – Нижний Новгород, 2012. – 27 с.
 20. Скворцов Д.Д. Эффективность уголовного судопроизводства и средства защиты уголовно-процессуальных норм // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2007. – № 1. – С. 200–208.
 21. Скоротягин И.Н. Использование специальных познаний – важнейшая задача эффективности следственных действий // Проблемы эффективности раскрытия и расследования преступлений. – Свердловск, 1978. – С. 5–50.
 22. Смирнова И.Г. Эффективность уголовного судопроизводства как одно из обязательных условий формирования уголовно-процессуальной стратегии: в развитие идей И.В. Смольковой // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2014. – № 2 (6). – С. 158–168.
 23. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / отв. ред. В.М. Савицкий. – М.: Наука, 1979. – С. 177.
 24. Строгович М.С. Избранные труды: в 3 томах. – М.: Наука, 1992. – Т. 2. – 278 с.
 25. Теория государства и права: учебник / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – М.: Высшее образование, 2008. – 461 с.
 26. Тимохов В.П. Историко-правовой генезис понятия «Эффективность» // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2003. – № 2. – Т. 6. – С. 344–352.
 27. Тирский В.В. К понятию эффективности правовых норм (о смысловом содержании понятия «эффективность») // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. – Томск: Издательство Томский государственный университет, 1984. – С. 15–23.
 28. Тихомиров Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал Российского права. – 2009. – № 4. – С. 3–9.
 29. Томин В.Т. Стратегия уголовного судопроизводства и некоторые ее составляющие: понятийный и терминологический инструментарий исследования // Russian Journal of Economics and Law. – 2007. – № 4 (4). – С. 152–158.

30. Швецов, С.Б. Эффективность правоприменительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Швецов Станислав Борисович. – Санкт-Петербург, 2004. – 156 с.
31. Харебава, Г.Д. Эффективность прокурорского надзора за органами предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Харебава Георгий Джемалиевич. – Ростов-на-Дону, 2012. – 25 с.
32. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. Монография / рук. автор. кол-ва И.Л. Петрухин / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1975. – Часть 1. – 298 с.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE CONCEPT OF «THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY»

Darovskikh O.I.

South Ural State University (National Research University)

The article examines the point of view of scientists on the concept and essence of such a legal category as «efficiency». The author identifies several directions, approaches of scientists that exist in science, when efficiency is associated with a result or a goal and objectives, when efficiency is determined through obtaining a result, but taking into account material costs, and when a set of characteristic features of a given legal category is included in the definition of a concept, for example, forms, methods, organization, means, personal style of participants in procedural activities. Critically assessing the opinions of scientists in the doctrine, the author substantiates his point of view, believing that criminal procedural activity will be effective if it meets such requirements as legality, fairness, quality, accessibility, objectivity, efficiency, timeliness, sufficiency, and effectiveness. These criteria are not accidental, they make it possible to realistically assess criminal procedural activity and cover all its manifestations.

Keywords: efficiency, criminal procedure, activity, criteria, result, quality, methodology.

References

1. Avdeev V.N. The effectiveness of the terms of detention in the conduct of preliminary investigation: author. dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.09 / Avdeev Viktor Nikolaevich. – M., 1997. – 24 p.
2. Avrutin Yu.E. The effectiveness of the activities of the internal affairs bodies: state-legal, social and organizational aspects of the study, assessment, design: author. dis. ... Dr. jurid. Sciences: 12.00.02 / Avrutin Yuriy Efimovich. – St. Petersburg, 1998. – 46 p.
3. Alekseev S.S. Effectiveness of legal regulations. – M., 1980. – S. 3–75.
4. Alekseeva, L.A. The ratio of social and legal efficiency of law enforcement (on the example of internal affairs bodies): author. dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.01 / Alekseeva Liliya Alekseevna. – M., 2002. – 20 p.
5. Amirbekov K.I. Criteria for the effectiveness of the prosecutor's office in the field of criminal proceedings (conceptual approach) // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. – 2012. – No. 2 (28). – S. 20–26.
6. Berekashvili L. Sh. Problems of assessing the activities of internal affairs bodies. – M., 1981. – S. 17–18.
7. Bogatsky D.V. Optimization of the norms of the criminal procedure legislation of the Russian Federation as a means of increasing the efficiency of law enforcement agencies: author. dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.09 / Bogatsky Dmitry Valerievich. – Vladimir, 2007. – 25 p.
8. Gagiev A.K. Criteria for the effectiveness of courts in civil and arbitration proceedings: dis... Cand. jurid. Sciences: 12.00.11 / Gagiev Ayup Karimsultanovich. – M., 2013. – 221 p.
9. Gilmutdinova M.I. Theoretical foundations of effective law enforcement: author. dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.01 / Gilmutdinova Milausha Ildusovna. – Kazan, 2012. – 21 p.
10. Gutsenko K.F. Judicial reform: origins, some results and trends // Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. – 1995. – No. 5. – P. 3–15.
11. Drapkin L. Ya. On the effectiveness of investigative actions // Materials of the conference on the results of research work for 1969 – Sverdlovsk, 1970. – P. 147–151.
12. Znikin V.K. The concept of the effectiveness and quality of preliminary investigation // Bulletin of the Tomsk State University. Series "Right". – 2014. – No. 2 (34). – S. 473–475.
13. Kapinus O.S., Andreev B.V., Kazarina A. Kh. On the question of the methodology and methodology for assessing the effectiveness of prosecutorial supervision // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. – 2012. – No. 1 (27). – S. 21–28.
14. Kolobkova L.E. The effectiveness of the norms of criminal procedure legislation // Legality. – 2007. – No. 6. – P. 38–39.
15. Lensky, A.V. Pre-trial (preliminary) proceedings in modern criminal procedure in Russia: dis... Cand. jurid. Sciences: 12.00.09 / Lensky Alexander Vasilievich. – Nizhny Novgorod, 1997. – 255 p.
16. Morozova, L.A. Theory of Government and Rights. – M.: Jurist, 2005. – 416 p.
17. Mursalimov K.R. The influence of the quality of the regulatory legal framework on the effectiveness of law enforcement // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2008. – No. 4. – P. 67–70.
18. Patsatsiya, M. Sh. The effectiveness of the procedural activity of the checking instances of the arbitration court: dis. ... Dr. jurid. Sciences: 12.00.15 / Patsatsiya Malkhaz Shotaevich. – M., 2010. – 360 p.
19. Sizova, V.N. The effectiveness of Russian criminal legislation (theoretical and applied analysis): author. dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.08 / Sizova Viktoriya Nikolaevna. – Nizhny Novgorod, 2012. – 27 p.
20. Skvortsov D.D. The effectiveness of criminal proceedings and means of protection of criminal procedural norms // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series "Right". – 2007. – No. 1. – P. 200–208.
21. Skorotyagin I.N. The use of special knowledge is the most important task of the effectiveness of investigative actions // Problems of the effectiveness of disclosing and investigating crimes. – Sverdlovsk, 1978. – S. 5–50.
22. Smirnova I.G. The effectiveness of criminal proceedings as one of the prerequisites for the formation of a criminal procedural strategy: in the development of the ideas of I.V. Smolkova // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. – 2014. – No. 2 (6). – S. 158–168.
23. Soviet criminal procedure law and the problems of its effectiveness / otv. ed. V.M. Savitsky. – M.: Nauka, 1979. – P. 177.
24. Strogovich M.S. Selected Works: in 3 volumes. – M.: Nauka, 1992. – T. 2. – 278 p.
25. Theory of state and law: textbook / ed. A.S. Pigolkina, Yu.A. Dmitrieva. – M.: Higher education, 2008. – 461 p.
26. Timokhov V.P. Historical and legal genesis of the concept of "Efficiency" // Bulletin of the Murmansk State Technical University. – 2003. – No. 2. – T. 6. – P. 344–352.
27. Tirskey V.V. On the concept of the effectiveness of legal norms (on the semantic content of the concept of "efficiency") // Actual issues of combating crime. – Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 1984. – P. 15–23.
28. Tikhomirov Yu.A. Effectiveness of the law: from goal to result // Journal of Russian Law. – 2009. – No. 4. – P. 3–9.
29. Tomin V.T. Criminal justice strategy and some of its components: conceptual and terminological research tools // Russian Journal of Economics and Law. – 2007. – No. 4 (4). – S. 152–158.
30. Shvetsov, S.B. The effectiveness of law enforcement: dis... Cand. jurid. Sciences: 12.00.01 / Shvetsov Stanislav Borisovich. – St. Petersburg, 2004. – 156 p.
31. Kharebava, G.D. The effectiveness of prosecutorial supervision over the bodies of preliminary investigation: author. dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.11 / Kharebava Georgiy Dzhemalievich. – Rostov-on-Don, 2012. – 25 p.
32. The efficiency of justice and the problem of eliminating judicial errors. Monograph / hands. author. number of I.L. Petrukhin / otv. ed. V.N. Kudryavtsev. – Moscow: Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, 1975. – Part 1. – 298 p.

К вопросу о сущности обвинения и уголовно-процессуальном механизме его формулирования и выдвижения

Костерин Владимир Владимирович,
соискатель учёной степени к-т. юр. наук
E-mail: vvkosterin@yandex.ru

В статье анализируются основные подходы к пониманию обвинения и его структуры. Основное внимание уделено материальному, фактическому, уголовно-правовому аспектам обвинения. Эти аспекты проанализированы с позиции двух диаметрально противоположных подходов: следственного и искового. Автор, разделяя исковую трактовку обвинения в её наиболее последовательном проявлении – «процессуального детерминизма», развивает свою систему представлений относительно обвинения и связанного с ним «подозрения». Он предлагает формулировать обвинение прокурору и предъявлять обвинение в судебном порядке всегда, когда есть спор сторон. В бесспорных уголовных делах при признании защитой уголовного иска привлечение к уголовной ответственности может состояться и во внесудебном порядке. Автор предпринимает попытку провести аналитическую работу и формирование выводов по реструктуризации института.

Ключевые слова: обвинение, уголовный иск, уголовное судопроизводство, процессуальный детерминизм, состязательность.

Целью статьи является демонстрация института обвинения, как основы организации уголовного процесса и более того – всей правовой системы противодействия преступности. Помимо этого, предлагается дать новое объяснение материально-правовой составляющей обвинения и его генетической связи с уголовной ответственностью. Наконец, обосновать необходимость перехода к новой модели формулирования и выдвижения обвинения по уголовным делам.

В отечественной уголовно-процессуальной науке сложились два подхода к трактовке сущности обвинения: следственный и исковой. Более развит следственный подход, поскольку он ориентирован на существующую правовую реальность в виде следственного обвинения и уголовного процесса, к тому же представляет развитую классическую традицию юридического позитивизма.

Между тем, есть и сторонники исковой трактовки обвинения, которая, с одной стороны, в настоящее время носит спекулятивный характер, но с другой, связана с состязательностью, а состязательность, независимо от отношения к ней, признается принципом уголовного судопроизводства.

В советское время исковая концепция имела мало сторонников [14] и критиковалась сильнее [20, с. 134–144]. Хотя во времена действия Устава Уголовного Судопроизводства 1864 г. теория уголовного иска пользовалась поддержкой многих ведущих ученых [19, с. 2–4; 15, с. 13–14], она имеет последователей и среди современных исследователей [2], часть из которых выступает за реформу предварительного расследования, предполагающую переход на исковую модель обвинения [2].

Обозначенные подходы объединяет признание взаимосвязи выдвижения обвинения с привлечением к уголовной ответственности. Однако, эта связь, а также наличие уголовно-правовой, материально-правовой компоненты в самом обвинении, трактуется представителями данных подходов по-разному.

Сначала рассмотрим следственную версию учения об обвинении через призму соотношения процессуального и материально-правового начал в его структуре и связи с привлечением к уголовной ответственности.

Ключевое значение имеет взаимосвязь обвинения с привлечением к уголовной ответственности. Эта взаимосвязь объяснялась на уровне понятий «цель» и «средство». Обвинение ранее и сейчас характеризуется как «средство» достижения «цели» – наказания виновного в преступлении. Такой позиции придерживались многие отечественные

правоведы на рубеже XIX–XX веков [13; 12, с. 127]. Несколько иначе эта мысль проявляется в работах советских ученых: обвинение используется следователем и прокурором, чтобы добиться: 1) привлечения к уголовной ответственности обвиняемого, совершившего преступление, причём до вынесения судом обвинительного приговора; 2) назначения наказания; 3) обоснования перед судом виновности подсудимого; 4) достижения результата публичного уголовного преследования.

В советском уголовном процессе присутствовала следственная модель привлечения в качестве обвиняемого. Общепринято было считать, что процессуальное решение следователя о привлечении в качестве обвиняемого влечёт за собой процессуальные последствия в виде получения лицом статуса обвиняемого, а также материально-правовые последствия – привлечение обвиняемого к уголовной ответственности [17, с. 25].

Советские теоретики считали акт «привлечения в качестве обвиняемого» основой для привлечения уголовно-преследуемого лица к уголовной ответственности. Допустимо предположение о начале смешения понятий.

Эту позицию разделял и Верховный суд РСФСР: «датой привлечения лица к уголовной ответственности является дата вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а не время вынесения приговора» [16].

Присутствие в самом обвинении материально-правовой компоненты или аспекта объяснялось некоторыми советскими процессуалистами как «совокупность, инкриминируемых лицу противоправных и общественно опасных действий или бездействий» [9, с. 189]. Некоторые ученые выделяли в обвинении три составных части, которые можно считать уголовно-правовыми: факту обвинения; юридическое формулирование; правовую квалификацию. «Материальность» обвинения понималась и в смысле «фактичности» или «доказанности» обвинения, наличия у него материального основания. Так, по мнению Ф.Н. Фаткуллина, «материально-правовую» компоненту обвинения можно понимать в двух смыслах: во-первых, как фактические обстоятельства, образующие преступление как факт объективной реальности, и, во-вторых, как «определенный состав преступления», инкриминируемый обвиняемому [17, с. 45, 48–49], то есть само преступление, за совершение которого «лицо должно понести установленную законодательством ответственность» [18, с. 276].

Связь обвинения с «материальным» состоит в его «доказанности», а связь с уголовно-правовым элементом – в «направленности на реализацию уголовной ответственности» [7, с. 29]. С.А. Альперт подчеркивал наличие в структуре обвинения отношений взаимообусловленности, взаимодействия, органического единства явлений материального и процессуального, которые в реальности не существуют одно без другого [3, с. 27].

Наличие в обвинении материально-правовой составляющей было признано и в *уголовно-*

правовой науке: обвинение в материальном смысле представляет собой часть применения уголовного закона [8, с. 173]. Формулирование уголовно-правового обвинения влечёт уголовно-правовые последствия: оно является юридической основой окончательного решения об ответственности и наказании лица, совершившего преступление [8, с. 174]. Существует специальное понятие: «уголовно-правовое обвинение», в которое его автор (проф. А. Жалинский) включал: (а) выделение всех фактов, являющихся в данном случае уголовно-релевантными; (б) установление комплекса уголовно-правых норм, с ними соотносимых; (в) уголовно-правовую оценку выделенного круга фактов; (г) усмотрение связи фактов и их оценки с уголовно-процессуальной, уголовно-правовой и иной ответственностью [8, с. 177–178].

Таким образом, вполне правомерным и справедливым признано положение, при котором следователь привлекает к уголовной ответственности обвиняемого в стадии предварительного расследования.

Необходимо отметить, что именно эта модель привлечения к уголовной ответственности отражена в действующем уголовном кодексе, в том числе в статьях 75–76, 299, 300 УК РФ. Её след имеется и в некоторых уголовно-процессуальных нормах: пункт 2 части первой статьи 154 УПК РФ.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 28 октября 1996 г. № 18-п оправдал конституционность существующей следственной модели тем, что обвинение носит предварительный характер и подлежит последующей проверке в суде. При этом появились суждения о том, что обвинение может быть: «промежуточным», «первоначальным», «окончательно следственным» и «окончательно судебным».

Отсутствие судебного контроля за привлечением следователем обвиняемого к уголовной ответственности нашло подтверждение своей правомерности в судах общей юрисдикции.

Получается, у обвинения могут быть различные проявления: предварительное-следственное и окончательное-судебное. При этом, всё это сочетается со следственной моделью формулирования и выдвижения обвинения следователем.

Уголовно-процессуальное право сохранило в неизменном виде следственную конструкцию института привлечения в качестве обвиняемого (привлечения к уголовной ответственности), включающего статьи 171–175 УПК РФ, так в современных исследованиях по существу без изменений воспроизводятся темы о материально-правовом и процессуально-правовом моментах (последствия) обвинения [1; 4, с. 10–11].

Как пишет М.П. Бобылев, обвинение является *правовым средством*, при помощи которого происходит защита публичных и частных интересов от преступлений [4, с. 11]. Вид и сущность обвинения входят в типологическую характеристику уголовного процесса и, соответственно, правовая модель современного обвинения наиболее ярко

характеризует самобытную, уникальную сущность российского уголовного процесса. Многие находят эту модель единственно возможной и разумной.

Вместе с тем всё чаще возникают критические оценки процедуры привлечения в качестве обвиняемого (привлечения к уголовной ответственности), и в интересах оптимизации следственной деятельности её предлагается «упразднить» [6]. Есть и более радикальные предложения по её кардинальной трансформации.

Так, профессор Н.Н. Ковтун пришёл к следующим выводам: во-первых, постановление о привлечении в качестве обвиняемого утратило своё правовое знание и обеспечивает сиюминутные «интересы», либо следственных органов, либо прокуратуры, либо суда, реализующего функцию «оперативного судебного контроля». Говорить об определяющей роли этого акта для хода и результатов производства по делу, либо о его объективации в качестве фундаментальной гарантии законного и обоснованного привлечения к уголовной ответственности не приходится. Акт привлечения в качестве обвиняемого, как и соответствующий ему материальный акт привлечения к уголовной ответственности, необходимо кардинально трансформировать: он должен отражать окончательную и согласованную позицию стороны обвинения в целом относительно сути и содержания уголовного иска, подлежащего внесению в суд [11; 12].

Акт привлечения в качестве обвиняемого, как материальный акт привлечения к уголовной ответственности, должен обеспечивать права защиты на: (1) своевременное ознакомление с содержанием обвинения – в форме окончательной следственно-обвинительной квалификации содержания по конкретным статьям, части, квалифицирующим признакам действующего материального закона; (2) полное и всестороннее ознакомление стороны защиты со всей системой сформированных обвинительных доказательств по делу; (3) обеспечение возможности реализации дальнейшего производства по делу, а равно центрального его элемента – доказывания по правилам состязательной модели «двух папок» [12, с. 136–137].

Поддерживая позицию представителя нижегородской школы процессуалистов проф. Н.Н. Ковтуна, автор намерен сделать больший акцент на исковую трактовку этого института и, соответственно, в исковом контексте осветить проект модернизации института. Проект трансформации института обвинения предлагается в трудах некоторых представителей этой же научной школы процессуалистов, являющихся сторонниками так называемого «процессуального детерминизма» [5, с. 19–27]¹. Так, например, С.В. Власова утверждает, что основание уголовной ответственности создаётся в результате удовлетворения уголовного иска судом [5, с. 319].

¹ «Процессуальный детерминизм», как система представлений о том, что все «материальное», «уголовно-правовое», «фактическое» производно от процесса изложен в монографии С.В. Власовой.

Сторонники исковой трактовки обвинения и процессуального детерминизма сформулировали несколько принципиальных положений [2]: (1) обвинение по своей природе является разновидностью иска о признании (материального) права истца; (2) уголовно-правовой составляющей уголовного иска является его предмет, в котором зафиксировано нарушенное право; (3) «фактической» компонентой публичного иска является его доказанность, обоснование; (4) субъектом диспозитивного процессуального права на публичный уголовный иск является прокурор – глава обвинительной власти государства, которая уполномочена добиваться через суд применения уголовных наказаний и других мер уголовной ответственности к преступникам; (5) будучи публичным уголовным иском, обвинение есть процессуальное требование (правопритязание) прокурора, адресованное суду о признании за ним права на применение меры уголовной ответственности (наказания) к преступнику; (6) материальный аспект обвинения состоит в требующем судебного признания материального права обвинительной власти государства [2] на привлечение к уголовной ответственности виновника преступления; (7) прокурор обладает диспозитивными полномочиями по распоряжению материальным правом на предмет уголовного иска и процессуальными правами по доказыванию обвинения [2].

По мнению автора, связь материального уголовного права и уголовно-процессуального обвинения несомненна. Формула обвинения есть смысл статьи (статей) уголовного кодекса, проинтерпретированный обвинителем и предлагаемый суду (но также и стороне защиты) в качестве правовой основы для разрешения уголовного дела по существу. Уголовно-правовая составляющая обвинения – это те статьи уголовного кодекса, которые обвинитель предлагает применить суду в данном уголовном деле.

Текст обвинения – это проекция текста УК РФ в уголовно-процессуальной форме. Для автора, как приверженца приоритета процессуального начала, обвинение в уголовно-правовом смысле – это утверждение, тезис, то есть смысловая конструкция, а не само преступление, которое инкриминируется обвиняемому. Следует вкладывать другой смысл в постулат о наличии в обвинении материального и процессуального элементов. Материальный аспект обвинения – это формула или предмет обвинения, представляющий собой отражение не столько самого преступления, сколько подтверждаемого доказательствами юридического состава преступления, инкриминируемого обвиняемому.

В широком понимании обвинение включает в себя «подозрение». Через первоначально возникшее подозрение на уровне регистрации сообщения о преступлении в КУСП, затем в основании для задержания подозреваемого, далее – в обосновании подозрения при избрании меры пресечения через суд и при применении иных мер про-

цессуального принуждения, включая те, что сопровождают проведение некоторых следственных действий, происходит кристаллизация «формулы обвинения». В итоге, обвинение – это подтвердившееся в ходе уголовного преследования первоначальное подозрение (официально не выдвинутое обвинение, но такая постановка под сомнение презумпции невиновности подозреваемого, которая позволяет ограничивать его права и свободы в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным кодексом).

Обвинение и есть если не само реальное уголовное право, то «средство уголовно-правового воздействия», предлагаемое обвинителем для применения уголовному суду. В обвинении содержится *предпосылка* для появления у обвинительной власти государства права на наказание, применение уголовного закона (уголовного права). Это произойдет в случае удовлетворения судом публичного уголовного иска в виде вынесения обвинительного приговора или решения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию. Есть и другой путь к установлению права прокурора на применение уголовного закона к виновнику преступления – по результатам досудебного урегулирования – признания защитой обвинения и согласия на альтернативный исход уголовного процесса.

Мы приходим к выводу, что обвинение должен формулировать и предъявлять в суде прокурор – в том случае, если существует уголовно-правовой спор и защита не признает, полностью или частично, вину «обвиняемого» в совершении преступления. Отказ признать вину по предъявленному обвинению влечёт за собой обычное судопроизводство. Признание уголовного иска защитой ведет к разрешению уголовного дела в упрощённом порядке.

Изменение модели обвинения, разумеется, немислимо без проведения реформы предварительного расследования и уголовно-процессуальной технологии формирования доказательств. Эти институциональные изменения приведут к смене типа уголовного судопроизводства на состязательную – справедливую модель уголовного судопроизводства.

Литература

1. Александров А.И. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России: актуальные проблемы // Российский следователь. 2019. № 8. С. 15–18.
2. Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 35–47.
3. Альперт С.А. Обвинение в советском уголовном процессе. Харьков, 1974. 38 с.
4. Бобылев М.П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России // Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2004. 25 с.

5. Власова С.В. Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 440 с.
6. Гаврилов Б.Я. Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 10. С. 38–40.
7. Давыдов П.М. Обвинение в советском уголовном процессе // Автореф. дис. канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 47 с.
8. Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. Т. 2. Уголовное право. М., 2015. 592 с.
9. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. 367 с.
10. Карев Д.С. Советский уголовный процесс. М., 1968. 160 с.
11. Ковтун Н.Н. Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессуализации» и «дематериализации» его сути и содержания в уголовном судопроизводстве России // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 1. С. 98–105.
12. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137.
13. Полянский Н. Н. К вопросу о правовой природе обвинения перед судом. // Правоведение. 1960. № 1. С. 105–115.
14. Полянский Н.Н. Понятие уголовного иска // Право и жизнь. 1926. Кн. 4–5. С. 21–28.
15. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. М., 1916. 547 с.
16. Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Научн. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003. 431 с.
17. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и судебный приговор. Казань Издательство Казанского университета. 1965. 531 с.
18. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 2003. 334 с.
19. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х томах. СПб., 1912. Т. 1. 579 с.
20. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. 144 с.

IN ADDITION TO THE QUESTION OF THE ESSENCE OF THE ACCUSATION AND THE CRIMINAL-PROCEDURAL MECHANISM OF ITS FORMULATION AND NOMINATION

Kosterin V.V.

The article analyzes the main approaches to understanding the accusation and its structure. The main attention is paid to the material, factual, criminal-legal aspects of the accusation. These aspects are analyzed from the standpoint of two diametrically opposed approaches: investigative and lawsuits. The author, sharing the claim interpretation of the accusation in its most consistent manifestation – “procedural determinism”, develops his own system of ideas regarding the accusation and the “suspicion” associated with it. The

author proposes to formulate charges to the prosecutor and bring charges in court whenever there is a dispute between the parties. In indisputable criminal cases, when a criminal claim is recognized as a defense, criminal prosecution may also take place out of court. The author attempts to conduct analytical work and form conclusions on the restructuring of the institute.

Keywords: accusation, criminal claim, criminal proceedings, procedural determinism, adversarial.

References

1. Aleksandrov AI Ensuring the right of the accused (suspect) to defense in the criminal process of Russia: topical problems // Russian investigator. 2019.No. 8.P. 15–18.
2. Aleksandrov AS Concept and essence of a criminal claim // State and law. 2006. No. 2. S. 35–47.
3. Alpert SA Accusation in the Soviet criminal process. Kharkov, 1974.38 p.
4. Bobylev MP Accusation as a subject of criminal justice in modern Russia // Author. diss... Cand. jurid. sciences. Ufa, 2004.25 p.
5. Vlasova S.V. Theoretical concept of legal (criminal procedure) organization of counteraction to crime in the sphere of economics: monograph. M.: Jurlitinform, 2020.440 p.
6. Gavrilov B. Ya. Presenting charges: current state and problems of law enforcement // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2010. No. 10. S. 38–40.
7. Davydov P.M. Accusation in the Soviet criminal process // Author. dis. Cand. jurid. sciences. Sverdlovsk, 1974.47 p.
8. Zhalinsky A.E. Selected works: in 4 volumes. T. 2. Criminal law. M., 2015.592 p.
9. Zhogin NV, Fatkullin FN Preliminary investigation in the Soviet criminal process. M., 1965.367 p.
10. Karev DS Soviet criminal process. M., 1968.160 p.
11. Kovtun NN The Institute of Bringing the Defendant: on the “deprocessionalization” and “dematerialization” of its essence and content in criminal proceedings in Russia // Russian Journal of Legal Research. 2020. T. 7. No. 1. P. 98–105.
12. Kovtun NN Formation of public prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia // Journal of Russian law. 2019.No. 9.P. 123–137.
13. Polyansky NN To the question of the legal nature of the accusation before the court. // Jurisprudence. 1960. No. 1. S. 105–115.
14. Polyansky NN The concept of a criminal claim // Law and life. 1926. Book. 4–5. S. 21–28.
15. Rozin NN Criminal proceedings. Lecture manual. M., 1916. 547 p.
16. Criminal Procedure in Russia: Textbook / AS Aleksandrov, NN Kovtun, MP Polyakov, SP Serebrova; Scientific ed. V.T. Tomin. M.: Yurayt-Izdat, 2003.431 p.
17. Fatkullin F.N. Kazan Kazan University Publishing House. 1965.531 s.
18. Fatkullin FN Problems of the theory of state and law. Kazan, 2003.334 p.
19. Foinitskiy I. Ya. Course of criminal proceedings: in 2 volumes. SPb., 1912.Vol. 1. 579 p.
20. Yakub ML Procedural form in the Soviet criminal proceedings. M., 1981.144 p.

Лесные насаждения как предмет преступного посягательства. Теоретический и практический аспект

Косых Валерия Александровна,

старший следователь следственного отдела Котласского ЛО
МВД России на транспорте
E-mail: val-kosykh@yandex.ru

В статье раскрывается проблема существующего подхода к предмету преступлений, предусмотренных статьей 260 Уголовного кодекса Российской Федерации – незаконная рубка лесных насаждений. Рассмотрены практические примеры расследования указанных преступлений, а также хищения деревьев, незаконно вырубленных на землях сельскохозяйственного назначения. Автором предлагается сформировать единый подход к квалификации незаконных рубок и отнести лесные насаждения, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения к предмету преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ. Определен статус лесных насаждений, произрастающих в полосе отвода железной дороги. Приведены доводы о необходимости включения в предмет экологических преступлений всех лесных насаждений, произрастающих как на землях лесного фонда, на землях сельскохозяйственного назначения, так и на землях иных категорий, поскольку все леса являются частью экосистемы и выполняют единую функцию поддержания экологического баланса.

Ключевые слова: лесные насаждения, деревья, незаконная рубка, лес, лесной фонд, земли сельскохозяйственного назначения.

В настоящее время стоит обратить внимание, что выявленные учеными более десятилетия назад криминогенные факторы, способствующие совершению незаконных рубок лесных насаждений, актуальны в современных условиях. Частое изменение законодательства, регулирующего процедуру лесопользования; несовершенство нормативной базы, регулирующей лесопромышленный комплекс; реализация норм лесного законодательства, отменяющих разрешительную процедуру и закрепляющих исключительно договорные методы при отпуске древесины; повышение спроса на древесину; переориентация лесного законодательства на установление рыночных механизмов в сфере лесного хозяйства [1, с. 18–27] – эти и другие факторы разрастания теневого рынка леса в настоящее время имеют тенденцию к укреплению и адаптируются к изменениям в экономической сфере страны. К таковым можно отнести неэффективность применения норм уголовного законодательства за преступления, связанные с незаконной заготовкой, переработкой в целях сбыта и сбытом заведомо незаконно заготовленной древесины. На наш взгляд, наиболее эффективным решением сформировавшейся и укрепившейся проблемы борьбы с незаконными рубками лесных насаждений и незаконным оборотом леса в целом, является изменение подхода к применению понятия «лес», «лесные насаждения», как предмету преступных посягательств на научно-теоретическом и практическом уровне.

Обращаясь к судебно-следственной практике расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконной рубкой, а также хищениями лесных насаждений, следует обратить внимание на существенное отличие характеристик единого предмета указанных преступлений – лесных насаждений.

Так, согласно пункта 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 года № 21 (в редакции от 30.11.2017 года) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», предметом преступлений, предусмотренных ст. 26 УК РФ и 261 УК РФ, являются как лесные насаждения, то есть деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах, так и деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов (насаждения в парках, аллеях, отдельно высаженные в черте города деревья, насаждения в полосах отвода железнодорожных магистралей и автомобильных дорог или каналов). Вместе с тем, в рассматриваемом пункте также указано –

не относятся к предмету указанных преступлений, в частности, деревья, кустарники и лианы, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения, на приусадебных земельных участках, на земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного, гаражного строительства, ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, в лесопитомниках, питомниках плодовых, ягодных, декоративных и иных культур, а также ветровалы, буреломные, сухостойные деревья, если иное не предусмотрено специальными нормативными правовыми актами. Рубка указанных насаждений, а равно их уничтожение или повреждение при наличии к тому предусмотренных законом оснований могут быть квалифицированы как хищение либо уничтожение или повреждение чужого имущества. [2]

В практической деятельности органы предварительного следствия применяют вышеуказанные положения Пленума при производстве предварительного следствия, как правило, следующим образом.

Предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений на землях лесного фонда. На момент возбуждения уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, органу предварительного следствия необходимо располагать достоверными материалами о месте расположения лесных насаждений, на которые было совершено преступное посягательство, а именно данными о выделе и квартале участка земель лесного фонда, на котором данные насаждения были незаконно вырублены; сведениями о причиненном государству в результате данного преступления материальном ущербе, предоставляемыми территориальными единицами управления в области использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов – лесничествами, функционирующими в частности на землях лесного фонда, на землях особо охраняемых природных территорий, на которых расположены леса. [3] При непосредственном взаимодействии с лесничествами, в ходе расследования, органом предварительного следствия устанавливается событие преступления, в том числе место совершения преступления, в соответствии требованиями ст. 73 УПК РФ. [4] Применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений», установлению подлежат такие обстоятельства, как: место совершения незаконной рубки – выдел, квартал по данным лесоустройства (географические координаты границ незаконной рубки), категория земель, на которых расположены лесные насаждения; сведения об отведенных в районе совершения преступления долях физическим и юридическим лицам; данные космического мониторинга (при наличии). Для квалификации деяния как незаконной рубки лесных насаждений основным условием является расположение незаконно

вырубленных лесных насаждений на землях лесного фонда, а также состояние лесных насаждений на момент их вырубки (являются ли они живорастущими или сухостойными). Иными словами, квалификация преступления зависит от места расположения предмета преступного посягательства. Кроме того, при определении имущественного ущерба, причиненного преступлением применяется методика определения размера возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 29.12.2018 года № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства». [5] Данная методика при определении размера вреда предусматривает увеличение размера такс в зависимости от характеристик лесных насаждений, сезона, в который осуществляется незаконная рубка и прочих условий. Таким образом, размер причиненного ущерба в результате совершения незаконной рубки лесных насаждений на землях лесного фонда исчисляется в кратном размере, что, в определенной степени подчеркивает общественную опасность преступлений данной категории и в последствии обязывает виновное лицо возместить причиненный ущерб. В случае, если незаконная рубка лесных насаждений осуществляется не на землях лесного фонда, квалификация преступления меняется, а преступление переходит из категории экологических преступлений в категорию преступлений против собственности.

Расследование уголовных дел о преступлениях, связанных с хищениями древесины, произрастающей на землях, не входящих в состав лесного фонда. Наиболее распространенным примером является осуществление рубки лесных насаждений, которые произрастают на землях сельскохозяйственного назначения. Указанное преступление квалифицируется органами предварительного следствия как кража, то есть тайное хищение чужого имущества, предусмотренная ст. 158 УК РФ. При установлении подлежащих доказыванию обстоятельств, орган предварительного следствия истребует необходимую информацию о месте расположения лесных насаждений, причиненном ущербе в региональном подразделении Федерального агентства по управлению государственным имуществом по месту совершения преступления. В таком случае расчет причиненного ущерба осуществляется без применения вышеуказанной методики, расчет производится исходя из рыночной стоимости древесины. Таким образом, на наш взгляд, осуществляется занижение причиненного преступлением вреда, что является неверным, поскольку незаконная рубка деревьев, кустарников и лиан, произрастающих на землях лесного фонда, равно как и произрастающих на землях сельскохозяйственного назначения, причиняет одинаковый ущерб экологии и экономике государства,

а также восстановление утраченных ресурсов требует одинаковых временных и финансовых затрат. При таких обстоятельствах разграничение таких преступлений только по признаку места совершения преступления, недопустимо. Проблема сохранения лесов в современных условиях выходит на первый план.

Проблема разграничения предмета незаконной рубки лесных насаждений от преступлений против собственности существует длительное время и не решена сейчас. При ее решении следует учитывать произрастают ли деревья, кустарники и лианы естественным образом или были высажены человеком для введения их в товарооборот. На наш взгляд существует необходимость отнести к предмету преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ лесные насаждения, произрастающие не только на землях лесного фонда, но и на землях сельскохозяйственного назначения, городских и муниципальных территориях, как естественно выращенные, так и высаженные человеком с целью восстановления экосистемы после произведенных работ по расчистке от древесной растительности участков. Верным в таком случае является мнение А.М. Бойцова о том, что лесные насаждения следует считать предметом хищения, когда высаживаются они с целью введения в товарный оборот и получения прибыли от их реализации, если это не связано с лесовосстановлением. [6, с. 138–139] Однако, как справедливо отмечено Н.А. Селяковым, «экологическим преступление будет тогда, когда посягает на природный компонент, находящийся в неразрывной связи с окружающей природной средой». [7, с. 71–72] Любое лесное насаждение, будь то дерево или кустарник, произрастающие естественным путем или после высадки человеком, становятся частью экосистемы и выполняют свои функции по поддержанию баланса кислорода и углекислого газа в атмосфере, формированию и улучшению почв, защите их от эрозии.

Важно понимать, что леса (деревья, кустарники, лианы), в отличие от других природных ресурсов, являются восполняемым ресурсом. Неоднообразный подход к борьбе с незаконными рубками леса приведет к снижению реальной возможности восстановить древесные ресурсы. Дерево, произрастающее на землях лесного фонда и на землях, к примеру, сельскохозяйственного назначения, является частью единой экосистемы, обладает одинаковыми качественными характеристиками и выполняет одинаковые функции. Это говорит о том, что использование, охрана и защита лесных насаждений должны быть едиными и унифицированным для лесов на всех категориях земель. Внимание правоприменителя должно быть обращено не столько на правовой статус леса, сколько на его ценность как элемента экосистемы и экологической безопасности.

Статус лесов, произрастающих на землях сельскохозяйственного назначения, в настоящее время применительно к рассмотрению их как пред-

мету преступного посягательства, фактически не определен. Постановлением Пленума Верховного суда РФ леса на землях данных категорий, как говорилось выше, необоснованно исключены из предмета преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ. Фактически такие леса и земли остались бесхозными. [8, с. 29] Вместе с тем объемы лесных насаждений на таких землях являются достаточно внушительными, поэтому вырубка их причиняет ущерб экологии и экономике страны в равной степени с незаконными рубками на землях лесного фонда.

В условиях современного состояния лесов в Российской Федерации, количество пожаров, приводящих к естественной утрате запасов ценных пород древесины; нарастающие объемы незаконных рубок древесины обуславливают необходимость формирования единого подхода предмету преступлений, связанных с незаконными рубками лесных насаждений с целью сохранения лесов всех категорий

Так, согласно данным Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, общий запас древесины в нашей стране на начало 2021 года составляет 102,2 млрд кубм (по итогам первого цикла государственной инвентаризации лесов, продолжавшаяся в России 13 лет на площади 1 187,6 млн га – территории 85 регионов страны). [9] Вместе с тем объемы фактической заготовки древесины в Российской Федерации в связи с растущим спросом увеличиваются. Так, к примеру, в 2010 году объем заготовленной древесины в РФ составил 173633,7 кубм, в 2015 году – 205143,5 кубм, в 2020 году – 216834,4 кубм. При этом объемы воспроизводства лесов в 2020 году составили 1133,7 тысяч га [10], что, на наш взгляд, не соразмерно к постоянно растущим объемам заготовки леса.

В отдельную категорию стоит выделить незаконные рубки лесных насаждений на землях, арендуемых у Российской Федерации ОАО «Российские железные дороги», в частности, в полосах отвода вдоль железных дорог. Квалификация таких преступных деяний осуществляется также исходя из статуса лесных насаждений, которые произрастают на землях данной категории. Как правило, в практической деятельности незаконные рубки лесных насаждений в полосе отвода железной дороги квалифицируют по ст. 260 УК РФ – незаконная рубка лесных насаждений.

К примеру, в 2020 году Первоуральским городским судом Свердловской области вынесен обвинительный приговор по уголовному делу в отношении жителя Алтайского края по ч. 3 ст. 260 УК РФ – незаконная рубка лесных насаждений в особо крупном размере. В ходе судебного разбирательства установлено, что в 2017 году в г. Первоуральске в границах полосы отвода железной дороги на перегоне станций бригада рабочих, выполняя работы по габаритной рубке опасных деревьев, представляющих угрозу для безопасного движения железнодорожного транспорта, под ру-

ководством подсудимого в отсутствие разрешительных документов ОАО «РЖД» на выполнение сплошной рубки здоровых деревьев, по его указанию незаконно вырубил за пределами отведенных участков 112 деревьев породы сосна, береза, осина, в результате чего Российской Федерации причинен имущественный ущерб на сумму 685 624 рубля. [11]

Также, в июле 2020 года Устьянским районным судом Архангельской области вынесен обвинительный приговор в отношении местного жителя по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. Г ч. 2 ст. 260 УК РФ – незаконная рубка лесных насаждений, совершенная в крупном размере. В ходе судебного следствия установлено, что в период марта 2020 года, не заключив в установленном порядке договор на заготовление древесины и не получив акт-допуск на проведение работ в полосе отвода железной дороги, действуя умышленно, осуществил незаконную рубку деревьев породы ель объемом 5,55 км, деревьев породы береза объемом 2,366 км, являющихся в соответствии со свидетельством о государственной регистрации права частью сооружения-комплекса защитных лесонасаждений, произрастающих в полосе отвода железной дороги в границах пикета (данные изъяты), в результате чего Российской Федерации причинен имущественный ущерб на сумму 146 951 рубль, что является крупным размером. [12]

Вместе с тем, статус и принадлежность таких лесных насаждений определен законодателем следующим образом. Согласно ст. 90 Земельного кодекса РФ полоса отвода относится к землям транспорта. [13] Полоса отвода железных дорог – земельные участки, прилегающие к железнодорожным путям, земельные участки, занятые железнодорожными путями или предназначенные для размещения таких путей, а также земельные участки, занятые или предназначенные для размещения железнодорожных станций, водоотводных и укрепительных устройств, защитных полос лесов вдоль железнодорожных путей, линий связи, устройств электроснабжения, производственных и иных зданий, строений, сооружений, устройств и других объектов железнодорожного транспорта. [14] При этом согласно Инструкции по текущему содержанию железнодорожного пути, утвержденной распоряжением ОАО «РЖД» № 2288-р от 14.11.2016 года, в пределах полосы отвода размещаются защитные лесонасаждения [15], которые переданы ОАО «РЖД» на праве собственности, а земельные участки, занимаемые полосой отвода, предоставляются ОАО «РЖД» на основании договоров аренды земельных участков, находящихся в федеральной собственности. [16] С учетом данных положений, в соответствии со ст. 136 Гражданского кодекса РФ, поступления, полученные в результате использования имущества (плоды, продукция, доходы) принадлежат лицу, использующему это имущество на законном основании. Таким образом, лесные насаждения,

произрастающие в полосе отвода, а также образующаяся при ее использовании древесина, принадлежат ОАО «Российские железные дороги» на праве собственности.

Несмотря на то, что полоса отвода железной дороги с произрастающими на ней лесными насаждениями, не входит в состав лесного фонда, а также, что фактически такие лесные насаждения являются не частью экосистемы, а частью комплекса-сооружения защитных лесонасаждений и предназначены для защиты железных дорог от неблагоприятного воздействия природных явлений и антропогенных факторов, на практике вырубка лесных насаждений на землях данной категории квалифицируется как экологическое преступление, то есть по ст. 260 УК РФ, как и определено законодателем в п. 15 вышеуказанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 года № 21 (в редакции от 30.11.2017 года) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».

При таких обстоятельствах, выделять лесные насаждения, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения и также фактически являющиеся частью экосистемы, не наш взгляд, нецелесообразно и искажает, на наш взгляд, представление о совершаемых преступлениях, связанных с незаконными рубками деревьев, необоснованно исключая их из общей массы экологических преступлений.

Формирование единого теоретического и практического подхода к предмету преступлений, связанных с незаконными рубками лесных насаждений позволит выработать единую методику расследования уголовных дел и адаптировать ее к современным условиям деятельности лесопромышленного комплекса и системы лесопользования.

Литература

1. Травина И.Г., Ларичев В.Д. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с незаконной рубкой лесных насаждений: Монография. – М.: ВНИИ МВД России, 2008. – 148 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 года № 21 (в редакции от 30.11.2017 года) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.09.2021)
3. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 года № 200-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. В силу с 01.09.2021) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.09.2021)
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 года № 174-ФЗ

(ред. от 17.06.2021) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021)

5. Постановление Правительства РФ от 29.12.2018 года № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» (ред. от 18.12.2020) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.09.2021)
6. Бойцов А.М. Преступление против собственности. СПб., 2002.
7. Селяков Н.А. Преступность в сфере лесопромышленного комплекса (криминологический и экономико-правовой аспекты на примере Архангельской области): монография / Н.А. Селяков. – М.: Юпитер, 2005. – 176 с.
8. Жеребкин Г.Н. Ответственность за незаконную рубку лесных насаждений. Анализ нелегальных рубок на российском Дальнем Востоке и методика их расследования. Владивосток: WWF России, «Апельсин», 2011. – 136 с.
9. Подведены итоги инвентаризации лесов общий запас древесины в РФ превышает 102 млрд кубометров [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mnr.gov.ru> (дата обращения: 03.10.2021).
10. Официальные данные Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный ресурс] // URL: www.rosstat.gov.ru (дата обращения: 09.10.2021).
11. Официальные данные Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс] // URL: www.genproc.gov.ru (дата обращения: 09.10.2021)
12. Приговор Устьянского районного суда Архангельской области от 06 июля 2020 года [Электронный ресурс] // URL: [www.ustyansud – arh.sudrf.ru](http://www.ustyansud-arh.sudrf.ru) (дата обращения: 09.10.2021).
13. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.09.2021)
14. Федеральный закон «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10 января 2003 года № 17-ФЗ (ред. от 11.06.2021) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.09.2021)
15. Инструкция по текущему содержанию железнодорожного пути, утвержденная распоряжением ОАО «РЖД» № 2288-р от 14.11.2016 года (в ред. от 08.06.2020 года) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.09.2021)
16. Постановление Правительства РФ от 29.04.2006 № 264 «О порядке пользования земельными участками, являющимися федеральной собственностью и предоставленными открытому акционерному обществу «Российские железные дороги» (в ред. от 29.07.2020 года) [Электронный ресурс] //

URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.09.2021)

FOREST PLANTATIONS AS A SUBJECT OF CRIMINAL ENCROACHMENT. THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECT

Kosykh V.A.

Department Kotlassky LO of the Ministry of Internal Affairs of Russia in transport

The article reveals the problem of the existing approach to the subject of crimes provided for in Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation – illegal felling of forest plantations. Practical examples of the investigation of these crimes, as well as the theft of trees illegally cut down on agricultural lands, are considered. The author proposes to form a unified approach to the qualification of illegal logging and to attribute forest plantations growing on agricultural lands to the subject of crimes under Art. 260 of the Criminal Code of the Russian Federation. The status of forest plantations growing in the railway right-of-way has been determined. Arguments are made about the need to include in the subject of environmental crimes all forest plantations growing both on forest lands, on agricultural lands, and on lands of other categories, since all forests are part of the ecosystem and perform a single function of maintaining the ecological balance.

Keywords: forest plantations, trees, illegal felling, forest, forest fund, agricultural land.

References

1. Travina I.G., Larichev V.D. Criminal law and criminological problems of combating illegal felling of forest plantations: Monograph. – Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. – 148 p.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 18, 2012 No. 21 (as amended on November 30, 2017) “On the application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management” [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date accessed: 09/28/2021)
3. Forest Code of the Russian Federation of 04.12.2006 No. 200-FZ (as amended on 02.07.2021) (as amended and supplemented, entered into force from 01.09.2021) [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date accessed: 09/28/2021)
4. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12/18/2001 No. 174-FZ (as amended on 06/17/2021) [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 09/20/2021)
5. Decree of the Government of the Russian Federation of December 29, 2018 No. 1730 “On approval of the specifics of compensation for damage caused to forests and natural objects in them as a result of violation of forest legislation” (as amended on December 18, 2020) [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date accessed: 23.09.2021)
6. Boytsov A.M. Property crime. SPb., 2002.
7. Selyakov N.A. Crime in the sphere of the timber industry complex (criminological and economic and legal aspects on the example of the Arkhangelsk region): monograph / N.A. Selyakov. – M.: Jupiter, 2005. – 176 p.
8. Zherebkin G.N. Responsibility for illegal felling of forest plantations. Analysis of illegal logging in the Russian Far East and methods of their investigation. Vladivostok: WWF Russia, «Orange», 2011. – 136 p.
9. The results of the forest inventory have been summed up, the total timber stock in the Russian Federation exceeds 102 billion cubic meters [Electronic resource] // URL: <http://www.mnr.gov.ru> (date of access: 03.10.2021).
10. Official data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: www.rosstat.gov.ru (date of access: 09.10.2021).
11. Official data of the General Prosecutor’s Office of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: www.genproc.gov.ru (date of access: 09.10.2021)
12. The verdict of the Ustyansud District Court of the Arkhangelsk Region dated July 6, 2020 [Electronic resource] // URL: [www.ustyansud – arh.sudrf.ru](http://www.ustyansud-arh.sudrf.ru) (date of access: 09.10.2021).

13. Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 No. 136-FZ (as amended on 02.07.2021) [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 28.09.2021)
14. Federal Law "On Railway Transport in the Russian Federation" dated January 10, 2003 No. 17-FZ (as amended on 06/11/2021) [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 28.09.2021)
15. Instructions on the current maintenance of the railway track, approved by order of JSC Russian Railways No. 2288-r dated November 14, 2016 (as amended on June 8, 2020) [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date accessed: 30.09.2021)
16. Decree of the Government of the Russian Federation of April 29, 2006 No. 264 "On the procedure for using land plots that are federal property and provided to the open joint stock company" Russian Railways "(as amended on July 29, 2020) [Electronic resource] // URL: <http://www.consultant.ru> (date accessed: 30.09.2021)

Проблемы квалификации привилегированных составов 106, 107 и 108 УК РФ: спорные вопросы и их решения

Милаева Майя Юрьевна,

к.ю.н., кафедра юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)
E-mail: majya.karaseva.2012@mail.ru

Наиболее актуальными вопросами в судебной практике являются вопросы применения тех или иных норм для правильной квалификации состава преступления. Многие статьи уголовного кодекса являются схожими по составу, что вызывает определенные сложности при квалификации содеянного. Это объясняется тем, что элементы состава преступлений одной группы обладают некой однородностью, без выделения специфических черт сложно дать правильную квалификацию деяния. Также на практике считается, что некоторые нормы уголовного закона содержат пробелы, что вызывает еще одни трудности. Так, на примере статей 106, 107, 108 УК РФ можно разобрать трудности квалификации деяний.

Целью научного исследования является проведение юридического анализ и выявление текущих проблем, которые возникают при квалификации действий, составляющих содержание преступления.

В статье рассматриваются основные проблемы, с которыми сталкиваются правоприменители при квалификации основных составов убийств. Статья посвящена изучению проблем квалификации деяний по статьям 106, 107, 108 Уголовного кодекса Российской Федерации. В статье приведены позиции учёных, касающиеся правильной квалификации деяний, приведены сравнения со схожими составами уголовного кодекса, выделены основные отличия и особенности элементов состава статьей 106, 107, 108 УК РФ.

Ключевые слова: состав преступления, убийство новорожденного, привилегированные составы, специальный субъекты, спорные вопросы, состояние аффекта.

Основным инструментом охраны прав и свобод человека и гражданина, в частности права человека на жизнь, выступает уголовное право. Статья 2 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] закрепляет в качестве одной из основных задач охрану прав и свобод человека, а равно предупреждение преступлений.

Теоретической основой исследования являются: научная и учебная литература по уголовному праву. В частности, основу исследования составляют труды таких авторов, как А.Г. Бабичев, О.В. Белокуров, Г.Н. Борзенков, Э.В. Кабурнев, Н.А. Лопашенко, В.И. Макринская, Н.П. Стромилова, А.Н. Федорова, Л.В. Шадрина, и др. Правовой основой исследования выступает Конституция РФ, уголовное законодательство Российской Федерации, в частности, Уголовный кодекс РФ [1].

Методологическую основу статьи составили актуальные методы познания и получения научного результата. При написании статьи применялись следующие методы: логические, формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения, метод толкования права, и др.

Структура особенной части действующего Уголовного кодекса Российской Федерации сконструирована законодателем таким образом, что первой в ней находится глава 16, предусматривающая ответственность за преступления против жизни и здоровья. Такое расположение подчеркивает важнейшее значение охраны жизни и здоровья граждан Российской Федерации для государства, что контрастирует с ранее действовавшим УК РСФСР 1960 г., где первой в Особенной части шла глава, предусматривавшая ответственность за государственные преступления.

Убийство – преступление, квалификация которого по настоящее время носит достаточно сложный характер. Данная статья посвящена ряду отдельных проблемных аспектов квалификации убийств.

Признаками убийства можно отнести:

- насильственный характер;
- противоправность;
- виновное деяние, посягающее на жизнь другого человека и выражающееся в причинении ему смерти;
- наказуемость [5].

Несмотря на довольно развитое законодательство даже в дореволюционный период нашего государства, не существовало сколько бы то не было проработанных дефиниций убийства. Но отсутствие законодательного термина не влияло на теоретическую разработанность понятия убийства,

в рамках которой благодаря доктринальным методам и правоприменительной практики вырабатывались общие подходы к указанному термину. Наиболее весомую лепту в разработку теоретического базиса внесли такие известные ученые правоведы как М.Д. Шаргородский Н.И. Загородников, А.И. Ткаченко, А.В. Пионтковский.

Правоведы единодушно приходят к мнению о том, что наличие лишь законодательной дефиниции существенно ограничит возможности действующего Уголовного кодекса. Выразиться это может в самых разнообразных и подчас очень щепетильных вопросах, к которым относятся все, что связано с квалификацией преступных действий его субъекта. Именно этим и продиктована столь обширная разработка доктринальных 19 позиций, которые в силу специфики закона становятся руководящим началом, направляют правоприменительную практику, позволяют действовать с учетом конкретных обстоятельств каждого дела [4].

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает основной состав убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ), ряд квалифицированных составов убийств (пп. «а-м» ч. 2 ст. 105), и привилегированные составы (ст. 106–108 УК РФ). Основной состав относится к категории особо тяжких преступлений, равно как и квалифицированные составы [3, С. 123].

Привилегированные составы убийства относятся к преступлениям небольшой и средней степени тяжести (в зависимости от конкретного состава). Максимальным возможным наказанием за совершение квалифицированного убийства является пожизненное лишение свободы или смертная казнь (назначение и исполнение последнего вида наказания в РФ приостановлено, в связи с президентским мораторием) [8].

Уголовный кодекс Российской Федерации раскрывает положения статьи 106 следующим образом – «Убийство матерью новорожденного ребенка вовремя или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, -наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок» [2, С. 29]. Для полного понимания нормы нам необходимо разобрать элементы состава данного преступления.

Во-первых, данный состав материальный и привилегированный.

Действующее законодательство, как ранее было указано, относит данный состав к привилегированному. Статья 106 УК РФ содержит в себе различные варианты совершения убийства матерью, например [7, С. 185]:

- 1) Время совершения деяния;
- 2) Обстановка;
- 3) Психологическое состояние родившей.

В этом и состоит сложность конструкции статьи 106 УК РФ.

Многие юридические конструкции норм уголовного законодательства содержат несовершенство, что вызывает некие трудности для доктринального разъяснения, так и непосредственно для применения на практике тех или иных норм. Это и является основанием ошибочных квалификаций детоубийства. В научной доктрине особенности статьи 106 изучены недостаточно подробно. Поэтому возникают пробелы.

Для начала полного анализа положений статьи 106 УК РФ и анализа судебной практики по делам о детоубийстве необходимо разобрать следующее.

В нормах статьи 106 УК РФ имеется формулировка «новорожденный ребенок». Само понятие не раскрывается уголовным законодательством. А.Н. Попов указывает, что «новорожденным считается лицо достигшее срок 28 дней с момента рождения» [9, с. 35].

Таким образом, стоит указать такой момент, что убийство ребёнка, а именно его умерщвление, возможно в том случае, когда ребенок родился живым, иные случаи не будут относиться к посягательству на жизнь ребенка.

Также важно понимать, что же является психотравмирующей ситуацией. Состав данного деяния, а именно конструкцию состава, определяют определенные характеристики потерпевшего, обстановка и связанное с этим эмоциональное состояние виновной женщины. Сам родовый процесс оказывает некое влияние на нервную систему женщины, вызывая тем самым в отдельных случаях отклонения в психофизическом состоянии, что является основанием для негативного и неадекватного восприятия обстоятельств женщиной, что влияет на ее послеродовое поведение. Влияние на психологическое состояние могут оказывать ситуации разного характера. Так, наиболее распространенными на практике являются: тяжелое материально положение, нежеланная беременность, отказ отца от ребенка, нежелание его признавать и т.д. Время, когда возникает психотравмирующая ситуация, не имеет особого значения для уголовноправовой оценки, иногда, женщина совершает убийство новорожденного хладнокровно, а умысел был обдуман заранее. Определяющим является послеродовой период, т.е. обстановка.

Говоря о психологическом расстройстве, стоит заметить, что ранее возникшая психотравмирующая ситуация влияет не только на эмоции женщины, но и на ее психику, из-за чего начинается психическое расстройство.

Разобрав подробно положения статьи 106 УК РФ и ее особенности, очень важно посмотреть на практику применения указанной нормы. Многие авторы считают, что норма статьи 106 УК РФ имеет в себе множество недостатков. Некоторые авторы указывают, что следует обращать внимание на все три обязательных признака, при рассмотрении дела. Такие как: обстановка, время и психологическое состояние родившей, другие же напротив говорят о том, что самым важным является

именно её психологическое состояние. На практике возникают вопросы, касающиеся того, когда деяния женщины можно квалифицировать по ст. 106 УК РФ, а когда по статье 109 УК РФ. Так А.Н. Красиков указывает на то, что «в случае неосторожного причинения смерти новорожденному ребенку женщина должна отвечать за неосторожное причинение смерти, предусмотренное статьей 109 УК РФ» [5, С. 123].

Также вопросом, который вызывает сложности, является проблема разграничение деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ и деяния, предусмотренного ст. 125 УК РФ, т.е. заведомое оставление в опасности.

В литературе часто можно встретить вопрос о том, стоит ли применять ст. 106 УК РФ, содержащую в себе смягчающее обстоятельство в том случае, если у женщины умысел на убийство возник раньше начала родовой деятельности, ведь норма статьи указывает на то, что психическое расстройство должно было наступить в период непосредственно родовой деятельности. Это вопрос пока не нашел точного разрешения, так как на практике большинство данных дел квалифицируют по ст. 106 УК РФ.

Многие исследователи обращают внимание на то, что статья 106 УК РФ не содержит части, предусматривающей наказание за убийство двух и более младенцев. Спорным также остается вопрос о том, можно ли квалифицировать данные деяния по той части, в которой установлена ответственность за лишение жизни одного новорожденного, ведь общественная опасность возрастает? Несмотря на то, что на практике чаще встречаются дела по 106 УК РФ при убийстве матерью одного новорожденного, законодателю стоит предусмотреть ответственность за совершение указанных деяний в отношении двух и более новорожденных. Для полного понимания проблемы квалификации деяния по ст. 106 УК РФ, важно провести сравнение с положениями зарубежного законодательства [6, С. 351].

Ранее было указано, что статья 106 УК РФ в себе содержит смягчающие обстоятельства. В Российской Федерации учитывается непосредственно психофизическое состояние рожавшей женщины. При этом для многих стран определение данного состояния женщины не является столь важным. Для стран зарубежья наиболее важным элементом является время, а не состояние роженицы.

Норма о детоубийстве выделена в отдельную статью во многих кодексах зарубежных стран. Состав данной нормы является привилегированным. В качестве примера можно выделить следующие страны: Азербайджан (ст. 121 УК), Аргентина (ст. 81УК), Беларусь (ст. 140 УК) и другие.

В зарубежных странах в последнее время начинаются ужесточения наказания за детоубийство. Некоторые страны исключают ответственность за данное деяние, например, в Германии. В Испании же убийство новорожденного относят к простому убийству.

Основанием для исключения из Уголовного кодекса Германии данной статьи, является тот факт, что за последние годы уменьшилось количество указанных преступлений, а также улучшился уровень жизни матерей, появилось больше возможностей для матерей-одиночек.

Если сравнивать составы нормы уголовного закона о детоубийстве, то можно заметить, что во многих зарубежных странах они схожи с российскими. При этом некоторые УК зарубежья закрепляют свои особенности данной нормы.

Говоря также о потерпевшем, следует указать, что ряд стран имеют свои особенности его определения. К ним относят не только возрастные рамки, но и также семейно-правовой статус. Так, например, в Колумбии потерпевший – ребенок, зачатый при изнасиловании, либо же не санкционированного матерью искусственного оплодотворения (ст. 108 Уголовного кодекса Колумбии).

Остальные признаки, являющиеся обязательными для детоубийства в разных странах, трактуются по-разному. Норвегия, Бельгия в конструкцию данной статьи включаю также только временные периоды деяния, не выделяя отдельно состояние женщины, но подразумевая его.

В Латвии и Литве, а также в других странах, обязательны такие элементы: временной период, состояние женщины на фоне родовой деятельности. Существуют и другие конструкции, которые являются менее распространёнными. Они связаны с сочетанием времени с мотивом, ситуацией, являющейся психотравмирующей для женщины, а также с болезненным состоянием роженицы. Период времени, связанный с совершением убийства новорожденного, во многих странах имеет свое отличие.

Во многих странах УК не предусматривает минимального наказания за убийство матерью новорожденного ребенка, к таким странам относятся: Казахстан, Латвия, Литва, Туркменистан, Эстония. И только в некоторых странах вместе с лишением свободы могут быть предусмотрены альтернативные санкции, такие как арест, это предусмотрено уголовным кодексом Литвы, а также предусмотренное уголовными кодексами Украины и Казахстана наказание в виде ограничение свободы.

В РФ в соответствии со статьей 106 УК, предусматривается наказание в виде ограничения свободы на срок от двух до четырех лет, либо же наказание в виде принудительных работ на срок до пяти лет, а также может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет. На практике существует множество вопросов, касающихся статьи 106 УК РФ, которые требуют разрешение. Из-за пробелов в уголовном законодательстве возникают сложности при разграничении статьи 106 УК РФ от таких как ст.ст.109, 125 УК РФ [10, С. 960].

Также достаточно интересными аспектами для научного исследования являются субъект и субъективная сторона рассматриваемого привилегированного убийства (ст. 107 УК РФ).

Законодатель связывает степень общественной опасности убийства, совершенного в состоянии аффекта с особым психическим состоянием виновного и его отношением к содеянному. Исходя из диспозиции ч. 1 ст. 107 УК РФ, к причинам, способным вызывать аффект относятся: тяжкое оскорбление, насилие, издевательство и иные противоправные или аморальные действия, как совершенные непосредственно перед совершением убийства, так и систематические, повлекшие создание для субъекта убийства длительной психотравмирующей ситуации. При этом установление и оценка поведения потерпевшего как аморального и (или) противоправного в целях отождествления содеянного с составом преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, на практике редко вызывает затруднения.

Для квалификации деяния по ст. 107 УК РФ [1] необходимо установление не только состояния аффекта, но и его причин, которые обязательно должны быть обусловлены провоцирующим, неправомерным поведением потерпевшего, которое в купе с неконтролируемой эмоциональной реакцией (аффектом) в значительной степени оправдывает содеянное с вытекающими правовыми последствиями.

Для квалификации преступления по статье 108 УК РФ необходимо установление обстоятельств совершенного преступления, а именно преступление должно быть совершено в состоянии защиты от преступной агрессии потерпевшего, либо во время оказания сопротивления при задержании лица, а также использовании способов и средств, значительно превосходящих угрозу противоправных действий потерпевшего.

В случае, если будет доказан факт отсутствия реальной угрозы от действий потерпевшего, причинение смерти в данном случае будет квалифицироваться как простое убийство. Если же в действиях лица, совершившего убийство, будут присутствовать смягчающие либо отягчающие вину обстоятельства, то его действия могут быть квалифицированы по иным статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за такие преступления, либо по совокупности преступлений.

В завершение проведенного исследования подведем основные итоги. В Российской Федерации охрана жизни человека осуществляется на конституционном уровне и подлежит уголовно-правовой охране – нормами главы 16 «Преступления против жизни и здоровья» раздела VII «Преступления против личности» Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

За последние десятилетия значимость вопроса квалификации убийств и других преступлений против личности значительно возросла, допущением ошибок при квалификации преступлений существенным образом нарушаются охраняемые законом и государством личные права человека и права общества в целом. Автор считает, что государству, законодателям и вместе с ними правоохранительным органам еще многое предсто-

ит сделать для полной ликвидации погрешностей в квалификации преступных деяний [2, С. 31].

По итогам проведенного исследования, представляется необходимым внести предложение по совершенствованию законодательства, в целях недопущения ошибок при квалификации убийства по ст. 106, 107, 108 УК РФ путем внесения дополнений, с указанием на возможные мотивы совершения преступления. Также, по мнению автора, требуется внести изменения в 106 статью уголовного кодекса РФ для того, чтобы не возникли проблемы правильной классификации деяния, предусмотренного данной нормой.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона РФ от 24.02.2021 г. № 25-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 106,107,108; Российская газета. 2021. № 41.
2. Алиева В.М. Уголовная ответственность за убийство матерью новорождённого ребёнка в уголовном законодательстве зарубежных стран // Вестник Науки и Творчества. 2016. № 5 (5). (С. 29)
3. Бриллиантов А.В. Уголовное право в таблицах и определениях. – Москва: Эксмо, 2018. – С. 123.
4. Бриллиантов А.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект 2018.
5. Красиков А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному. Саратов: Изд-во СГУ, 2009. 123 с.
6. Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Том 1: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2019. 351 с.
7. Мухачева И.М. Состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости в соответствии со ст. 106 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2. С. 183–190.
8. Наумов А.В., Кибальник А. Г. Уголовное право в 2 Т. Том 2. Особенная часть 5-е изд. Пер. и доп. Учебник для вузов. 2020.
9. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах) СПб., 2001.
10. Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. И.Я. Козаченко, проф. З.А. Незнамова, доц. Г.П. Новоселов. 3-е изд., изм. и доп. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМАИНФРА-М), 2017. 960 с.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF PRIVILEGED COMPOSITIONS 106, 107 AND 108 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONTROVERSIAL ISSUES AND THEIR SOLUTIONS

Milaeva M. Yu.

Bauman Moscow State Technical University (national research university)

The most pressing issues in judicial practice are the issues of applying certain norms for the correct qualification of the *corpus delicti*. Many articles of the Criminal Code are similar in composition, which causes certain difficulties in qualifying the deed. This is due to the fact that the elements of the composition of crimes of one group have a certain uniformity, without highlighting specific features it is difficult to give the correct qualification of the act. Also, in practice, it is believed that some norms of the criminal law contain gaps, which causes another difficulty. So, on the example of Articles 106, 107, 108 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is possible to analyze the difficulties of qualifying an act.

The purpose of the scientific research is to conduct a legal analysis and identify current problems that arise when qualifying actions that constitute the content of a crime.

The article discusses the main problems faced by law enforcement officers in the qualification of the main compositions of murders. The article is devoted to the study of the problems of qualification of acts under Articles 106, 107, 108 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article presents the positions of scientists concerning the correct qualification of acts, provides comparisons with similar compositions of the Criminal Code, highlights the main differences and features of the elements of the composition of Articles 106, 107, 108 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: the composition of the crime, the murder of a newborn, privileged compositions, special subjects, controversial issues, a state of passion.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended. Federal Law of the Russian Federation No. 25-FZ dated 24.02.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. St. 106,107,108; Rossiyskaya Gazeta. 2021. No. 41.
2. Alieva V.M. Criminal liability for the murder of a newborn child by a mother in the criminal legislation of foreign countries // Bulletin of Science and Creativity. 2016. No. 5 (5). (p. 29)
3. Brilliantov A.V. Criminal law in tables and definitions. – Moscow: Eksmo, 2018. – p.123.
4. Brilliantov A. In the Criminal Law of Russia. Parts General and Special: textbook. – 2nd ed., reprint. and additional – Moscow: Prospect 2018.
5. Krasikov A.N. Responsibility for murder under the Russian criminal law. Saratov: Publishing House of SSU, 2009. 123 p.
6. Kozachenko I.YA., Novoselov G.P. Criminal law. A special part in 2 t. Volume 1: textbook for academic baccalaureate. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 351 p.
7. Mukhacheva I.M. The state of a mental disorder that does not exclude sanity in accordance with Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2017. No. 2. pp. 183–190.
8. Naumov A.V., Kibalnik A.G. Criminal Law in 2 Vols. Volume 2. Special part of the 5th ed. Trans. and add. Textbook for universities. 2020.
9. Popov A.N. Crimes against the person under mitigating circumstances) St. Petersburg, 2001.
10. Criminal law. Special part: Textbook for universities / Ed. prof. I. Ya. Kozachenko, prof. Z.A. Neznamova, assoc. G.P. Novoselov. 3rd ed., ed. and add. – M.: Publishing house NORM (Publishing group NORMAINFRA-M), 2017. 960 p.

Анализ практики применения уголовного законодательства в борьбе с киберпреступлениями

Пономарев Вячеслав Геннадиевич,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Волгоградского государственного университета
E-mail: Ponomarev@volsu.ru

Исследование посвящено анализу практики применения уголовного закона в аспекте борьбы с так называемыми киберпреступлениями. В статье рассматривается само понятие «киберпреступление», его отличия от компьютерных преступлений и преступлений в сфере компьютерной информации, а также практика применения отдельных положений уголовного закона. Актуальность исследования обусловлена, в частности, тенденциями развития преступности (например, ростом числа преступлений, совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных сетей), с одной стороны, и несовершенством практики применения уголовного закона – с другой. Анализу подвергается практика реализации уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст.ст. 171, 172 и 174.1 УК РФ и сопряженные с использованием криптовалюты. По результатам исследования делаются следующие выводы: 1) в случае вовлечения в преступную деятельность криптовалюты зачастую имеют место ошибки в квалификации содеянного и при решении вопроса о наличии совокупности преступлений; 2) подобные недостатки практики применения уголовного закона препятствуют эффективному применению уголовно-правовых средств борьбы с проявлениями преступности в киберпространстве; 3) в целях повышения эффективности борьбы с названного рода преступностью необходимо принятие конкретных мер не только на законодательном, но и на правоприменительном уровнях.

Ключевые слова: киберпреступление, компьютерное преступление, преступление в сфере компьютерной информации, криптовалюта, незаконное предпринимательство, незаконная банковская деятельность, легализация (отмывание) имущества, полученного преступным путем.

В настоящее время наряду с такими понятиями как «компьютерные преступления» и «преступления в сфере компьютерной информации» все чаще применяется термин «киберпреступления». При этом исследователями обращается внимание на тот факт, что понятие «киберпреступление» – более широкое по сравнению с компьютерным преступлением [5, с. 79]. Таким образом, неизбежно возникает вопрос о том, в чем заключается разница между указанными явлениями.

Так, в одной из работ, формулируя понятие киберпреступления, автор предлагает относить к таковым умышленные деяния, совершаемые с использованием IT-технологий [12; с. 31]. Однако данная формулировка видится излишне лаконичной, не раскрывающей сущности определяемого понятия, в частности, в силу того обстоятельства, что за скобками остается содержание IT-технологий.

В ином случае описание киберпреступления производится путем указания на следующие его признаки: 1) способность причинения вреда разнородным общественным отношениям; 2) дистанционный способ совершения; 3) обязательное применение при этом средств компьютерной техники одновременно с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и образуемого ими киберпространства [19; с. 30], представляющего собой сферу человеческой деятельности в информационном пространстве, образованном сетью «интернет» и иными информационно-телекоммуникационными сетями [19; с. 22–23].

Действительно, неотъемлемым свойством данных общественно опасных деяний является использование при их совершении различного рода компьютерных сетей, с появлением которых и связывается происхождение самого термина «киберпреступление» [1; с. 165].

Значительное внимание соответствующей особенности рассматриваемой разновидности преступлений уделено и в докладе X конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, в котором киберпреступность подразумевает любое преступление, совершаемое с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети [10].

Специфические свойства киберпреступлений, включая трансграничность киберпространства и скрытность действий виновного лица, способны значительным образом повысить степень их общественной опасности [20; с. 3]. Не меньшее беспокойство вызывает и размах соответствующих

деяний: по данным Центра стратегических и международных исследований (США) общемировой ущерб от киберпреступлений в 2020 г. составил около триллиона долларов, что составляет один процент глобального ВВП[2]. А потенциальные потери мировой экономики от данного вида преступности в 2021 г. по экспертным оценкам могут составить уже шесть триллионов долларов, о чем заявил Президент РФ В.В. Путин, выступая на саммите АТЭС в ноябре 2020 г.[8]

Не последнюю роль в рассматриваемом смысле могут играть деяния, сопряженные с новейшей технологией – блокчейн и основанных на ней криптовалютах. Последние все чаще вовлекаются в преступную сферу, выступая не только предметом мошенничества, но и проявляя себя в нелегальном обороте наркотиков, финансировании терроризма, а также при отмывании преступных доходов[15; с. 16].

Таким образом, тщательной оценки требует готовность государства к борьбе с новыми вызовами цифровой эпохи при помощи уголовно-правовых средств, причем речь должна идти не только о внесении изменений в действующее уголовное законодательство в целях приведения его в состояние, адекватное существующим реалиям, но и о практике применения уже существующих норм: вопросах квалификации, возникающих в правоприменительной деятельности ошибках, способах их устранения и т.п. При этом нынешнее состояние правореализации в рассматриваемой сфере, на наш взгляд, далеко от идеального, о чем свидетельствует анализ судебной практики и выявленные в его ходе недостатки.

Одной из проблем, обнаружившихся при изучении практики применения уголовного закона, выступила сложность квалификации действий виновных лиц при операциях с криптовалютой.

Так, в сентябре 2017 г. в г. Костроме была задержана группа лиц, совершавших финансовые операции (куплю-продажу) в отношении криптовалюты (биткойнов) и извлекавших из этого прибыль[14].

Следствием было установлено, что Д.Е.А., Д.Е.Н. и Е.В.В. была создана структура (обменный сервис), которая занималась отдельным видом деятельности, связанной с переводом электронных денежных средств и куплей-продажей «титовых знаков» (криптовалюты «биткойн»), суть которой сводилась к получению дохода в размере не менее 0,5% от суммы поступивших безналичных денежных средств за одну операцию по переводу электронных денежных средств и продаже «титовых знаков».

Получение дохода происходило следующим образом: Д.Е.А., Д.Е.Н. и Е.В.В. как сами, так и посредством наёмных рабочих, не осведомлённых о противоправности действий, используя различные сайты, а также иные средства связи (телефоны, мессенджеры), общались с клиентами, выясняя, какую именно сумму электронных денежных средств или «титовых знаков» по установлен-

ному Д.Е.А. курсу они хотят получить за денежные средства или электронные денежные средства, после чего клиенты переводили безналичные денежные средства или электронные денежные средства на реквизиты банковских карт или учётные записи вышеуказанных лиц, используемых обменным сервисом, а сотрудник обменного сервиса перечислял клиенту определённую сумму «титовых знаков» или переводил электронные денежные средства, либо безналичные денежные средства, при этом обменный сервис получал доход от таких операций не менее 0,5% от получаемой от клиента денежной суммы.

Примечательно, что на предварительном следствии такие действия виновных лиц были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 172 УК РФ, то есть как незаконная банковская деятельность.

Однако суд первой инстанции с предложенной квалификацией не согласился, признав каждого из подсудимых виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 171 УК РФ – незаконной предпринимательской деятельности[16]. Апелляционным определением Костромского областного суда от 18 октября 2018 г. приговор в указанной части оставлен без изменения[4].

С одной стороны, с такой оценкой действий виновных лиц в части осуществления операций с биткойнами можно согласиться, поскольку суд верно указал на наличие признаков незаконной предпринимательской деятельности (направленность на систематическое извлечение прибыли, присутствие у обменного сервиса объективных признаков юридического лица с одновременным нарушением требования о его государственной регистрации). Думается, отсутствие у криптовалюты в соответствующий период легального статуса не могло выступать препятствием для признания операций с ней предпринимательской деятельностью. В то же время совершение каких-либо сделок в отношении названных виртуальных активов не подпадало под определение понятия банковской деятельности.

С другой, как следует из содержания приговора, получаемый виновными доход формировался двумя путями: 1) из разницы курса купли-продажи криптовалюты; 2) за счет «комиссии» при переводе полученных от сделки безналичных или электронных денежных средств, в связи с чем судом было установлено нарушение требований специальных нормативных правовых актов, регламентирующих банковскую деятельность (в частности, федеральных законов «О банках и банковской деятельности» № 395–1 от 2 декабря 1990 г., «О национальной платёжной системе» № 161-ФЗ от 27 июня 2011 г., а также Положения ЦБ РФ № 383-П от 19 июня 2012 г. «О правилах осуществления перевода денежных средств»). Последнее обстоятельство с учетом позиции Конституционного суда Российской Федерации, отраженной в определении от 1 декабря 2009 г. № 1486-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы

гражданина Прасолова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 172 Уголовного кодекса Российской Федерации», давало суду основание квалифицировать соответствующие действия виновных лиц по ст. 172 УК РФ, поскольку Конституционный Суд РФ в приведенном акте указал на нарушение требований специальных нормативных правовых актов, регламентирующих банковскую деятельность, как на критерий разграничения преступлений, предусмотренных ст.ст.171 и 172 УК РФ.

Таким образом, в данном случае может иметь место реальная совокупность двух деяний: незаконной предпринимательской деятельности (в части совершения сделок с биткойнами и извлечения из этого дохода) и незаконной банковской деятельности (когда речь идет об оказании платных услуг по переводу безналичных и электронных денежных средств). Однако данное обстоятельство осталось без внимания следственных и судебных органов.

Не менее проблемным видится и иной аспект правоприменительной практики, связанный с легализацией доходов от преступной деятельности, полученных в криптовалюте. Так, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26 февраля 2019 г. в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 32 от 7 июля 2015 г. «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» внесены изменения, в соответствии с которыми к предмету преступлений, предусмотренных ст.ст.174 и 174.1 УК РФ, отнесены виртуальные активы (криптовалюта).

Такой подход к определению предмета названных общественно опасных деяний видится весьма актуальным, поскольку виртуальная валюта на территории Российской Федерации все чаще фигурирует в преступлениях, связанных, в первую очередь, с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, что было отмечено заместителем Генерального прокурора Российской Федерации на сессии «Цифровые монополии и киберугрозы. Столкновение платформ и государств» в рамках Восточного экономического форума[7]. Более того, названные обстоятельства, по мнению некоторых авторов, требуют признания легализации преступных доходов от преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, квалифицирующим признаком соответствующего состава преступления[13; с. 9–10].

В то же время следственно-судебная практика в данном аспекте остается весьма неоднородной, несмотря на тот факт, что квалификация деяний, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, по совокупности со ст. 174.1 УК РФ при отмывании криптовалюты, имела место задолго до внесения изменений в вышеуказанное Постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Например, еще в 2016 г. приговором Центрального районного суда г. Волгограда установ-

лена вина К.Н.П. в совершении не только преступления, предусмотренного ч.3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, но и п.«а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, поскольку он осуществлял обмен зачисленных в качестве оплаты за сбываемые наркотики на его электронный кошелек в платежном сервисе «Exmo.com» средств в виртуальной валюте «биткойн» на российские рубли по соответствующему установленному в сервисе курсу, а затем, используя разбивки и дробления сумм для перевода по счетам с целью уклонения от процедуры обязательного контроля и идентификации лица, совершающего операции, в соответствии со ст.ст.6,7 Федерального закона РФ № 115-ФЗ от 7 августа 2001 г. «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма», совершал финансовые операции по переводу полученных посредством обмена валют денежных средств в российских рублях на находившийся у него в фактическом владении, пользовании и распоряжении неперсонифицированный счет виртуального кошелька АО «Киви Банк» [18].

Аналогичная правовая оценка содеянного содержится в приговоре Советского районного суда г. Челябинска от 16 июля 2018 г., которым Т.Е.А. признан виновным в совершении двадцати двух преступлений, предусмотренных ст. 30 ч. 3, ст. 228.1 ч. 4 п.«а» УК РФ, двадцати одного преступления, предусмотренного ст. 30 ч. 3, ст. 228.1 ч. 4 п.п.«а, г» УК РФ, а также преступлении, предусмотренном ст. 174.1 ч. 2 УК РФ, поскольку основную часть денежных средств, полученных от реализации наркотиков, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению ими путем транзакций, используя сеть «Интернет», посредством покупки, продажи и обмена криптовалют, то есть под видом гражданско-правовых сделок с третьими лицами, переводил на иные счета в системе Visa QIWI Wallet АО «КИВИ-банк» [17].

При этом названные примеры не являются единичными, а всего лишь иллюстрируют уже складывавшуюся в тот период практику[3; с. 306–333].

Квалификация содеянного по совокупности ст.ст.228.1 и 174.1 УК РФ видится правильным решением, поскольку действия с криптовалютой, полученной в результате незаконного сбыта наркотических средств, направленные на придание видимости законности полученного дохода, полностью отвечают признакам легализации, содержащимся в диспозиции ст. 174.1 УК РФ.

В этом смысле из общей тенденции выбивается апелляционный приговор Верховного Суда РФ от 13 сентября 2018 г. по делу № 127-АПУ18–8. Оставляя в силе оправдание А.Э.Р. в совершении преступления, предусмотренного п.«а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, Верховный Суд РФ указал следующее: оплата за преступную деятельность А.Э.Р. начислялась в виде криптовалюты через платежную систему Bitcoin, после чего А.Э.Р. на биржах конвертировал криптовалюту в рубли и через платежную систему «Киви» переводил на электрон-

ный кошелек в ОАО «Киви-Банк», а полученные деньги перечислял на свой банковский счет, откуда в дальнейшем – на карту, после чего денежные средства А.Э.Р. обналачивались в банкоматах и тратились им на личные нужды. По мнению высшего судебного органа, такой способ получения денежных средств (с использованием различных платежных систем, счетов и банковской карты) не опровергает вывод о невиновности А.Э.Р. в легализации, поскольку конечной целью при этом было получение на руки денежных средств и их трата для личных нужд, в повседневной жизни (оплату услуг мобильной связи, приобретение продуктов питания, иных вещей для личного потребления и т.п.).

Содержащийся в данном судебном акте вывод, по нашему мнению, противоречит как положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (даже в действовавшей на рассматриваемый момент редакции), так и пониманию легализации, сформировавшемуся в доктрине уголовного права.

Так, названное постановление, раскрывая сущность отмывания имущества, добытого преступным путем, называло следующие признаки состава преступления: 1) предмет, включая денежные средства или иное имущество, полученные в качестве платы за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте; 2) действия, образующие объективную сторону: сделки и финансовые операции, в том числе, совершение финансовых операций или сделок с использованием электронных средств платежа (неперсонифицированных или персонифицированных, но принадлежащих лицам, не осведомленным о преступном происхождении электронных денежных средств); 3) специальную цель – придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления).

В свою очередь, в научных работах в качестве характерной черты легализации указываются действия по изменению индивидуально-определенных свойств полученного преступным путем имущества[21; с. 83], его трансформации в другие виды, которые могут быть использованы лицом в дальнейшем[11; с. 15–16].

Все вышеперечисленные признаки не только присутствовали в действиях А.Э.Р. в отношении криптовалюты, полученной в качестве платы за преступную деятельность, но и предшествовали трате денежных средств на личные нужды. Таким образом, выводы судебных инстанций в данном случае видятся неверными.

Кроме того, в ряде случаев вопрос о квалификации деяний, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ

и сопряженных с получением оплаты в криптовалюте, по совокупности со ст. 174.1 УК РФ вообще не ставится[6; с. 31].

Таким образом, анализ правоприменительной практики в соответствующем аспекте позволяет, на наш взгляд, сделать следующие выводы: 1) следственные и судебные органы при применении действующих норм уголовного закона о различного рода преступлениях (ст.ст.171, 172, 174.1 УК РФ) в случае вовлечения в преступную деятельность криптовалюты допускают ряд ошибок, в частности, неверно квалифицируют содеянное, а также ненадлежащим образом решают вопрос о наличии совокупности преступлений; 2) подобные недостатки следственно-судебной практики способны препятствовать эффективному применению уголовно-правовых средств борьбы с общественно опасными деяниями, уже признанными уголовным законом преступными, но нашедшими свое новое проявление в киберпространстве, совершаемым с использованием новейших технологий; 3) в целях повышения эффективности борьбы с названного рода преступностью необходимо принятие конкретных мер не только на законодательном, но и на правоприменительном уровнях.

Литература

1. Буз С.И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // Юристы-Правоведь. 2019. № 4 (91). С. 78–82.
2. Иванова Л.В. Виды киберпреступлений по российскому уголовному законодательству // Юридические исследования. 2019. № 1. С. 25–32.
3. Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. – 232 с.
4. Regner Sabillon, Jeimy Cano, Victor Cavour, Jordi Serra. Cybercrime and Cybercriminals: A Comprehensive Study // International Journal of Computer Networks and Communications Security. – Vol.4. – № 6. – June, 2016. – P. 165–176.
5. Доклад десятого конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Вена, 10–17 апреля 2000 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/CONF.187/15> (дата обращения: 28.08.2021).
6. Сафонов О.М. Уголовно-правовая оценка использования компьютерных технологий при совершении преступлений: состояние законодательства и правоприменительной практики, перспективы совершенствования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. – 23 с.
7. The Hidden Costs of Cybercrime [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.csis.org/analysis/hidden-costs-cybercrime> (дата обращения: 04.09.2021).
8. Владимир Путин принял участие в рабочем заседании лидеров экономик форума «Азиатско-

- тихоокеанское экономическое сотрудничество» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/64454> (дата обращения: 03.09.2021).
9. Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С. Международный опыт противодействия преступной деятельности с использованием криптовалюты: учебно-практическое пособие. М.: Академия управления МВД России, 2021. – 108 с.
 10. Первое уголовное дело за обналичивание биткоинов заведено в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/09/01/732040-politsiya-fsb-zaderzhali> (дата обращения: 28.08.2021).
 11. Приговор Свердловского районного суда г. Костромы от 16 июля 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sverdlovsky-kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4778448&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 27.08.2021).
 12. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Костромского областного суда от 18 октября 2018 г. по делу № 22–827 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://oblsud-kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=868140&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 27.08.2021).
 13. В Генпрокуратуре рассказали о сбыте наркотиков в обмен на криптовалюту [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210903/narkotiki-1748492314.html> (дата обращения: 04.09.2021).
 14. Лупырь М.В. Уголовно-правовая оценка легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019. – 23 с.
 15. Приговор Центрального районного суда г. Волгограда по делу № 1–147/2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zent-vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20136183&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 27.08.2021).
 16. Приговор Советского районного суда г. Челябинска от 16 июля 2018 г. по делу № 1–297/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/Oyamu9CnXN6a/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=228.1+%D0%B8+174.1+%D0%B1%D0%B8%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%B9%D0%BD&_=1633029722118®ular-judge=&snippet_pos=23930#snippet (дата обращения: 27.08.2021).
 17. Ализаде В.А., Волеводз А.Г. Судебная практика по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием криптовалюты: от разных подходов к предложению единого понимания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 1 (36). – С. 306–333.
 18. Хомич О.В. Легализация (отмывание) преступных доходов: уголовно-правовое и сравнительно-правовое исследование: дисс. канд. ... юрид. наук. М., 2019. – 150 с.
 19. Емцева К.Э. Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. – 26 с.
 20. Быкова Е.Г., Казаков А.А. Проблемы правовой оценки перевода полученной в результате незаконного оборота наркотических средств криптовалюты в фиатные деньги // Использование криптовалют в противоправных целях и методика противодействия: материалы Международного научно-практического «круглого стола» (Москва, 25 апреля 2019 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. – С. 28–33.

ANALYSIS OF THE PRACTICE OF APPLYING CRIMINAL LEGISLATION IN THE FIGHT AGAINST CYBERCRIMES

Ponomarev V.G.

Volgograd State University

The study is devoted to the analysis of the practice of applying criminal law in the aspect of combating the so-called cybercrime. The article considers the very concept of “cybercrime,” its differences from computer crimes and crimes in the field of computer information, as well as the practice of applying certain provisions of criminal law. The relevance of the study was due, in particular, to trends in crime (for example, the increase in the number of crimes committed using information and telecommunications networks), on the one hand, and the imperfection of the practice of applying criminal law on the other. The practice of implementing criminal liability for crimes provided for in Article 171, 172 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and associated with the use of cryptocurrency is subject to analysis. According to the results of the study, the following conclusions are made: 1) if cryptocurrency is involved in criminal activity, there are often errors in the qualification of the act and when deciding on the existence of a set of crimes; 2) such shortcomings in the practice of applying criminal law impede the effective use of criminal legal means to combat manifestations of crime in cyberspace; 3) in order to increase the effectiveness of the fight against this type of crime, concrete measures must be taken not only at the legislative but also at the law enforcement level.

Keywords: cybercrime, computer crime, computer information crime, cryptocurrency, illegal entrepreneurship, illegal banking, legalization (laundering) of property obtained by criminal means.

References

1. Buz S.I. Cyber crimes: concept, essence and general characteristic // Lawyer-Legal Scholar. – 2019. – № 4 (91). – P. 78–82.
2. Ivanova L.V. Types of cybercrime under Russian criminal law // Legal research. – 2019. – № 1. – P. 25–32.
3. Prostoserdiv M.A. Economic crimes committed in cyber space and measures to counter them: the dissertation of PhD in law. Moscow, 2019. – 232 P.

4. Regner Sabillon, Jeimy Cano, Víctor Cavaller, Jordi Serra. Cybercrime and Cybercriminals: A Comprehensive Study // International Journal of Computer Networks and Communications Security. – Vol.4. – № 6. – June, 2016. – P. 165–176.
5. Report of the Tenth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders. Vienna, 10–17 April 2000 [Electronic resource]. – Access mode: <https://undocs.org/ru/A/CONF.187/15> (access date: 02.09.2021)
6. Safonov O.M. Criminal-legal assessment of the use of computer technologies in the commission of crimes: the state of legislation and practice, prospects for improvement: autorecording the dissertation of PhD in law. Moscow, 2015. – 23 P.
7. The Hidden Costs of Cybercrime [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.csis.org/analysis/hidden-costs-cybercrime> (access date: 04.09.2021).
8. Vladimir Putin took part in a working meeting of economic leaders of the forum “Asia-Pacific Economic Cooperation” [Electronic resource]. – Access mode: <http://kremlin.ru/events/president/news/64454> (access date: 30.08.2021).
9. Pinkevich T.V., Smolyaninov E.S. International experience in countering criminal activity using cryptocurrency: educational and practical manual. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. – 108 P.
10. The first criminal case for cashing bitcoins opened in Russia [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/09/01/732040-politsiya-fsb-zaderzhali> (access date: 30.08.2021).
11. Verdict of the Sverdlovsk District Court of Kostroma of July 16, 2018 [Electronic resource]. – Access mode: https://sverdlovsky.kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4778448&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (access date: 27.08.2021).
12. Appeal decision of the Judicial Board for Criminal Cases of the Kostroma Regional Court of October 18, 2018 in case No. 22–827 [Electronic resource]. – Access mode: https://oblsud.kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=868140&delo_id=4&new=4&text_number=1 (access date: 27.08.2021).
13. The Prosecutor General’s Office talked about the sale of drugs in exchange for cryptocurrency [Electronic resource]. – Access mode: <https://ria.ru/20210903/narkotiki-1748492314.html> (access date: 04.09.2021).
14. Lupyr M.V. Criminal legal assessment of the legalization (laundering) of funds or other property acquired by a person as a result of a crime committed by him (article 174.1 of the Criminal Code): autorecording the dissertation of PhD in law. Omsk. – 23 P.
15. Verdict of the Central District Court of Volgograd in case No. 1–147/2016 [Electronic resource]. – Access mode: https://zent.vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20136183&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (access date: 27.08.2021).
16. Verdict of the Soviet District Court of Chelyabinsk of July 16, 2018 in case No. 1–297/2018 [Electronic resource]. – Access mode: https://sudact.ru/regular/doc/Oyamu9CnXN6a/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=228.1+%D0%B8+174.1+%D0%B1%D0%B8%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%B9%D0%BD&_id=1633029722118®ular-judge=&snippet_pos=23930#snippet (access date: 27.08.2021).
17. Alizade V.A., Volevodz A.G. Jurisprudence in cases of crimes in the sphere of drug trafficking, made using cryptocurrencies: from different approaches towards a common understanding // Forensic science library. Scientific Journal. – 2018. – № 1 (36). – P. 306–333.
18. Khomich O.V. Legalization (laundering) of criminal proceeds: criminal law and comparative law research: the dissertation of PhD in law. Moscow, 2019. – 150 P.
19. Emtseva K.E. Countering the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means: criminal legal and criminological aspects: autorecording the dissertation of PhD in law. Krasnodar. 2016. – 26 P.
20. Bykova E.G., Kazakov A.A. Problems of legal evaluation of the transfer of cryptocurrency obtained as a result of illicit drug trafficking into fiat money // The use of cryptocurrencies for illegal purposes and the method of counteracting: materials of the International Scientific and Practical Round Table (Moscow, April 25, 2019)/under the general edition of A.M. Bagmet. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2019. – P. 28–33.

Правовые аспекты определения места совершения и момента окончания хищения денежных средств с использованием информационно-коммуникационных технологий

Рязанова Екатерина Николаевна,

адъюнкт кафедры Криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России; старший инспектор по особым поручениям отдела информационного обеспечения Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области
E-mail: spbryazanova@mail.ru

Вашему вниманию предлагается статья, в которой автором рассматривается методология квалификации хищений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Современная практика и правовое обоснование определения подследственности, специфика и проблематика правоприменения при расследовании подобного рода преступлений, а именно: обозначаются основные трудности в раскрытии таких преступлений, связанные с особенностями современного законодательства. Дается криминологическое описание условий, способствующих совершению такого рода хищений. Анализируются особенности хищений с использованием информационно-коммуникационных технологий, в частности: отличия между понятиями «место преступления» и «момент окончания преступления». В статье рассматривается взаимосвязь между такими аспектами квалификации, как момент окончания преступления, вид состава преступления, отличие от оконченного или неоконченного покушения на совершение преступления, и основанные на этих различиях, практические методы определения места окончания совершения преступления и определения подследственности. Оценивается их влияние на эффективность и полноту расследования данного вида деяний. Автором предлагается альтернативная методика определения подследственности, основанная на теории уголовного права, общей части Уголовного Кодекса и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, а также обосновываются преимущества такого подхода, по сравнению с действующей практикой правоприменения.

Ключевые слова: место совершения, момент окончания, хищение, банковский счет.

В доктрине уголовного права особая роль отводится месту совершения преступного деяния. Статьей 73 УПК РФ [3] место совершения преступления, наряду с временем, способом, отнесено к обстоятельствам преступления, подлежащим доказыванию. Однако, в уголовном законе понимание места совершения преступления не определено. Вместе с этим, территориальный принцип действия уголовных норм раскрывается в положениях ст. 11 уголовного закона [2], где указано на зависимость применяемых законодательных норм непосредственно от места совершения преступления.

Безусловно, стоит обратить внимание на положения статьи 29 УПК России [3], в соответствии с которыми для признания преступления оконченным необходимо наличие всех признаков состава преступления. Несмотря на то, что место совершения преступления является факультативным признаком объективной стороны, в соответствии со статьей 32 УПК [3] оно подлежит обязательно установлению при определении территориальной подсудности дела.

Установление момента окончания преступления позволяет отличить оконченный состав от покушения, а в ряде случаев и от добросовестного отказа.

Кража, как и мошенничество с использованием информационно-коммуникационных технологий¹, построена как материальный состав, ответственность наступает только в случае наступления общественно опасных последствий. При этом такие последствия должны находиться в прямой причинной связи с преступным деянием. Для преступлений, связанных с хищением чужого имущества, общественно-опасные последствия конкретны, и выражаются в причинении материального ущерба [2]. Размер причиненного ущерба непосредственно связан с квалификацией преступления, поскольку изначально умысел направлен на хищение как таковое и совершаются такие действия умышленно. И только завладев денежными средствами становится понятен размер похищенного. Социальное значение такого рода преступных деяний весьма существенно. Жертва может лишиться всех своих накоплений, имущества, в том числе единственного, взять кредиты, которые будет в дальнейшем не в состоянии выплачивать. Массовый характер данных факторов может стать причиной социальной напряженности в будущем.

¹ Далее – «ИКТ».

Так как же соотносится место совершения хищения в сфере экономики, совершенного с использованием ИКТ и место, а также момент окончания преступления?

Прежде всего, отметим, что и кража, и мошенничество безналичных денежных средств, относятся к разномоментным преступлениям. Возникновение преступного замысла на их совершение и момент окончания данных преступлений отделены друг от друга. Поскольку замысел на совершение преступления и другие действия злоумышленников имеют протяжённый характер. Более того, зачастую замысел при завладении денежными средствами у одного пострадавшего, переносится и дальше, на второго, третьего и последующих лиц.

Нужно отметить, что уголовной доктриной для составов преступлений, имеющих материальный тип конструкции, момент окончания преступления определяется возникновением фактической возможности распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению [12, 13, 14].

В противоречии с этим, в п. 25.2 Постановления Пленума ВС РФ № 29 [5] моментом окончания кражи с банковского счета или электронных денежных средств, признается момент их изъятия с банковского счета потерпевшего, в результате которого последнему причинен ущерб. Таким образом и местом окончания преступления определено место нахождения финансово-кредитной организации, где открыт счет потерпевшего. В то время, как местом совершения преступления будет оставаться место преступных действий злоумышленника. Получается преступление будет начато в одном месте, а окончено в другом месте и соответственно расследоваться будет по месту нахождения отделения банка, где был открыт счет пострадавшего лица [16, с. 407]. Местонахождение преступника во время совершения преступления, в таком случае, перестает быть первостепенной задачей для определения территориальной подсудности, т.к. место расследования уголовного дела уже формально определено, исходя из разъяснений высшего судебного органа, как место, где открыт счет, с которого произошло списание денежных средств.

Такая практика неизбежно приводит к невозможности проведения своевременных и неотложных следственных действий и приводит к приостановлению расследования в связи с неустановлением лица, совершившего преступное деяние.

Как видим, законодатель, вопреки теоретическим постулатам уголовного права, перенес момент окончания такого рода хищений на более раннюю стадию, на момент утраты потерпевшим имущества. Между тем, реальная возможность распорядиться таким имуществом у преступника еще не наступила. А может и не наступить вовсе по независящим от него обстоятельствам, что также влияет на квалификацию деяния.

Наряду с этим для общего состава мошенничества момент окончания определен появлением

у злоумышленника реальной возможности распорядиться похищенным имуществом [6]. В разрез данного положения в качестве момента окончания хищения безналичных денег указан момент их изъятия с банковского счета потерпевшего, т.е. причинение ему ущерба [6]. Как и в случае с кражей, в качестве места окончания хищения указано место нахождения финансово-кредитной организации, где открыт счет пострадавшей стороны [7]. Стало быть, по пространственным рамкам преступление окончено в строго определенном месте, вне зависимости от реального места, где преступник получил право распорядиться похищенным имуществом. С данной точкой зрения соглашаются С.М. Фрост, А.Е. Федосов [18; с. 52], которые обозначают в качестве места окончания мошенничества место перечисления денежных средств потерпевшими, обосновывая свою позицию тем, что именно здесь наступили вредные последствия для жертвы преступления. Однако, при таком подходе, учитывая, что объектом посягательств рассматриваемых деяний выступают отношения собственности, предусматривающие в качестве обязательных признаков владение, пользование, распоряжение имуществом [1], у преступников не появилась реальная возможность осуществить эти права в полном объеме. Кроме того, уголовный закон, раскрывая понятие хищения, прямо указывает, помимо корыстной цели преступника и имущественного ущерба потерпевшего, на обязательность факта изъятия или обращения похищенного имущества в пользу злоумышленников, иными словами, должен произойти непосредственно переход права собственности, в том числе и на безналичные денежные средства.

Иной позиции придерживается А.В. Архипов [10; с. 4–10]. Он выделяет следующие этапы хищения безналичных денежных средств при мошенничестве: во-первых, непосредственно сам обман, во-вторых, изъятие (списание) денежных средств со счета потерпевшего и третий этап – зачисление денежных средств на счет преступника или его сообщников. Такое разделение видится вполне логичным и обоснованным, поскольку соотносится с нормами уголовного закона. В тоже время, при подобном разделении, моментом окончания преступления будет являться непосредственно момент зачисления денежных средств на счет виновного лица, поскольку безналичные денежные средства являются по сути лишь обязательством кредитно-финансового учреждения перед держателем счета, но не гарантирует возможность пользования и распоряжения ими. Однако, местом окончания преступления в таком случае будет являться место нахождения финансово-кредитной организации, в которой у злоумышленников открыт счет для зачисления похищенных денег. Рассматривая такую позицию, нельзя не согласиться, что она соотносится с пониманием данных деяний как преступлений с материальным составом и предусматривает наступление последствий. Схожего понимания придерживаются, например,

П.С. Яни [19; с. 43–47], Ю.В. Павлюченко [17, с. 69–78]. Они также отмечают, что имеющий место факт списания денежных средств у потерпевшего, еще не гарантирует их незамедлительное поступление на счета преступников и не дает им возможности распорядиться деньгами по своему усмотрению. В подтверждении такой позиции приведем приказ Банка России от 27 сентября 2018 г. № ОД-2525 [9] раскрывающий для финансово-кредитных организаций признаки сомнительных операций с безналичными денежными средствами по переводам денег без согласия клиента: наличие в базе данных ЦБ РФ информации о получателе средств или устройстве для проведения платежей; необычность запрашиваемой операции для рутинно совершаемых клиентом финансово-кредитной организации операций, которая выражается в противоречивости характера операции, ее объемах, временном промежутке, частоте и периодичности проведения транзакций, переведенных суммах денежных средств.

Также, для финансово-кредитных организаций в законе о национальной платежной системе [4] прописан алгоритм работы с подозрительной операцией, включающий в том числе блокировку приложения «банк-клиент» и банковской карты. В таком случае должностные лица банка обязаны связаться с держателем карты и сообщить о подозрительной операции.

Таким образом, на законодательном уровне существует алгоритм защиты денежных средств от их завладения преступным путем. При движении денежных средств в результате их несанкционированного перевода, в случаях пока переведенные денежные средства находятся на счетах преступника, не обналичены и находятся в поле досягаемости оператора перевода, имеется техническая возможность заблокировать банковскую карту и соответственно перевод и снятие денежных средств. В таком случае преступник будет лишен возможности не только завладеть денежными средствами, но пользоваться ими и распоряжаться. Т.е. преступный умысел по смыслу хищения не будет доведен до своего конца.

Проведя анализ правовых норм, мы выяснили, что ранее в своих разъяснениях и высший судебный орган [8] придерживался позиции, согласно которой моментом окончания такого рода деяний будет являться момент зачисления денег на банковский счет преступника либо третьих лиц, поскольку именно тогда он получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению, например осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не снимая денежных средств со счета, на который они были перечислены в результате мошенничества. Кроме того, данный вывод следует также из смысла ч. 2 ст. 32 УПК РФ [3].

Отметим еще один момент, касающийся места совершения и места окончания таких преступных деяний. По смыслу положений, действующих

Постановлений Пленума ВС РФ [5, 6, 7], разъясняющих проблемные вопросы квалификации хищений, получается, что если пострадавший прилетел на отдых из г. Южно-Сахалинска в г. Сочи и здесь утратил банковскую карточку с которой в дальнейшем было произведено снятие или списание денежных средств, то местом совершения преступления, несмотря на фактические обстоятельства происшествия, будет считаться г. Южно-Сахалинск, где открыт счет потерпевшего, а не г. Сочи, где было непосредственно само преступное деяние и не населенный пункт, где преступник снял денежные средства. Моментом окончания преступления будет являться момент изъятия денежных средств со счета жертвы. Ведь преступники, похитившие карту не прилетели для этого специально из г. Южносахалинска, однако уголовное по смыслу нововведений разъяснений законодательства будет расследоваться именно в г. Южносахалинск путем направления отдельных поручений. Такой казус связан с тем, что непосредственно банковская карта не имеет ценности и не принадлежит держателю, а является собственностью финансово-кредитного учреждения и ее хищение не образует состава.

Впрочем, некоторые исследователи, например, А.С. Мещерский считают, что местонахождения кредитной организации не имеет значения, поскольку в современном мире возможности электронных платежных систем позволяют распоряжаться денежными средствами лицу, находящемуся в любой точке мира [15, с. 58–60].

Конечно, в некоторой степени он прав, однако установление места совершения и окончания преступления необходимо для определения территориальной подследственности возбужденного уголовного дела [3]. При этом деяние должно содержать все признаки состава преступления, в том числе объективной стороны.

Таким образом, поскольку от установления места совершения преступления зависит место производства предварительного расследования, на наш взгляд, при определении места совершения хищений денежных средств с банковского счета и электронных денежных средств, нужно исходить из установления именно места и момента окончания преступленных действий злоумышленника, т.е. совершение им всей последовательности действий, необходимых для фактического завладения чужим имуществом.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021). – Российская газета, № 238–239, 08.12.1994;
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL / <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2021);

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) – Ведомости Федерального Собрания РФ, 01.01.2002, № 1, ст. 1;
4. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О национальной платежной системе», Собрание законодательства РФ, 04.07.2011, № 27, ст. 3872;
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, 2003;
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». – Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2018;
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам». – Российская газета, № 159, 16.07.2021;
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» – Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2008;
9. Приказ Банка России от 27.09.2018 № ОД-2525 «Признаки осуществления перевода денежных средств без согласия клиента» [Электронный ресурс] – URL / <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 11.08.2021);
10. Архипов А.В. Проблемы определения места совершения мошенничества в отношении безналичных денежных средств // Уголовное право. 2016. № 3. С. 4–10;
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный), 3-е издание, дополненное и измененное, под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева – «ИНФРА-М-НОРМА», 2000;
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный), 9-е издание, переработанное и дополненное, под ред. Г.А. Есакова. – Проспект, 2021;
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный), 7-е издание, переработанное и дополненное, отв. ред. А.И. Рарог. – Проспект, 2011;
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный), том 1, 2-е издание, под ред. А.В. Бриллиантова. – Проспект, 2015;
15. Мещерский А.С., Дрокин В.С., Карпенко Д.Ю. Определение места совершения хищения денежных средств с использованием безналичных расчетов // Законность. 2016. № 10. С. 58–60;
16. Огарь, Т.А. Значение вопроса о моменте окончания преступления для судебно-следственной

практики по делам о мошенничестве / Т.А. Огарь, М.В. Шкеле // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы: Сборник материалов II научно-практической конференции с международным участием юридического факультета СПбГЭУ, Санкт-Петербург, 09 апреля 2019 года / Под научной редакцией Н.А. Крайновой. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. – С. 406–410;

17. Павлюченко Ю.В. Место совершения преступления и момент его окончания по делам о мошенничестве в отношении безналичных денежных средств // Уголовное право. 2018. № 2. С. 69–78;
18. Фрост С.М., Федосов А.Е. Проблемы определения места расследования мошенничества с использованием электронных форм платежей // Законность. 2015. № 1. С. 51–53;
19. Яни П.С. Квалификация хищений: момент окончания, безвозмездность, ущерб // Законность. 2015. № 12. С. 43–47.

LEGAL ASPECTS OF DETERMINING THE PLACE OF COMMISSION AND THE END OF THE THEFT OF FUNDS USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Riazanova E.N.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

We offer you an article in which the author examines the methodology of the qualification of thefts committed using information and communication technologies. Modern practice and legal justification of the determination of jurisdiction, the specifics and problems of law enforcement in the investigation of such crimes, namely: the main difficulties in the disclosure of such crimes associated with the peculiarities of modern legislation are outlined. A criminological description of the conditions conducive to the commission of this kind of theft is given. The features of thefts using information and communication technologies are analyzed, in particular: the differences between the concepts of “crime scene” and “the moment of the end of the crime”. The article examines the relationship between such aspects of qualification as the moment of the end of the crime, the type of corpus delicti, the difference from the completed or unfinished attempt to commit a crime, and based on these differences, practical methods for determining the place of the end of the crime and determining the jurisdiction. Their impact on the effectiveness and completeness of the investigation of this type of acts is assessed. The author suggests an alternative method of determining the jurisdiction based on the theory of criminal law, the general part of the Criminal Code and the criminal procedure legislation of the Russian Federation, and also substantiates the advantages of such an approach in comparison with the current practice of law enforcement.

Keywords: place of commission, time of termination, theft, bank account.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (ed. of 28.06.2021, with amendments. from 08.07.2021). – Rossiyskaya Gazeta, No. 238–239, 08.12.1994;
2. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996. Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. – URL / <http://pravo.gov.ru> (accessed: 09/21/2021);
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated 18.12.2001 (as amended on 01.07.2021) – Vedomosti of the Federal Assembly of the Russian Federation, 01.01.2002, No. 1, Article 1;
4. Federal Law No. 161-FZ of 27.06.2011 (as amended on 02.07.2021) “On the National Payment System”, Collection of

- Legislation of the Russian Federation, 04.07.2011, No. 27, Article 3872;
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 of December 27, 2002 "On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 2, 2003;
 6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 (ed. of 29.06.2021) "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement". – Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 2, February, 2018;
 7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 22 dated 06/29/2021 "On Amendments to Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases". – Rossiyskaya Gazeta, No. 159, 16.07.2021;
 8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 51 dated December 27, 2007 "On Judicial Practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement" – Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 2, February, 2008;
 9. Order of the Bank of Russia dated 27.09.2018 No. OD-2525 "Signs of money transfer without the consent of the client" [Electronic resource] – URL / <http://www.cbr.ru/> (accessed: 08/11/2021);
 10. Arkhipov A.V. Problems of determining the place of fraud in relation to non-cash funds // Criminal law. 2016. No. 3. p. 4–10;
 11. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article), 3rd edition, supplemented and amended, edited by Yu.I. Skuratov, V.M. Lebedev – "INFRA-M-NORM", 2000;
 12. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article), 9th edition, revised and supplemented, edited by G.A. Esakov. – Prospect, 2021;
 13. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article), 7th edition, revised and supplemented, ed. by A.I. Rarog. – Prospect, 2011;
 14. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 volumes (article by article), volume 1, 2nd edition, edited by A.V. Brilliantov. – Prospect, 2015;
 15. Meshchersky A.S., Drokin V.S., Karpenko D. Yu. Determination of the place of embezzlement of funds using non-cash payments // Legality. 2016. No. 10. pp. 58–60;
 16. Ogar, T.A. The significance of the issue of the moment of the end of the crime for the judicial and investigative practice in cases of fraud / T.A. Ogar, M.V. Shkele // Law and modern economics: new challenges and prospects: A collection of materials of the II scientific and practical conference with international participation of the Faculty of Law of St. Petersburg, April 09, 2019 / Under the n12, scientific editorship of N.A. Krainova. – Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics, 2019. – pp. 406–410;
 17. Pavlyuchenko Yu.V. The place of the crime and the time of its completion in cases of fraud in respect of non-cash funds // Criminal law. 2018. No. 2. pp. 69–78;
 18. Frost S.M., Fedosov A.E. Problems of determining the place of investigation of fraud using electronic forms of payments // Legality. 2015. No. 1. pp. 51–53;
 19. Yani P.S. Qualification of embezzlement: the moment of termination, gratuitousness, damage // Legality. 2015. No. 12. pp. 43–47.